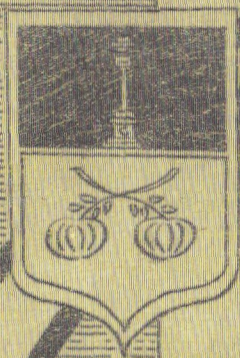

В. РЯБОВ

Сенгилей

В. РЯБОВ

СЕНГИЛЕЙ

(ЗАМЕТКИ О ПРОШЛОМ УЕЗДНОГО ГОРОДА)

г. Ульяновск
Симбирская книга
1994

Печатается по заказу администрации Сengилеевского района.

Искренне благодарю главу администрации Сengилеевского района Николая Алексеевича Емельянова, нашедшего время познакомиться с рукописью и взявшего на себя заботу по изданию этой книжечки. Приятно, когда первое лицо района в сегодняшней непростой обстановке, не только оперативно решает сложнейшие экономические и производственные вопросы, но и не упускает из поля зрения сферу жизни интеллектуальной. А это вселяет надежду на лучшее будущее.

Благодарю также коллектив ГП «Квант» и ее директора Г. С. Маслову за быстрое исполнение заказа.

Автор.

В. РЯБОВ

СЕНГИЛЕЙ (заметки о прошлом уездного города). — Ульяновск: «Симбирская книга», 1994.—с. 146.

Рябов Валентин Алексеевич — участник Великой Отечественной войны. Живет в пос. Силикатный Сengилеевского района Ульяновской области. Многие годы занимается краеведением. Опубликованы его очерки по истории населенных пунктов района. В книге дается достаточно объемный и систематизированный материал о дореволюционной истории Сengилея.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Сенгилей — всего лишь маленькая точка на географической карте нашей великой России, ее неотъемлемая часть. Для одних из нас — это малая Родина, для других — место, куда мы в силу тех или иных обстоятельств прибыли из дальних или ближних краев. Мы здесь живем, работаем или учимся, любимся Волгой, садами, холмами и лесами, окружающими наш городок, и нередко задумываемся над тем, когда и как возник Сенгилей, кто были первые поселенцы, обосновавшиеся в этих благословенных местах, какие происходили события в этом провинциальном уголке и т. д.

В дореволюционные годы в России было достаточно широко развито краеведение. Оно и отвечало на подобные вопросы. Источников для него было много: открытые архивы, летописи, общедоступные ежегодные отчеты земства и др. Например, летописи велись в каждой церкви и в ряде дворянских усадеб. В них записывались все большие и малые события города и села. К сожалению, в двадцатые и тридцатые годы все это было утрачено. Многие краеведы, чтобы они не очень-то рылись в старине, пересажали. Летописи, как «наследие проклятого прошлого», выбросили или сожгли. В школах и институтах стали изучать только то, что связано с революционными собы-

тиями и народными бунтами. Богатейшая история была обеднена до примитива.

Возрождение краеведения началось в период хрущевской «оттепели», но особый интерес к нему стали проявлять лишь в последние годы, когда начали падать завесы секретности с архивных документов, приоткрывались двери спецхранов. У людей стало пробуждаться самосознание, интерес к прошлому. К сожалению, начиная с 1918 года из наших библиотек, по распоряжениям свыше, были изъяты и уничтожены все статистические исследования по уезду и губернии, большинство краеведческой литературы и журналов с отчетами земства.

Мы живем в интересное и тревожное время. Кончается не только беспокойный двадцатый век, но и второе тысячелетие новой эры. Наступает пора подводить итоги приобретенного за это время и утраченного. Осмелюсь и я предложить любителям старины свои заметки о прошлом Сенгилея. Собрать все это «наше наследие» я начал в далеком теперь 1959 году. Написанное мною — это попытка привести в хронологический порядок скопившиеся у меня сведения из книг, журналов, газет, архивных документов, записанных в свое время рассказов старожилов. Это своеобразная хроника жизни нашего городка и уезда. Считаю также необходимым предупредить, что изложенное здесь, не все бесспорно. Некоторые факты было бы желательно еще раз перепроверить, но возраст автора уже не тот, когда единого факта ради можно мчаться в хранилища Москвы или Ульяновска, Самары или Казани.

В предлагаемой первой части хроники уездного города Сенгилея события доводятся до января 1917 года — кануна буржуазно-демократической революции в России. И если мне судьбой будет суждено пожить еще, постараюсь продолжить вторую часть и довести ее хотя бы победного мая 1945 года.

Автор.

Глава I

НАША ПРЕДЫСТОРИЯ

По берегам Волги человек обитал с незапамятных времен. Одни племена сменялись другими. Некоторые уходили на новые места, иные постепенно сливались друг с другом, взаимно усваивая более высокую культуру земледелия, скотоводства, ремесел. Было и наоборот.

Молчат немые свидетели тех времен, древние, как мир, курганы, наводят на размышления следы древних поселений.

Жигулевское предгорье, в одной из долин которого находится Сенгилей, за свою многовековую историю обросло десятками легенд. Особенно интересны малоисследованные и потому вдвойне таинственные следы древних поселений.

В докладе Первому Археологическому съезду в Москве известный археолог Капитон Иванович Новоструев, ссылаясь на сообщение предоставленное ему протонереом К. С. Базилевским, говорил: «В лесных дачах верстах в 8 от Сенгилея есть местность, именуемая «городки», место это представляет как бы развалины древних жилищ и укреплений, а в народе есть легенда, что жили здесь давно татары и существовал их город, будто бы на этом месте есть подземные ходы, а в них когда-то видели бочки, висевшие на цепях. Князя этого города звали Кудеяром». ¹⁾

Упоминает о сенгилеевских древностях и Тимофей Гри-

гѳрьевич Масляницкій, составившій в 1783 году описание Симбирскаго наместничества. Он отмечал: «... знаки старинныхъ крепостныхъ строений и деревянная дубовая башня видны еще и поныне в шести верстахъ отъ Сенгилея на возвышенномъ месте, окруженномъ стремниною, называемою «Широкий оврагъ». Упоминаетъ онъ и о двухъ валахъ, проходящихъ черезъ Сенгилей вдоль берега Волги, «каждый изъ которыхъ верстъ по пятнадцати». ²

Какихъ только исторій ни рассказывали в Сенгилее и соседнихъ селахъ о таинственныхъ древнихъ поселеніяхъ! Такъ, в 1879 году «Известія общества археологій, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ» опубликовали преданіе, записанное со слов сенгилеевскаго крестьянина Коровина. В немъ рассказывается, какъ сенгилеевскій крестьянинъ Никита Загуданскій однажды ездилъ в лесъ заготавливать метлы. Тутъ и случилась съ нимъ беда — упалъ съ березы, сломалъ ногу и куда-то провалился.

«Очнулся, — говорится далее, — и видитъ себя в пещере; в углу — божница вся в золотыхъ ризахъ, а передъ нею теплится золотая лампада. Огляделся. Видитъ: каменный столъ, а за столомъ сидитъ седой старикъ и зорко смотритъ на Никиту, глаза сверкаютъ, какъ у волка. Испуганный Никита сотворилъ молитву, а старикъ оцетинился и крикнулъ: «Возьмите его!».

Тутъ взяли Никиту какіе-то люди подъ руки и вывели в лесъ на поляну. Никита не помнитъ, какъ доехалъ до дома. Жена нашла его в телегѣ у воротъ безъ языка. Истопили баню, выпарили. Пришелъ онъ в чувство и рассказалъ случившееся съ нимъ происшествіе. Рассказывалъ при этомъ, что в пещере висели на цепяхъ бочки, у которыхъ уторы рассыпались и обнаружили золото». ³

Все это далекіе отзвуки бывшей волжской вольницы. Разбойничьихъ гнездъ в нашихъ мѣстахъ, действительно, было немало.

Такъ что же представляютъ изъ себя городки? Пожалуй, единственное достоверное, хотя и поверхностное, описаніе ихъ оставилъ намъ сенгилеевскій учитель М. И. Извощиковъ. Приведу его съ незначительными сокращеніями.

«Городокъ мною осмотрѣн.. 14 ноября 1879 года, — сооб-

щал он Казанскому обществу археологии. — Он известен в народе под названием Худояровой (Кудеяровой) казны... Лежит на западе от Сенгиля в 7 верстах по левому берегу Белого Ключа, впадающего в речку Сенгилейку (у Б. Ключа есть еще названия Чугурка, Кряж (В. Р.) между казенной фермой и деревней Каранино, на юг в 4 верстах от д. Каранино и в двух верстах от фермы, в ложбине, между двух кряжей-холмов, известных под именами Верхнего и Среднего Венца.

Эти кряжи представляют два почти параллельных хребта высотой над окружающей местностью от 15 и не более 20 сажен. Местность, где расположен Каранинский городок (Худоярова казна), носит название городков по всей окружности, начиная от Каранина, верст на пять, а между тем никаких городков там больше нет.

Городище имеет вид прямоугольника, который южной частью примыкает к Белому Ключу и образует в этом месте три вала высотой 1,5, а шириною в одну сажень, длиною же по одной стороне прямоугольника 100 сажен, а по северной стороне 120.

Весь этот вал обрыт рвом, глубиною в полторы сажени, а в середине имеет.. выезд, шириною в две сажени. Вал Каранинского городища в некоторых местах, обращенных к полуночной стороне, порос березками и дубнячком. Само городище уже распаханно, исключая валов.

От этого городища за Белым Ключом, на холме Верхнего Венца, идут еще два небольших вала под углом примерно 45 градусов, высотой в полсажени, шириною в сажень, а длиною один в триста сажен и теряется на пашне, идя на юго-восток. Другой вал, идущий на юго-запад под таким же углом от городка, говорят, идет верст на 40 к селу Кротково, к Худоярову городищу.

Вал, идущий на юго-восток, уже давно распахан, но по некоторым признакам он оканчивался близ берега Волги, у Широкого оврага. Но это лишь предположение, проверить которое может только специалист.

Осмелюсь привести цитату еще из одного источника. В томе VI «Полного описания нашего отечества» говорится:

«Вверх по течению реки выше Кроткова левый берег Тукшума—гористый. На этом берегу в пяти верстах от Кроткова выдается из ряда возвышенностей, хотя и небольшая, но очень крутая гора, на которой заметны валы и рвы, окружающие неправильно многоугольную площадь, носящую название «городок».

От него заметны следы большого вала по направлению к Сенгилею. В прежние времена, как рассказывают старожилы, там часто находили старое оружие и утварь: бердыши, кольчуги, стрелы, луки, подковы, посуду и т. д. Все это находили при поисках заговорного клада, положенного там по преданию Кудеяром.

Предания о Кудеяре очень смутны и разнятся между собой. По одним сказаниям это был разбойник, грабивший население, по другим — опальный князь, скрывавшийся тут от гнева Ивана Грозного.. (который) с верными слугами своими многие годы жил здесь, укрывшись в городке». ⁵

Идет время, меняется и легенда. Имя Кудеяра за последние сто лет из легенды исчезло, его занял Степан Разин. Вот что в 1984 году записал в Кротково член фольклорной группы Ульяновского педагогического института Г. А. Черемисинов: «Говорили у Стеньки Разина были клады тайные. У него дорога выслана из дикаря-каменная из лесу до Волги. Для чего она ему, не знай. Она не больно широка: на лошади не проедешь. Он, наверное, по ней не ездил. Прямая линия — дорога. По этой линии ямы есть. Значит, проваливалась она. Похоже, был подземный ход из лесу до Волги». ⁶

Прежде чем ответить на вопрос, имеется ли связь между Каранинским и Кротковским (Никольским) Кудеяровыми городками, придется сделать небольшое отступление.

Автору в свое время приходилось переписываться с писателем П. Т. Петровым. В довоенные годы он в Сенгилее работал заведующим районо. Как-то летом, готовясь к одной из научных конференций, Петр Тихонович, чтобы оживить содержание своего доклада, с учащимися старших классов Елаурской средней школы и учителями того же

куста совершил поход по краю Кудеяровых гор. Было найдено много материала: керамика, точильные камни, жернова ручных мельниц и т. д. Все это Петр Тихонович после консультации с научными сотрудниками Куйбышевского краеведческого музея передал им. Среди керамики были образцы булгарского, золото-ордынского и других периодов.

В одном из писем автору 3 ноября 1969 года П. Т. Петров из Казани писал: «...Городок на Лысой горе (у Кроткова и Никольска) напоминает городище булгарской эпохи. По всем признакам на вершине горы было какое-то строение типа крепости, а вокруг него — поселение, окруженное рвом и валом. Все это заросло лесом».

Далее Петр Тихонович пишет: «Можно предположить, что остатком когда-то укрепленной линии является каменный вал, а может быть и каменная стена неподалеку от Дома инвалидов (бывшей казенной фермы В. Р.). Там на значительном расстоянии есть осевший вал, заросший деревьями. Под слоем земли — глыбы песчаника. Осмотр и раскопки в некоторых местах убеждают, что вал или стена — вовсе не причуда природы, а сделано это людьми». 7

А теперь, чтобы разобраться, кто эти люди и почему они это делали, давайте кое-что вспомним из Отечественной истории.

* * *

Где-то в VII—VIII веках сармато-аланы, ассимилированные тюркоязычными племенами, жили в Приазовье, но разгоревшаяся междоусобица, нашествие арабов и усилившийся Хазарский каганат заставили их сняться с обжитых мест. Та часть, которая вынуждена была уйти за Дунай, стала называться болгарами, а та, что пришла в Среднее Поволжье — булгарами.

На новом месте они образовали множество мелких княжеств, занимавших территорию от Самарской Луки до Камы и от Свияги до реки Белой в Предуралье. Для краткости опустим процесс образования и объединения княжеств, принятия ислама, войны, зависимость и освобождение от Хазарского катаганата. Об этом написаны тома специальной литературы.

По мере ассимиляции местных и финно-угорских племен, особенно мордвы-мокши, попавшей к ним в зависимость, болгары от покоренных народов научились многому: пашенному земледелию, содержанию скота, ремеслам. Освоили даже металлургию. Это способствовало возникновению многочисленных городищ и селищ. Волжско-Камское Булгарское царство стало одним из процветающих государств Восточной Европы с хорошо развитым хозяйством и торговыми связями не только с соседними странами, но и государствами Арабского Востока.

В начале XIII века в Центральной Азии возникло мощное феодальное образование — империя Чингисхана. Покорив Южную Сибирь, Северный Китай, Среднюю Азию, Закавказье, орды завоевателей в 1223 году появились в Прикаспийских и Приазовских степях.

Отчаянная попытка остановить их дальнейшее продвижение на реке Калке для русско-половецких войск закончилась трагически, а значительная часть войск кочевников устремилась в Среднее Поволжье.

Булгары следили за продвижением противника, устраивали на его пути препятствия, готовились вступить в сражения. Монголо-татарские войска под предводительством Судебея и Джебе ворвались в южную часть Волжско-Камского Булгарского царства по территории нынешних Николаевского, Кузоватовского, Тереньгульского и Сенгилеевского районов, переправились через Волгу и остановились в низовьях Черемшана. Затем отряд пришельцев численностью более четырех тысяч человек направился к главному городу государства Булгару. Это была разведка боем. Но там, где сейчас находятся села Андреевка и Озерки Чердаклинского района, этот отряд пришельцев был разбит булгарскими воинами. Потерпев поражение, орды повернули на юг и по левобережью ушли в Прикаспийские степи. ⁸

После этого лет шесть монголо-татары серьезно не беспокоили булгар. За это время умер Чингисхан, империя его распалась на четыре враждующих друг с другом улуса. А булгары все эти шесть лет на южных границах своего царства строили многокилометровые укрепленные линии.

Они представляли собой высокие земляные и каменные валы, глубокие рвы, иные препятствия, крепости, засады. Сосредоточивали в них большое количество войск. И когда в 1232 году многотысячная орда улуса Джучи под руководством сына Чингисхана попыталась прорваться через болгарские укрепления, это закончилось неудачей.⁹

Трагедия наступила весной 1236 года. Неисчислимо количество войск всех помирившихся улусов под руководством внука Чингисхана Батыя, в которое входили монголы (мунгалы), татары джагатские, исетские, уватские и другие, а также кипчаки, тангуты, туркмены, уйгуры и прочие племена и народы, двинулось от Урала на запад. Превосходство в численности кочевников было несоизмеримое и, естественно, болгарские укрепления долго перед завоевателями устоять не могли. Но каждый город, каждое селение болгар и местных племен оказывало отчаянное сопротивление.

Завоеватели огнем и мечом уничтожали все и вся, не щадили ни стариков, ни новорожденных. Цветущий недавно край был превращен пришельцами в безжизненную пустыню. Весной 1237 года монголо-татарам удалось переправиться через Волгу на правобережье. Здесь участь болгар постигла также мордву, буртасов, мариюцев, чувашей и русские княжества.

Затем в течение пяти с лишним лет лавина азиатских завоевателей, неся ужас и смерть, уничтожая все, что можно было уничтожить, сжечь все, что могло гореть, прокатилась по Восточной и Центральной Европе, а оттуда вернулась в наши обезлюдившие края, намереваясь здесь поселиться навсегда. Однако жители степей в нашей лесостепной местности быстро разочаровались, ушли в прикаспийские степи, где в 1247 году образовали государство Золотую Орду, а часть их с награбленным возвратилась в Азию.

Жестокость завоевателей стояла значительно выше их интеллекта. Народы Среднего Поволжья оказались от них в вассальной зависимости, сохранив свой образ жизни, систему управления и практически прежние границы. Прибавилось только одно — здесь в Поволжских землях их бас-

как под защитой вооруженной охраны собирали дань и другие поборы с покоренных народов.

По дорогам двигались закованные в колодки должники, отправляемые за неуплату дани в Золотую Орду в вечное рабство и продажу в азиатские страны. В таких условиях шло возрождение народного хозяйства Волжско-Камского Булгарского царства. Ханы этому не препятствовали, видимо, понимая, что с нищих многого не возьмешь. Но как только какое-то княжество усиливалось в хозяйственном отношении и начинало представлять угрозу золотоордынским ханам, на возрождающиеся народы обрушивались «рати» — карательные экспедиции. Особенно разрушительным для Среднего Поволжья было нашествие войск хана Булак-Тимура, начисто уничтожившего большинство городов и сел. Разорен и уничтожен был и Великий Булгар. Булгарскому хану пришлось основать Новый Булгар, который впоследствии стал называться Казанью.¹⁰

Видимо, в это время было уничтожено и булгарское селище около теперешней Новой Слободы. О нем напоминает только бугор, носящий название «булгар». Это все, что нам пока известно. И такой беспредел продолжался почти два века. Значительная часть булгарской территории, оставшейся практически без людей, стала именоваться «диким полем» и была заселена только в XVII веке.

Однако распри между золотоордынскими ханствами, постоянные междоусобицы ослабили государство завоевателей, а появление с востока Тамерлана, нанесшего ряд поражений Тохтамышу, преследование его до Ельца, разграбление Азова и Кафу, восточный поход через Волгу, разрушение Сарая, походы московского Князя Василия II и других славянских князей привели к окончательному распаду Золотой Орды.

Один из ордынских князей Улу-Мухаммед, объявив свой суверенитет, с большим войском ушел в пределы царства Булгарского. Так в 1436—37 г.г. возникло Казанское ханство. Его южная граница проходила недалеко от нас — по реке Сызранке. Двухвековое взаимное влияние булгар и кочевников не прошло бесследно. Оно привело к образова-

нию новой народности, которую к концу XV века стали называть казанскими татарами.

После этого очень краткого и схематичного экскурса в прошлое можно предположить, что каменный вал или, как сейчас говорят, «дорога» между Сенгилеем и Кротковом-Никольском является остатками укрепленной линии, возведенной булгарами в начале XIII века. Что же касается городков и селищ, то они могли возникнуть и ранее. Жизнь в них, видимо, продолжалась до нашествия Булак-Тимура, а возможно и до падения Казанского ханства.

Основанием к такому суждению является то, что в 30-е годы сенгилеевские школьники в районе Каранинского городка нашли клад — около четырехсот серебряных монет. Он был отправлен в Куйбышевский краеведческий музей. По сообщению научных сотрудников, монеты были ордынского периода и чеканены во второй половине XIV века. Это не единственная находка. По сведениям, собранным в 1906—1907 годах основателем Сенгилеевского естественно-археологического музея Н. Н. Захарыным, вблизи «городка» находили секиры, мечи, копья, монеты, домашнюю утварь. Несколько раньше, в 1885 году, была найдена кольчуга.

Сенгилеевская учительница Евдокия Николаевна Рамзаева, много лет проработавшая в детском доме и не раз бывавшая с воспитанниками в районе Кудеярова городка, рассказывала, как ребята вытащили из земли частично обнажившуюся после паводка керамическую трубу длиной около метра (диаметр ее отверстия составлял примерно 5 сантиметров). Находили осколки непривычных для нас яркосиних плиток. В послевоенные годы здесь были найдены копье и боевой топор русского воина, металлические наконечники стрел.

К сожалению, никто из специалистов-археологов Кудеяровы городки детально не исследовал и раскопок не проводил. К булгарскому периоду их относят по остаткам керамики и другим находкам.

Но почему они оба Кудеяровы? В волжской фольклористике легенды о Кудеяре занимают чуть ли не второе место после легенд о Степане Разине.

Н. М. Карамзин считал это имя татарским. Но казан-

ские татары — практически наследники болгар. В 1902 году симбирский историк В. Э. Красовский писал: «...городище, близ которого основана Сенгилеевская станичная слобода, по всей вероятности, было построено татарами. Предание, доселе живое, представляет его жилищем какого-то князя Кудеяра или Кудояра... надо полагать, что (здесь) на месте, где были поселены белоярские захребетники, в самые древнейшие времена находился укрепленный город, которым правил болгарский князь Кудеяр. Подобно другим... князьям Кудеяр находился под властью царя болгарского, имевшего свою резиденцию в Булгаре на Волге» ¹¹. В те времена его приближенные собирали с подвластных народов дань. Отсюда, видимо, и легенды о сокровищах.

* * *

А теперь о происхождении названия нашего городка. Здесь также очень много предположений, легенд и догадок. Одни, например, предполагают, что название дошло до нас от волжско-камских болгар, на языке которых синг ил, якобы, означает новый дом, в смысле новое место жительства. Вторые считают, что раньше на месте Сенгилея было мордовское селище, и слово сенгел в переводе со старомордовского означает приток реки.

Еще одна довольно распространенная легенда. Когда под натиском войск Ивана Грозного 2 октября 1582 года пала Казань, сыновья хана Син и Гирей, якобы, не желая быть плененными, с верными слугами ушли вниз по Волге и здесь основали малый городок, который местные жители по именам братьев нарекли Сингиреем.

Некоторые считают, что это и был тот самый городок, следы которого находятся между Домом инвалидов (казенной фермой) и деревней Каранино. Но Сенгилеевская станичная слобода была основана на самарской дороге, а эта дорога через Кудеяров городок не проходила. Построена была слобода «близ старого городища» между речек Сингилейки (так она раньше называлась) и Тушнинки (позднее ее стали называть Тушненкой, а с середины XIX века Тушонкой — от слова тухлая вода).

И еще. Существует неписанный обычай называть мелкие речки именем крупного населенного пункта, через который они протекают. Правда, случается и наоборот. Сингилейка же носила такое название до поселения здесь белоярских захребетников. Об этом свидетельствуют документы Симбирской приказной избы, с которыми мы в дальнейшем познакомимся. По всей вероятности, на месте Сенгилея когда-то существовало еще неизвестное нам поселение. Они в то время, как правило, были небольшими, полужемляночного типа.

На подобные размышления, кроме изложенного, наводит статья А. Архипова «Сенгилеевские городки». В ней говорится, что в 1926 году вешним разливом в Сенгилее размыло берег Волги. В обвалившейся береговой части обнажилось большое количество костей. «Судя по вымытым костям, захороненные люди были высокого роста и крепкого сложения. В размытом грунте также была найдена полуистлевшая женская коса»¹². Возможно это и были жители древнего поселения, носившего имя созвучное с Сенгилеем.

Можно также предположить, что при строительстве здесь в 1666 году и позднее передового городка, Станичной, а затем Выборной и Бутырской слобод местное население частично покинуло обжитые места, частично слилось с вновь прибывшими, а все следы их жилищ временем и новой застройкой были стерты с лица земли, и когда через 120 лет Т. Г. Масляницкий приезжал сюда составлять описание Симбирского наместничества, о снесенных жилищах аборигенов вряд ли кто и помнил.

Но все это догадки. На взгляд автора, заслуживают внимания изыскания местного краеведа Учителя с большой буквы Алексея Григорьевича Зазоева. Анализируя татарские и мордовские имена сторожевых казаков Саранского острога, он выделил довольно часто встречающиеся имена Сенгильдей и Сянгильдейка. Слова эти имеют родственное звучание с русифицированными названиями Сенгилей (город) и Сенгилейка (речка). Закономерен переход: Сянгильдейка — Сенгильдей — Сенгилейка, Сенгилей. Ко-

речь слова остается неизменным. Не исключено, что перво-строителем городка и является неизвестный нам Сengiль-дей.

Достоверно же одно: в конце XVII века в документах встречаются вместо Станичная, Бутырская, Выборная слобода иное обобщающее название — Сengiлеевы слободы.

Заглянем еще в один источник — «Словарь географический Российского государства», выпущенный в 1807 году. В нем наш городок называется Сengiлеев. А до присвоения титула города, когда была построена церковь во имя Цокрова Пресвятой Богородицы, а слободы объединены в один населенный пункт, особенно распространенное среди бурлаков название было Сengiлеевка.

Есть у нашего города и тезки. На Ставропольщине, в Шпаковском районе, имеется станица Сengiлеевская. Основана она значительно позднее нашего городка, в 1797 году, отставными солдатами и крестьянами-однодворцами, выведенными из внутренних губерний России, и в начале XIX века причисленным к казачьему войску. Как сообщили автору научные сотрудники Ставропольского краеведческого музея, «название станицы происходит от собственного имени на языке тюркских племен, издавна кочевавших в этих местах». ¹³ То же относится и к Сengiлеевским озерам (теперь водохранилищу), расположенным неподалеку от станицы.

Несколько южнее Казани еще лет 30—35 назад существовало село Сингили. Значение этого слова по сообщениям казанских краеведов потеряло смысл. По их предположениям образовано оно от собственного имени, как и большинство населенных пунктов.

Деревня с таким же названием имела в Кировской области. О происхождении ее там ничего не известно.

Есть еще несколько менее распространенных легенд и предположений, но теперь, через триста с лишним лет, очень трудно разгадать загадку названия нашего городка.

* * *

Казанское ханство, опиравшееся на поддержку Священной Порты и Крымского ханства, стало проводить недружест-

венную политику в отношении Руси. Набеги и грабежи земель русских не прекращались. Особенно страдали от них сопредельные с ханством территории. Подходило войско Казанское и к Москве. С бессмысленной жестокостью уничтожались не только плоды трудов многих десятилетий, но и сам народ.

Это вынуждало государство Московское обезопасить себя от не в меру агрессивного соседа. В 1552 году стоятидесятитысячное войско Иоанна IV штурмом овладело Казанью. Ханство Казанское было присоединено к Московскому государству.

Народы Среднего Поволжья новую власть признали не сразу. В 1553 году вспыхнуло восстание татар, подготовленное прокрымской группировкой казанских феодалов. Прокатились волнения среди мордвы, чувашей и других народностей во главе со своими мурзами и князьками. Восстания были подавлены. Часть казанской знати переселена в отведенные им вотчины в землях Владимирских, Рязанских и иных местах, другая часть принята на государственную службу, за что получила соответствующие привилегии. Так на территории Среднего Поволжья образовалась категория служилых татар и чувашей.

Однако уверенность, что соответствующий порядок в бывшем Казанском ханстве и других землях Поволжских будет поддерживаться незыблемый, у правительства могла появиться только тогда, когда на новые места будет переселена значительная часть русских. Для этого боярам, дворянам и их детям во вновь присоединенных землях отводились вотчины и поместья, но с условием, что они часть своих крепостных из центральных губерний России переведут в Среднее Поволжье. Сюда же «на вечное жительство» и для охраны юго-восточных границ переселяли великокняжеских крестьян. Здесь они становились служилыми людьми «по прибору». Им предоставлялись льготы в землепользовании, выделялись пособия на обустройство хозяйства. Так в 1666 году по высочайшему распоряжению из подмосковных Шелепихинских каменоломен в Тушну были переведены 30 семей бутников.

Выделялись земли, рыбные ловли монастырям. Они в

Среднее Поволжье также переселяли своих людей, обещая им всевозможные льготы. В наших местах в XVII веке были наиболее известны Новодевиченский и Саввино-Сторожевский монастыри. Оба находились в Подмоскowie, а здесь были их вотчины. Старцы последнего для работы в вотчинах принимали под свое покровительство мордву, чувашей, марийцев, беглый заблудший люд и заселяли ими прибрежную территорию от Самарской Луки чуть ли не на 200 верст. Здесь у них были пашни, пастбища и рыбные ловли. Почти не уступал им и Костромской Богоявленский монастырь (Богоявленское Подвалье).

Происходило и вольное заселение края за счет крестьян, бежавших от помещиков, а также казаков, стрельцов, мастеровых людей. Несмотря на строгое указание властей о выяснении принадлежности беглых крепостных, их на местах, как правило, укрывали и приписывали или в дворцовые деревни или в помещичьи. Особенно ценились мастеровые. Много люда требовалось на строительство крепостей. А они хоть и медленно, но возникали.

Весной 1556 года близ устья Камы был построен и заселен русскими город Лаишев, затем Чебоксары, в 1578 — Царевококшайск, Тетюши, переоборудован в крепость Арзамас. В 1583 году возник Косьмодемьянск, в 1584 — Цивильск, в 1586 — Самара и Уфа, в 1589 « Царицин, в 1590 — Саратов. Но отдельные крепости мало что давали для защиты населения. Кочевные племена по привычке хозяйничали и грабили в Поволжье во всю. Требовалась хорошо продуманная система оборонительных сооружений, чтобы города-крепости соединялись друг с другом засечными линиями, а там, где лесов не было — рвами, глубиной 7—8 метров, валами. Чтобы вдоль этих укрепленных линий постоянно курсировали казачьи разъезды, существовала сторожевая служба.

На территории бывшей Симбирской губернии первой укрепленной линией была Тетюши—Алатырь, затем между Ундорами и Промзином — городищем (ныне Сурское). Строились они долго, сил отнимали много.

Весной 1648 года началась закладка города-крепости на Венце Симбирской горы ¹⁴, а годом раньше построен Кор-

сун (тогда он так назывался). Шло сооружение городских и валежных укреплений Симбирско-Карсунской укрепленной черты.

В 1652 году в 88 саженях от берега Волги основана крепость Белый Яр. От нее по правому берегу Черемшана шла на северо-восток Закамская укрепленная черта вплоть до Менделинска. Протяженность ее составляла 350 верст. На черте сооружались Ерыклинский, Тиинский и другие остроги.

* * *

По правому берегу Волги после Симбирска укрепленных городков пока не строили. И тем не менее вольные переселенцы, предприимчивые люди, несмотря на опасность, уже хозяйничали на Волге — ловили рыбу, строили первые промышленные заведения.

В «Приходно-расходной книге Симбирской приказной избы» записана челобитная Петрушки Шибанова и Федьки Кулабердина, в которой они просят отдать им на откуп (в аренду) «противу Белого Яру на нагорной стороне, на степной речке Сингилейке мельницу», которой владел белоярский конный казак Деянка Бобылев, арендовавший ее «у казанского посадского человека Андрея Жогулева». Нужна им была та мельница «для рыбного лову», т. к. ловили в Сингилейке лососей. Приказная изба «сыскала» Деянку Бобылева и выяснила, что он «владеет мельницей с 7172 (1664) года по казанской грамоте», а оброку платит один рубль в год.

Симбирский стольник и воевода князь Иван Иванович Дашков распорядился отдать мельницу на откуп П. Шибанову и Ф. Кулабердину за 6 рублей в год и велел им «тот мельнишный пруд вычистить, сверху и снизу сделать решетки плетеные... сажать в тот пруд лососи на государев обиход... и беречь к зимнему пути к Москве. ...за мельничный завод же уплатить Андрею Жогулеву по ценовой росписи 26 рублей, 4 алтына, 2 деньги» ¹⁵ — 26 руб. 13 коп.

Если была построена мельница, значит, был спрос и на размол зерна. Но где, какие поселения были на нагорной стороне, сколько в них жителей — на эти вопросы в «При-

ходно-расходной книге» не находим ответа, так как сохранилась только часть ее, а остальное погибло во время симбирских пожаров.

В сохранившейся части также говорится, что рядом с будущим Сенгилеем сданы на откуп за 60 рублей в год рыбные ловли и белоярскому казаку Филке Иванову со следующим наказом: «...а которая рыба будет красная ... отдавать на государев обиход, а из государевой казны в откуп зачитывать за всякую белугу по головам по 10 алтын (30 коп. В. Р.), за мерного осетра — по полуполтине (25 коп.), за чалбыша и шевригу (севрюгу) и за лосось — по гривне (10 коп.), за белую рыбицу — по 2 алтына и 4 деньги (8 коп.), за стерлядь мерную — по рублю за сотню». ¹⁶

Рыбных ловцов на Волге работало немало и всем было «заказано накрепко, чтобы они той государевы заповедныя рыбы не таили, себе не имали и никому не продавали, и даром не отдавали, и не корыстовались». ¹⁷ В противном случае им грозило лишение прав рыбной ловли без возврата откупных денег и порка плетью. Лещ, сазан, сом и другие породы были пищей простолудинов и запрет на их продажу откупщиками не распространялся.

Обилие нераспаханных земель, прекрасные пастбища, непроходимые леса и сказочные уловы — все это привлекало в наши края вольных переселенцев, хотя случалось и нередко, когда тех же рыбаков грабили и даже убивали или брали в плен кочевники.

К этому времени Башкирия была охвачена кольцом московских владений. Через нее проходили торговые пути на Урал. Чтобы найти общий язык с башкирами, московское правительство подтверждало феодальные права местных тарханов и батырей, владевших крупными стадами, лучшими пастбищами, но далеко не все этим были довольны. Время от времени там вспыхивали восстания, а чаще — вместе с калмыками и ногайцами — они совершали набеги на новые поселения в Предуралье и Среднем Поволжье. Одно из таких восстаний против русских началось в 1662 году. Вскоре оно из Предуралья докатилось и до наших мест.

Глава II

СЕНГИЛЕЕВЫ СЛОБОДЫ

Весной 1665 года огромное войско башкир уже в который раз неудержимой лавиной обрушилось на Закамскую черту, вторглось в Казанский уезд. Разоряли и жгли поселения, грабили, угоняли скот. Подъячий Симбирской приказной избы писал: «Башкирцы ерыклинское конное стадо отогнали.. от того разорения мало пошлин было: собирать не с чего». И еще запись: «В той Ерыклинской таможне у целовальников и ерыклинских казаков... деньги в недоборе. А почему... в недоборе, того не ведомо и допрашивать про тот недобор некого, потому как целовальников тех изменники-башкирцы взяли в полон». ¹⁸

Разорен был и Белый город (Белый Яр) с его двумя слободами, таможней и кабаком. Часть жителей, спасаясь, перешла на нагорную сторону.

Трудная обстановка сложилась в Симбирском крае. Чтобы защитить новые поселения южнее Симбирско-Карсунской черты, необходимы были казаки, стрельцы, дополнительные укрепления. Немногочисленный гарнизон Симбирской крепости и так был ослаблен посылкой 10 мая 1665 года двухсот стрельцов и двухсот казаков под командованием Михаила Арсеньева «для усмирения башкирцев».

На правом берегу, южнее Симбирска, укрепленных линий не было. Но некоторые исследователи считают, что незадолго до башкирского восстания на нагорную сторону из Белого Яра были направлены служилые татары и чуваша. Они, якобы, жили где-то в районе Широкого оврага и занимались строительством проездной Самарской башни и других укреплений, как своеобразного продолжения Закамской черты, но уже на правобережье.

Однако первое упоминание о заселении наших мест относится к весне 1666 года, когда симбирский стольник и воевода князь Иван Иванович Дашков «основывает на самарской дороге, близ старого городища, между речек Сингилейки и Тушнинки станичную слободу»¹⁹ и поселяет здесь белоярских захребетников Ваську Рыбникова с товарищами, которые оказались на правобережье во время башкирского разорения.

На новом месте захребетников записали на государеву службу станичными казаками. Они получили небольшое пособие на обзаведение лошадьми, были частично снабжены оружием, свинцом и пороховым зельем. Весной же 1666 года им отвели землю и сенные покосы «противу Белого Яру на нагорной стороне по речке Сингилейке с вершин и до реки Волги».²⁰

Такое решение, видимо, диктовалось тем, что в 1666 году началось заселение великокняжеских арбугинских поль дворцовыми крестьянами. Были основаны Кременская, Ключищинская, Тушнинская и Шиловская слободы. Из них в Тушнинской слободе находились казацки разъезды, имелся маяк, зажигая который, предупреждали о появлении неприятеля. Южнее Шиловской слободы существовали надолбы, о которых упоминается в грамоте, данной в 1669 году крестьянам арбугинских слобод на владение сенными покосами и рыбными ловлями.²⁰ Более того, как сообщает полковник Липинский в начале XIX века во время лесоустроительных работ в шиловских лесных дачах были обнаружены старинные укрепленные городки.²² Сенгилевские станичные казаки тоже не сидели без дела. Одновременно со слободой «по росписи и чертежу» строили укрепления. Но людей не хватало, отвлекали постоянные караулы. А затем началась крестьянская война под предводительством Степана Тимофеевича Разина.

Его войско почти беспрепятственно шло вверх по Волге, приближаясь к Симбирску. Основные силы во главе с атаманом двигались в стругах по воде, а те, кто присоединился в низовых городах и далее примыкал в пути, — следовали сухопутьем через Жигули, Усолье, Новодевичье, Станичную слободу и другие прибрежные села.

В Симбирск еще со середины лета для защиты крепости

спешили правительственные войска, стягивались люди с засечных черт. Повелено было прибыть в Симбирск и сенгилеевским казакам.²³

Силы защитников Симбирской крепости были немалые. Только окольный и воевода Иван Богданович Милославский в своем распоряжении имел московские стрелецкие части Ивана Жидовинова, Василия Бухвостова, Матвея Нарышкина, выборный (отборный) солдатский полк нового строя А. А. Шепелева, «да с ними же сели в осаде синбиреня, дворяне и корсунцы, и синбирской и корсунской черты пригородные и иные служилые люди».²⁴

Нет смысла рассказывать о сражении под Симбирском. О нем написано много. Войско Разино было разбито. Оставшиеся в живых, одни в стругах отступали вниз по Волге, другие с боями отходили вдоль Симбирско-Карсунской черты. Значительный отряд отступал на юг через Кременскую, Криушинскую, Шиловскую, Станичную слободы. В Надеинском Усолье с отрядом расправился белоярский воевода Козинский. Из 700 человек живыми взял в плен только 20.

Но на этом крестьянская война не прекратилась. Весной 1671 года «казаки астраханские, красноярские, черноморские, царицынские, саратовские, самарские жители в трехстах в семидесяти стругах» во главе с Федором Шелудяком вновь двинулись на Симбирск. В Белом Яре в армию Шелудяка влились две с половиной тысячи крестьян и казаков.²⁵

Осада Симбирска, длившаяся 12 дней, успеха не принесла, и войско Шелудяка отступило на юг.

После подавления крестьянских выступлений и кровавых расправ над участниками восстания, из Симбирска часть войск была вновь направлена на Симбирско-Карсунскую засечную черту, часть в Станичную слободу. Так здесь оказались татары и чуваша Казанбаша Исенбаева и другие служилые люди, зачисленные казаками, часть московских и казанских «стрельцов-инородцев».

Московский солдатский выборный полк думного генерала Аггея Алексеевича Шепелева получил повеление возвратиться в столицу. Поскольку по военному времени он имел двухкомплектный состав и даже после понесенных по-

терь, насчитывал значительно более тысячи человек (полки были тысячные), то все сверхнормативные, в первую очередь увечные, больные, выслужившие срок, по усмотрению Шепелева были отчислены и оставлены в Симбирске и уезде. Сам Аггей Алексеевич как и многие дворяне за победу над повстанцами был награжден земельным наделом, получили землю и все оставшиеся в Симбирском уезде солдаты его полка.

Значительная группа отставных солдат из этого полка, награжденная землей в Станичной слободе, туда и была направлена для несения охранной службы, где они, выбрав лучшее место за речкой Тушнинкой в 1672 году, основали свою, Выборную (Шепелевскую) слободу. Часть солдат была расселена на западе арбугинских полей и явилась основателями Солдатской Ташлы. Некоторые, главным образом больные и увечные, получили наделы на территории нынешних Ульяновского и Цильнинского районов. Они явились основателями Крестникова, Грязнухи и других сел. ²⁶

* * *

Опасность грабежей и нападений на берегах Волги после крестьянской войны не только не уменьшилась, но и возросла как от разбойничьих шаек, в которые влилось много разинцев, так и от кочевников, объединившихся под предводительством башкирского старшины Сеита. К ним примкнули калмыки Аюки Хана, ногаи и другие племена и народы. Поэтому гарнизон Станичной и Выборной слобод постоянно пополнялся. Выставлялись усиленные караулы. Поскольку обе слободы расположены в закрытой с трех сторон долине, наблюдение велось еще и прослушиванием. Не случайно, горы, окружающие слободы, стали звать ушами. Название Сенгилеевские уши сохранялось до середины прошлого века.

Около Станичной слободы возводились крепостные строения. Во весь рост встала дубовая сторожевая башня. Теперь через ее охраняемые ворота проходил самарский тракт, а с верхатуры велось наблюдение за Волгой на случай появления неприятеля. От башни в сторону Каранинских городков шел земляной вал, прикрытый с юга двойными надолбами и рвом.

За чертой к этому времени уже появились первые земляные городки с маяками, игравшие немалую роль по своевременному предупреждению гарнизона о появлении кочевников. Одним из таких пунктов было стрелецкое поселение, состоявшее из служилых чуваш в районе нынешнего Елаура, второе — в районе Малого Буерака. Между ними было еще несколько малых городков.

Встречающееся в документах название Арбугинская черта, от Широкого оврага до Тушнинской горы, видимо, не совсем точное, т. к. протяженность ее была небольшая, около 15 верст, и чертой она скорее всего называлась по привычке. Можно даже предположить, что строительство ее прекратилось за ненадобностью, поскольку после 1675 года уже велись работы по созданию укрепленной черты значительно южнее — от Надеинского Усолья до Канадея.

На эту линию были переведены 50 служилых татар Казанбаша Исенбаева, а в следующем 1679 году их земля по челобитной Емельки Стутдонова с товарищами была передана последним.

Теперь, когда в наших краях переправы кочевников стали практически невозможны, они «избрали для этого берег против устья реки Сызрана», по левой стороне которого шли обширные степи, удобные для пастбищ. Кочевники перемещались сюда и, кочуя, попутно грабили села, находящиеся за чертою. Поэтому, кто здесь поселился, старались уйти в другие места, а вновь не селились вовсе. Как утверждает Липинский, даже в 1860 году внутренняя часть Сенгилеевского и Сызранского уездов все еще называлась степью. «Так, если ехать из Сенгилея в Тереньгу, — пишет он, — то по местному выражению, значит, ехать в степь, хотя местность, разнообразящаяся перелесками, оврагами и горами совершенно не оправдывает этого названия». ²⁷ Местность к югу от Сенгилея носила название Крымской стороны.

Для полного пресечения набегов кочевников в семи верстах от устья реки Сызрана в конце 70-х годов был построен город Кашпур, а в 1683 году возведен большой город Сызран, и велось строительство укрепленной черты Сызран—Пенза.

В 1682 году в Станичной слободе вместо часовни была построена небольшая деревянная церковь.²⁸ Это было по тем временам большое событие.

А в следующем 1683 году стрельцы и люди других войск высланы были из Москвы в Симбирск, Сенгилей и Сызран». ²⁹ В их числе была и значительная группа солдат мятежного Бутырского полка Р. Жданова «уповательного (в надежде на исправление В. Р.) из Москвы переселенных на поселение». Некоторое время бутырские солдаты квартировали кто где, а затем по мере прибытия семей к 1685 году основали на правом берегу речки Сенгилейки свою, Бутырскую слободу.

Несмотря на относительно спокойную обстановку в нашем крае, станичные казаки и солдаты Выборной и Бутырской слобод не остались без работы. Из их челобитной 1697 года видно, что «...и службы де они всякие.. городовые и объездные служат и на Великого Государя службу ходят по очереди и ряду... и в новопостроенном городе Сызрани и на Кашпуре со своею братиею, станичными казаками с Тетюш и Карлинска, стоят ради сбережения от неприятельских людей попеременно, и в проезжие подзорные станицы ездят беспрестанно». ³⁰

В 1698 году по грамоте Петра I служилому люду, населявшему Сенгилеевские слободы в дополнение к ранее выделенным наделам было отмежовано «на сто служб санных покосов, которые выше города Белого Яра вверх по Волге реке от шиловских граней арбугинских крестьян 730 десятин с полудесятиною, также на Костомском острове 417 десятин без трети». ³¹

И все же с возведением новых укрепленных линий сторожевая служба казаков и солдат начала терять свое значение. К этому времени Закамская линия уже была передвинута далеко на юг, к Самаре, а губернатор казанский и астраханский П. Апраксин в 1708 году заключил с калмыцким ханом Аюкой договор о верном подданстве Российскому государству со всеми улусами и о совместной защите низовых городов от ногайцев, чеченцев, а также о вечном при Волге кочевании без перехода на правый берег.

В связи с этим было принято решение об упраздне-

нии управления Симбирской чертой, в подчинении которого находились и служилые люди Сенгилеевских слобод. Но вспыхнуло новое восстание башкир, поэтому местные гарнизоны не были распущены. Более того, станичным казакам опять вменено в обязанность нести сторожевую службу и в районе Белого Яра.

И только спустя лет пять после подавления в 1711 году башкирского восстания, жители Сенгилеевских слобод были лишены своих привилегий, по первой ревизии 1718—23 г.г. записаны в пахотные солдаты и положены в подушный оклад. В 1740 году в подушном окладе числилось 725 пахотных солдат.

В 1708 году по Указу Петра I Россия была разделена на восемь губерний. К Казанской в качестве уездного города приписывался Симбирск и его пригороды: Ерыклинск, Белый Яр, Надеинское Усолье, Самара, Сызрань, Петровск и другие. В 1717 году Симбирск со всеми пригородами приписывается уже к Астраханской губернии. Вскоре была образована Симбирская провинция, а в 1728 году она возвращена в состав Казанской губернии.

В 1723 году в Станичной слободе вместо пришедшей в ветхость маленькой церкви на народные пожертвования был построен новый, более просторный, и тоже деревянный, храм. С освещением его во имя Покрова Пресвятой Богородицы все три слободы были объединены и стали считаться одним селом Покровском. Это официально, по церкви, а неофициальное название — Сенгилеевы слободы или просто Сенгилеевка (видимо по названию речки, на которой уже тогда работали четыре мельницы) с начала XVIII века было известно по всей Волге.

Такие переименования по церкви были в то время модным поветрием. Переименовывали Тушну, Шиловку, Криуши, Бекташку, Кротково и другие села. Но новые названия не всегда приживались, так как повторялись очень часто. Только один пример. К середине XVIII века на берегах Волги, от Симбирска до Саратова, сел, переименованных в Покровское, оказалось около двух десятков. Вот и попробуй, бурлак, разберись до какого из них гнать бичеву. А Сенгилеевка — одна, спутать не с кем, ее все зна-

Бывшее военное поселение, ставшее Сенгилеевкой или Покровском, а также окрестные передовые городки — Малый Буерак, Елаур, Вырыстайкино, Русская Бектяшка и другие в начале XVIII века превратились в деревни и села с пахотными солдатами и их семьями. Здесь стали выращивать значительное количество хлеба, гороха, проса, конопли, тыквы, капусты, репы, лука, развели стада молочного скота, овец, свиней.

На территории современного Сенгилеевского района существовали два помещичьих села — подъячего Каранина близ Сенгилея и дворянина Кроткова на речке Тукшум. Готовилась основа для закладки еще одной помещичьей латифундии — отставной полковник Бекетов в 1736 году скупил по 37,5 коп. за десятину землю, пожалованную в свое время служилым чувашам, основавшим на ней деревни Калмыкову, Мاستрюкову, Иртушкину и Утяшкину. «Продав всю землю без остатка» — 2200 десятин, — бывшие ее владельцы переехали в другие села, а Бекетов перевел сюда из Архангельска, Репьевка тож, Карсунского уезда своих крепостных и основал новую деревню, названную по его фамилии.

В первой половине XVIII века выходцы из Елаура «для удобства земледелия основали деревню Алешкино. Чуть позднее, ближе к середине века, на казенных землях появляется деревня с новокрещенной мордвой — Мордовская Бектяшка. Примерно в то же время возникает русское село Мордово.

Как известно, заселение северной части нынешнего Сенгилеевского района началось в 1666 году. Арбугинские поля тогда принадлежали царскому двору, поэтому и слободы, основанные здесь, и крестьяне, поселенные в них, считались великокняжескими (дворцовыми). В 1697 году в Шиловской слободе было 60 дворов крестьянских (188 чел.) и 74 двора бобыльских (145 чел.), в Тушинской слободе — 55 крестьянских дворов (290 чел.) и 39 бобыльских (72 чел.). И в самой глуши непроходимого арбугинского леса в конце XVII века возникло еще одно поселение — ясачная Артюшкина деревня для новокрещенных чувашей.

Население вместе с естественным приростом увеличивалось и за счет крестьян, бежавших из помещичьих имений

Центральной России. Им редко удавалось похозяйствовать на земле, разве что батраками. Они чаще всего вливались в бурлацкие ватаги, грузили и разгружали баржи, на свой страх и риск за мизерную плату шли в рыболовецкие артели.

Дворцовые крестьяне обрабатывали так называемую государеву десятинную пашню (пахали поле, сеяли, девять десятин убирали для себя, десятую для дворцового ведомства), свозили государев хлеб на пристань. За пользование землей платили умеренный оброк и несли множество иных натуральных повинностей.

Пахотные солдаты сначала были положены в подушный оклад, затем стали платить денежную подушную подать 74 коп. с ревизской души.

Ясачные крестьяне за пользование землей платили ясак, а затем с сокращением охотничьих угодий (шла массовая вырубка лесов) переведены были, как и дворцовые крестьяне, на десятинную пашню, платили такую же подать и выполняли другие повинности.

Самыми бесправными и бедными были помещичьи крестьяне. Их наделы составляли почти половину от наделов дворцовых крестьян. Не менее трех дней в неделю отработывали барщину на полях помещика, кроме того отвозили его хлеб на ярмарки и пристани, ухаживали за скотом, строили или ремонтировали помещичьи хозяйственные постройки. За пользование землей платили натуральный оброк, а после 1740 года — денежный. В 50-е годы он составлял 1 руб. — 1 руб. 20 коп. с ревизской души, в 70-е был увеличен до трех рублей.

Переход на денежную подать был мучителен для крестьян, но он активизировал торговлю. На торжках стали продавать не только хлеб, мясо, яйца, но и изделия крестьянских семей: холсты, пряжу, лапти, дуги, сани, колеса, предметы сбруи и т. д. Введение денежного оброка увеличило отходничество крестьян на заработки. Но без паспортов покидать уезд не разрешалось, а получить паспорт можно было только с согласия помещика. Права крепостных были ограничены настолько, что, к примеру, вступить в брак люди могли лишь с разрешения помещика.

За третью четверть XVIII века почти никаких документов о событиях в наших местах нет. Известно лишь, что по третьей ревизии 1761—67 г.г. в Сенгилеевке (Покровском) жило сословья пахотных солдат 943 человека мужского пола и 1070 женского.

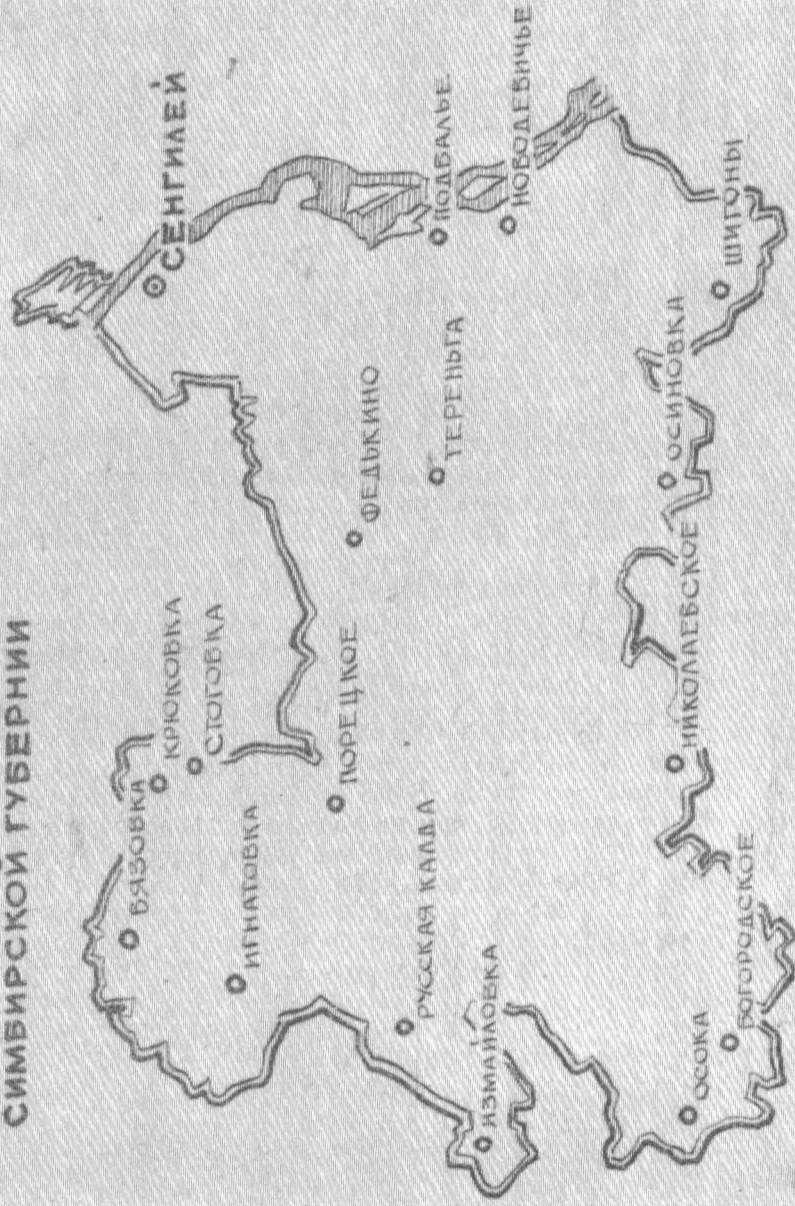
Серьезные события, взволновавшие всю Россию, начались несколько позже. 17 сентября 1773 года в Предуралье 80 казаков во главе с Емельяном Пугачевым начали штурм Яицкого городка. С этого дня войско Пугачева росло не по дням, а по часам. Перекинулась крестьянская война и в Поволжье. Соратник Пугачева Арапов захватил Самару и Ставрополь, запылали восстанием Белый Яр, Ерыклинск, Никольское на Черемшане и другие села Заволжья. Около Симбирска громили помещичьи усадьбы отряды Воронова и Фирса Иванова.

Участвовал ли кто в восстании из жителей сел, входящих в нынешний Сенгилеевский район, — сказать трудно. Сторонники Пугачева, по всей вероятности, имелись, но организованных отрядов здесь не было. Они возникали преимущественно в крепостных деревнях и селах, где крестьяне владели жалкое существование, а таких сел в границах района было только три.

Правительство бросило на подавление восставших отборные войска, которым удалось разбить армию Пугачева. Ее разрозненные отряды отступали от Казани, преследуемые по пятам карателями. Один из крупных отрядов пугачевцев под командованием Сомова, отступавший на юг по левобережью, был настигнут и уничтожен около Белого Яра. Спаслись из него единицы. Второй отряд, отступавший по правобережью, минуя Симбирск, шел через Кременки, Шиловку, Сенгилеевку (Покровское) и Новодевичье в Жигули, где вскоре распался.

По приказу П. И. Панина 1 октября 1774 года Пугачева в кандалах и металлической клетке вместе с женой Софьей и сыном Трофимом доставили в Симбирск. Конвоировали его две роты инфантерии, две казачьих сотни с приданными двумя пушками, а командовал этим конвоем генерал-поручик Александр Васильевич Суворов. Казнили Е. И. Пугачева в Москве 10 января 1775 года.³²

ПЛАН СЕНГИЛЕВСКОГО УЕЗДА
СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Глава III

УЕЗДНЫЙ ГОРОДОК

Для укрепления государственного аппарата и усиления власти дворянства на местах Екатерина II издала закон о губернской реформе. Россия была разделена на 50 губерний. В ряде, как теперь говорят, регионов, где чаще всего разражались народные бунты, создавались наместничества во главе с наместником. Они наделялись неограниченными полномочиями и находились непосредственно в подчинении императрицы.

Указ «Об учреждении Симбирского наместничества» был подписан Екатериной II 15 сентября 1780 года. В соответствии с ним генерал-поручику, правящему должность генерал-губернатора Симбирского и Казанского князю Мещерскому повелевалось: «...исполнить в декабре сего года по изданным нами учреждениям для управления губернией, равномерно и в Симбирском наместничестве, составя оное из тринадцати уездов, а именно: Симбирского, Сенгилеевского, Ставропольского, Самарского, Сызранского, Канадейского, Тагайского, Карсунского, Котьяковского, Алатырского, Ардатовского на Алатыре, Курмышского и Буинского. Вследствие чего те селения, кои назначаются быть городами, для приписания к ним уездов...». ³³

Указом от 22 декабря 1780 года село Покровское (Сенгилеевка), состоящее из трех Сенгилеевых слобод — Станичной, Выборной и Бутырской — было официально пере-

именовано в Сенгилей (Сенгилеев), уездный город Симбирского наместничества и образован Сенгилеевский уезд.

Территория уезда составляла 5215,2 квадратных версты, население 25 тысяч душ мужского пола, а вместе с женщинами 52—53 тысячи человек, ³⁴ т. е. десять жителей приходилось на квадратную версту.

10 января 1781 года во вновь образованном уездном городе состоялось открытие присутственных мест. Функции их были следующие.

Дворянская опека являлась чисто сословным учреждением и занималась защитой прав дворян и их имущества.

Функции уездного суда понятны и без пояснений.

Городничье правление управляло всеми городскими делами. Подчинялось оно только наместнику и финансировалось его канцелярией.

В круг обязанностей уездного казначейства входил сбор государственных доходов, состоявший из налогов, сборов, пошлин, а также реализация ценных бумаг, учет векселей, продажа гербовой бумаги, бандеролей, выдача различных свидетельств и, естественно, оформление и выдача сумм, предусматривавшихся на те или иные расходы.

Городовой магистрат являлся низшей инстанцией сословного суда для городских жителей.

Земскую полицию представлял в уезде нижний земский суд, занимавшийся рассмотрением дел по маловажным прощупкам и незначительным искам.

Открыт был также городской сиротский суд при городском магистрате. В его обязанность входило попечение о малолетних сиротах, вдовах, ревизия опекунских счетов.

Нижняя расправа для государственных крестьян рассматривала гражданские и уголовные дела.

Все эти присутственные места временно помещались в арендованных частных домах, т. к. по записям Тимофея Григорьевича Масляницкого, только в 1782 году «построено казною в г. Сенгилее для присутственных мест три небольших деревянных дома, денежная кладовая в земле с деревянными стенами и выходом». ³⁵ Построены были и два амбара для соли.

13 января 1781 года по Указу императрицы Екатерины II в Симбирском наместничестве и уездах были расписаны дороги и станции.

Симбирско-Самарский почтовый тракт до Сенгилея (57 верст) совпадал с глухим уездным трактом и служил только для весеннего и осеннего сообщения. Шел он через Кременки до Тушнинской почтовой станции, находившейся в двух верстах от Шиловки (вторая станция), оттуда до Сенгилея (третья станция), затем на Р-Бектяшку (четвертая), Новодевичье (пятая) и т. д.

Зимой эта дорога заносилась снегом, поэтому сообщение с Сенгилеем шло до Кременок по заливным лугам и льду Волги. Через Панскую деревню и Криуши до Шиловки путь выбирали где придется, а далее до Сенгилея — опять по льду. Летом почтовое сообщение было по Волге судами.

Из уездного центра на Сызрань почтовая дорога была определена через Елаур, Тукшум-Кротково и Тереньгу. Служила она и для своза хлеба на Сенгилеевскую пристань. На почтовых станциях уезда содержалось 18 лошадей. На них, кроме почты, перевозили лиц, проезжающих по казенной надобности, а также купцов. Все почтовые станции сдавались на откуп (в аренду) крестьянам, а те в свою очередь, нанимали ямщиков. Разница между откупной ценой и фактическими затратами на содержание лошадей и экипажей порой составляла приличные суммы.

Через Сенгилей проходил и главный торговый путь из Самары в Симбирск, а также этапная дорога, которая из Сенгилея шла на Тушну, а оттуда на Кременки и Симбирск. В конце XVIII и в начале XIX века арестантов размещали на ночлег в арендуемых у населения домах, затем в Р-Бектяшке, Сенгилее и Тушне были построены этапные тюрьмы.

Наряду с коммерческим торговым путем были определены два скотопрогонных тракта. Переправы скота из Заволжья существовали в Мордово и Шилровке. Отсюда гурты перегоняли до Симбирска. Третий, главный ското-

прогонный тракт, существовал западнее Сengiлея и шел через Тереньгу, Ясашную и Солдатскую Ташлу на Ардатов и Москву.³⁶

В 1783 году в Сengiлее побывал директор Симбирского главного народного училища Тимофей Григорьевич Масляницкий. Ему, как самому грамотному и эрудированному в Симбирске, было поручено составить «Топографическое описание Симбирского наместничества вообще и порознь, городов и уездов и обитающих в нем инородцев по запросным пунктам кабинета Ея Императорского Величества».

В своем труде он писал, что на Волге против города— «остров Костамыш длиною около 9, шириною до 3-х верст, покрыт лугами и лесом. А на полдень лежат пахотные земли, возвышаясь нечувствительно... Строение в нем, хотя простое, но лежит весьма приятно... имеет судовую пристань. В длину она 575, в ширину 550, в окружности 2500 сажен, фигурой четвероугольника».

Он также отметил, что в Сengiлее 400 обывательских домов, церковь, 7 водяных мельниц (5 на Сengiлейке и 2 на Тушнинке), 10 ветхих деревянных лавок, один питейный дом. Население города по четвертой ревизии 1781 года 2655 человек. Из них крестьян (пахотных солдат и членов их семей) 2398, отставных унтер-офицеров, солдат, их жен и детей 42, разночинцев 50, церковнослужителей штатных 6, заштатных 6, членов их семей 14. Лиц купеческого сословья 111, мещан, т. е. жителей, которые по тем временам должны были составлять основу городского населения, 13, дворовых людей 15. «Да после ревизии прибыло приказных служителей и прочих 88».

«Купцы и мещане торгуют мелочными товарами, а в основном хлебом, который отправляют в низовые города суммою до 10 тысяч рублей, заводят кожевенные промыслы. Иные занимаются рыбной ловлей, печением калачей и хлеба для идущих по Волге бурлаков. Фабрик и заводов нет». Отмечено также, что жители города и уезда «по большей части упражняются в хлебопашестве, от которого и пропитание имеют», а некоторые занимаются женьшем извести.

Из всех уездов Симбирского наместничества, писал Т. Г.

Масляницкий, в Сенгилеевском самое большое отходничество. По паспортам отходят в работы ежегодно от 2560 до 2960 человек, большей частью по Волге на судах вниз до Астрахани и вверх до Рыбной слободы». ³⁷

В 1785 году вышло городовое положение, в ст. 28 которого говорилось: «Городу иметь герб и употреблять оный во всех городских делах». Реализовать новшество для всех городов России оказалось непросто. Только в 1790 году по докладу Правительствующего Сената императрицей Екатериной II был высочайше пожалован Сенгилею герб. В книге «Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи», составленной П. П. фон-Винклером, он описывался так: «...в верхней части щита — герб Симбирский (на синем поле белый столп, на нем золотая корона, что символизировало установление и укрепление на Волге державы Российской В. Р.), в нижней части — две большие тыквы с ветвями в серебряном поле, означающее изобилие сего рода плода». ³⁸ Тыква имела и вторую символику — «верность земле сей».

22 декабря 1796 года новый император России Павел I преобразовал Симбирское наместничество в губернию. Количество уездов в ней было сокращено до десяти. Упразднены Котьяковский, Тагайский и Канадейский. Но в новую губернию дополнительно включили три уезда — Инсарский, Саранский и Шишкеевский из упраздняемой Пензенской губернии. Штаты же, установленные 31 декабря 1796 года, не предусматривали дополнительного административного аппарата управления. Новые уезды оказались как бы полууправляемые, накопили недоимки.

Все это заставило Симбирского гражданского губернатора Толстого войти с ходатайством в Сенат об упразднении уездов Ардатовского, Сенгилеевского и Шишкеевского, распределив их территории «по удобствам к другим уездам». Так в 1798 году Сенгилей был «обращен в заштатный город». Территория его распределена между Симбирским, Карсунским и Сызранским уездами. «Все присутственные места, кроме городского магистрата, были закрыты, полицейскую часть передали в заведывание магистрата, чиновников и канцелярских служащих распус-

тили по домам, а казенное имущество по описи было передано на хранение в Симбирскую казенную палату». ³⁹ Сам Сенгилей, хотя и сохранил статус города, но административно входил в состав Симбирского уезда.

В это же время по высочайшему повелению все пахотные солдаты уезда были переведены в разряд государственных. ⁴⁰ Земля, пожалованная им за ратную службу, отошла в казну, за пользование ей они должны были теперь платить умеренный оброк, исполнять рекрутскую, дорожную, постоянную и другие повинности.

Государственным крестьянам разрешено было иметь органы самоуправления. В сельском обществе — сельский (мирской) сход, на котором избирали старосту, смотрителя хлебного магазина (амбара), рекрутского отдатчика. Все эти должности были неоплачиваемые. В волости — волостной сход представителей государственных крестьян избирал волостного голову и двух волостных заседателей, которые с писарем составляли волостное правление. Платным был только писарь, остальные служили для общества безвозмездно. Для решения имущественных споров между крестьянами и мелких уголовных преступлений крестьянские общества создавали сельские и волостные расправы.

Естественно, при выборах органов самоуправления не обходилось без рекомендаций уездных властей, и все же правовое и экономическое положение государственных крестьян было значительно лучше, чем крепостных и даже удельных. К тому же их наделы с ростом населения не уменьшались.

К этой категории на территории современного Сенгилевского района относились жители Буерак, Алешкина, Вырystайкина, Елаура, Мордова, Русской и Мордовской Бекташек, а также все бывшие пахотные солдаты Сенгилея.

Что примечательного еще можно сказать о Сенгилее? Письменных источников тех лет сохранилось очень мало, но ульяновскому врачу П. А. Евдокимову по материалам Медицинской коллегии Симбирской губернии за 1797 год удалось установить, что для оказания лечебного воспомоществования в Сенгилее имелся штаб-лекарь. Должность эту занимал Андрей Тренике. ⁴⁰

По ходатайству Симбирского губернатора Василия Михайловича Сушкова Правительствующий Сенат пересмотрел штаты губернии и указом № 8502 от 24 апреля 1802 года восстановил Сенгилей в ранг уездного города. Великих трудов стоило собрать по уезду оставшихся без дела канцеляристов. 4 июля 1802 года здесь второй раз состоялось открытие присутственных мест.

Что же представлял из себя Сенгилей и его уезд в самом начале XIX века? «Словарь географический Российского государства», выпущенный в 1807 году, сообщает: «Сенгилеев, с 1780 года вновь утверждённый город, лежит под 66 градусами, 22 минутами, 15 секундами восточной долготы и под 53 градусами, 57 минутами, 30 секундами северной широты. Расстояние от Санкт-Петербурга 1519, Москвы 779, от губернского города Симбирска... 49 верст». В городе 397 домов, население 2484 чел., в том числе 1217 мужчин.

Далее «Словарь географический» сообщает, что земли под всем уездом 394553 десятины с половиною, сел 31, деревень 24, приходских церквей 27, в том числе три каменные, домов господских 46, крестьянских и церковнических 7234, священно-и-церковнослужителей 281, крестьян государственных 11558, помещичьих 13002 — всего 25141 душа. Фабрик в уезде одна, мельниц 69».

«Хлеб родится противу посеву: рожь — вчетверо, пшеница — втрое, овес и ячмень — вчетверо, греча и полба — вчетверо же». И еще из того же словаря: «В сем уезде достойнейшие примечания села: Тереньга по немалой там фабрике (суконная фабрика книгини Голицыной, на ней работало 1230 крепостных В. Р.) Ясашная Ташла — по делению жерновов, Новодевичье — по судовой пристани». ⁴¹

21 августа 1803 года Сенгилею отмежовано 2431 десятина на 800 сажен городской земли. Из них 238 десятин внутри городской черты под зданиями, усадьбами, огородами и садами, 747 пахотной, 254 дес. 1699 сажен — выгоны, 273 дес. 420 сажен под лесом и кустарником, остальная неудобная — под речками, болотами, озерами. ⁴²

У властей имелись серьезные намерения превратить Сengiлей в красивый, благоустроенный город. Свидетельство тому — «Атлас планов городов Симбирской губернии», хранящейся в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. В «плане городу Сengiлею» предусмотрена квартальная застройка, две торговые площади. С запада город ограничивался кладбищем. На плане утверждающая надпись: «Быть по сему. Александр Марта, 13 дня 1804 года». ⁴³

Первым шагом к претворению плана в жизнь явилось повеление губернатора Хованского в 1806 году о строительстве каменных домов для присутственных мест. Строились они споро. Однако 1808 год стал одним из трагических для жителей Сengiлея. В сильную бурю городок выгорел почти полностью. Сгорели вновь выстроенные здания присутственных мест, деревянная церковь, мельницы и другие строения.

Незадолго до войны 1812 года в городе была учреждена инвалидная рота «для отправления всей внутренней гражданской службы», обсуждались вопросы здравоохранения и даже был создан «Комитет по предмету всеобщего распространения привития оспы». ⁴⁴

Глава IV

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Война 1812 года подняла на защиту Отечества огромные массы россиян. Не остались в стороне от общего патристического подъема и жители Сенигилеевского уезда.

Наряду с другими частями, сенигилеевцы проходили службу в 24 Симбирском полку. Он входил в состав 27-й пехотной дивизии генерала Неверовского, которая вписала много славных страниц в разгром наполеоновских войск. В частности, Симбирский полк в ее составе отстаивал Смоленск, сражался у Шевардина, участвовал в Бородинском сражении, был в боях за Вильно и Лейпциг. ⁴⁵

По разным полкам армейская служба растасовала жителей уезда, дороги их проходили в самых горячих точках сражений. Вот один из скромных тружеников той Отечественной войны — прапорщик Никифор Семенович Семенов, 44 лет от роду, уроженец Сенигилеевского уезда, из крепостных крестьян.

Начинал он службу в 1809 году рядовым Киевского гренадерского полка. В первую кампанию 1812 года участвовал в боях под Смоленском, Бородино, Красной-Пахре и Воронове. Во вторую кампанию отстаивал Тарутин и Малый Ярославец, был в боях «при городе Красном и преследовании неприятеля за границу». В третью кампа-

нию освобождал Саксонию, в четвертой — в битве за Лейпциг. В пятую кампанию Никифор Семенович «лежал от ран», в шестую «марта с 8 под стенами Парижа и взятии оного». ⁴⁶

Демобилизован прапорщик Семенов в 1837 году.

Недостатком русской армии того времени было то, что она комплектовалась на основе рекрутской повинности и резервов не имела. Во время войн правительство прибегало к созыву народного ополчения, численность которого нередко превышала регулярные силы. И на этот раз народное ополчение, в том числе и Симбирской губернии, сыграло немалую роль.

2 августа 1812 года во всех церквях губернии был зачитан Манифест о создании ополчения. В Сенгилее за отсутствием церкви молебен состоялся на площади. Набор в ополчение начался с 16 сентября. В городке формированием третьего Симбирского полка занимался полковой командир гвардии подполковник Никанор Степанович Топорнин. Сюда же прибывали и ополченцы из Сызранского уезда.

От каждых ста душ мужского пола уезды выделяли четырех ратников. Некоторые уходили «не по раскладке», а добровольно, но с обязательного согласия помещика. В ополчение зачислялись лица от 17 до 45 лет «с тем однако же замечанием, чтобы слабые ни в каком возрасте принимаемы не были».

В обязанность дворян и сельских общин входило: одеть и обуть каждого ратника по установленной форме за свой счет, или внести в казну стоимость экипировки, а также вооружить. «Вооружение для пехоты должно состоять в пиках, а буде, кто пожелает, то может... вооружить ружьями со штыками или без оных». ⁴⁷

Второй набор в ополчение проходил в декабре 1812 года, но уже по два человека от ста душ. Из них был сформирован Симбирский резервный полк. Он стоял на границе и в войне не участвовал. А первые ополченцы из Симбирской губернии летом 1813 года были включены в состав действующей армии, участвовали в боях за

Дрезден, Магдебург, Глогау, Виттенберг и Торгау. Захватили большие трофеи. Закончили войну в Гамбурге. ⁴⁸

В 1812 году, когда шла запись в ополчение, ходили упорные слухи, что крестьяне-ратники будут освобождены от крепостной зависимости. В ходе войны многие тысячи защитников Родины погибли. Их могилы густо усеяли путь от Москвы до Парижа. А тем, кто вернулся в родные деревни, пришлось пережить полнейшее крушение надежд на лучшее будущее. Их вновь заставили работать на барщине, снова в помещичьих каретниках свистели розги и плети. Защитников Веры, Царя и Отечества опять продавали оптом и в розницу.

-

Глава V

ЖИЗНЬ БЕЗ ПРИКРАС

В начале XIX века наделало много шуму дело сенгилеевской крестьянки Андреевой, «добившейся свободы от майора Романова». Являясь женой ратника ополчения, погибшего на войне, она подала прошение в Сенгилеевский уездный суд, приложив квитанцию (похоронку), переданную ей однополчанином мужа. Суд в иске отказал. Та же история повторилась и в Симбирском губернском правлении. В том и другом случае мотив отказа был прост: «в момент подачи прошения Андреева находилась во владении майора Романова, пользующегося дворянским правом».

Тогда крепостная с помощью добрых людей обратилась в Сенат, где по ее делу состоялась дискуссия, в ходе которой признано: «Не может быть препятствием то, что иск о свободе начался тогда уже, когда ищущие свободы были во владении лиц, пользующихся дворянским правом».

Казалось, справедливость восторжествовала. Дело направили в Симбирский губернский суд для решения вопроса, где оно и пролежало многие годы. А сама Андреева, пока шло разбирательство в высших инстанциях, майором Романовым была продана унтер-офицеру Костерину, тот ее перепродал канцелярскому служителю Шабердину. Дальше ее следы вообще затерялись.⁴⁹

Это не единственный случай с крепостными. К ним нам еще предстоит вернуться, а сейчас несколько событий тех лет больших и малых.

* * *

В 1822 году Сенгилей стал местом ссылки известного в те годы масона, редактора журнала «Снонский вестник» вице-президента Академии художеств Александра Федоровича Лабзина. Прибыл он в наш городок вместе с женой морозным декабрьским днем и был помещен в холодной комнатушке. В отличие от более поздних ссыльных — а их было немало — пробыл он здесь недолго. Летом 1823 года ему было разрешено переехать в Симбирск, где 26 января 1825 года он скончался.

Был в Сенгилее и А. С. Пушкин, правда, всего несколько часов. Пребывание здесь высокого гостя ни кем не было замечено, вспомнили об этом много лет спустя. Осенью 1833 года Александр Сергеевич предпринял путешествие в Среднее Поволжье и Оренбуржье, где еще недавно гуляла пугачевская волиница.

От Симбирска до Оренбурга тогда имелись три дороги: главная — по правому берегу Волги на Самару шла через Кременки, Шиловку, Сенгилей, Русскую Бектяшку и т. д., вторая, губернская — на Сызрань и третья «не почтовая» шла по левому берегу Волги.

После непродолжительного пребывания в Симбирске Пушкин выехал в Оренбург по горной волжской дороге, которая на много сокращала путь, но пользовалась в те годы очень дурной славой.

Вот что он писал жене Н. Н. Пушкиной 14 сентября 1833 года об этой поездке: «Опять я в Симбирске. Третьего дня, выехав ночью, отправился к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее. Черт побери, дорого бы дал я, чтобы его затравить. На третьей станции (в г. Сенгилее В. Р.) стали закладывать мне лошадей — гляжу, нет ямщиков — один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решил я возвратиться и ехать другой дорогой; по этой на станциях везде по

шесть лошадей, а почта ходит четыре раза в неделю. Повезли меня обратно — я заснул — просыпаюсь утром — что же? Не отъехал я и пяти верст. Гора — лошади не везут — около меня человек 20 мужиков. Черт знает, как бог помог — наконец въехали мы, и я воротился в Симбирск...». 50

Кстати, необходимо упомянуть еще одного частого гостя уездного Сенгилея, ныне уже почти всеми забытого Владимира Александровича Соллогуба, автора нашумевшего в свое время романа «Тарантас». В 1828—39 г.г. он работал над статистическим описанием Симбирской губернии. По этому поводу периодически бывал и в Сенгилее. Оставил богатейшие заметки о помещиках губернии.

Из остальных событий автору хочется отметить только два. Несмотря на потрясения, вызванные Отечественной войной 1812 года, наплыв в губернию и наш город бежавших из Первопрестольной дворян, их челяди, чиновников, в Сенгилее все же продолжалось строительство. Вместо сгоревшей в 1808 году строилась новая, на сей раз каменная церковь и при ней богадельня на 20 мест. В 1814 году она была освящена во имя Покрова Пресвятой Богородицы и приняла первых прихожан. До 1832 года храм находился в ведении Казанской епархии, а после был приписан к Симбирской.

Второй строительный объект первой половины XIX века мало у кого вызывал оптимизм. В 1821 году краснослободский помещик Тяпкин, победивший на объявленных торгах конкурентов, построил в Сенгилее по «выработанному плану и чертежу тюремный замок деревянный, обнесенный дубовым тыном».

К этому времени городок уже отстроился после пожара, и власти в 1823 году проявили трогательную заботу о горожанах: в Сенгилее было образовано временное присутствие для отдачи в содержание питейных домов. В состав присутствия «для решения сего немаловажного вопроса» вошли уездный судья, городской голова, надзиратель питейного сбора и казначей при уездном стряпчем.

* * *

В 1835 году на основании высочайшего указа Правитель-

ствующему сенату от 25 января все государственные (казенные) крестьяне и лашманы Симбирской и Самарской губернии были переданы в удельное ведомство «со всеми землями, лесами, оброчными статьями и прочими угодьями, не исключая корабельных роц, принадлежащих как этим крестьянам, так и казне». 51

Подоплекой высочайшего указа было вовсе не благо народное, а то, что царская семья, владевшая огромным количеством удельных (великокняжеских) крестьян в малоземельных губерниях, решила поменять их на, примерно, такое же количество государственных крестьян в более богатых землею губерниях.

1 октября того же года были образованы в Симбирской губернии 4 независимые удельные конторы, в их числе — Сызранская с двумя отделениями в Карсуне и Сенгилее.

Одним из первых начинаний Сенгилеевского приказа Сызранской удельной конторы стала организация образцово-показательного хозяйства. Для этих целей верстах в шести от Сенгилея, в живописной местности, началось строительство удельной фермы. Чтобы обеспечить ее достаточным количеством рабочих рук, управляющий имением решил часть удельных крестьян из Сенгилея выселить на ферму. Такое решение вошло в противоречие с интересами городских властей, т. к. увеличивало постоянную военную повинность, для остальных горожан.

Дело в том, что в Сенгилее в летнее время периодически квартировали воинские подразделения. Вскоре после Отечественной войны 1812 года здесь на постое находился 4-й резервный батальон Углицкого пехотного полка, затем — третий батальон шестой резервной пехотной дивизии численностью до 860 человек и другие.

По существующему в то время положению город должен был бесплатно отвести дома под штаб, под лазарет на 28 кроватей, под мастерские и школу грамоты, устроить цейхгаузы, фуражнический двор, отвести места для огородов, для стрельбищ и учений, построить манеж и пороховой погреб. Два последних объекта строили сами солдаты, город лишь обеспечивал их строительными материалами.

Все это осуществлялось за счет постоянной повинности населения. Размещение нижних чинов затруднений не вызывало: солдаты предпочитали ночевать в сараях горожан. Штаб-офицерам вместо предоставления квартир город платил по 10 рублей в месяц каждому. Ober-офицеры также находили квартиры сами по своему вкусу, получая для их оплаты за счет постоянной повинности от 8 до 3 рублей. Юнкерам и вольноопределяющимся квартирная плата выдавалась от 1 рубля до 20 коп. в месяц. Квотирующим войскам также за счет жителей выдавалось от 6 до 12 копеек в сутки на питание, а чаще — продукты натурой.⁵²

Вот эти затраты, грозившие увеличиться за счет отселения удельных крестьян, и стали причиной конфликта. Решался он долго. Принятое решение было поистине соломоновым — переселить часть сенгилеевских крестьян на грань городских и удельных земель по дороге на ферму, гед и основать Сенгилеевскую удельную нововыселенную слободу, возложив на ее жителей обязанность выполнять военную постоянную повинность вместе с городом.

Переселение началось в конце тридцатых годов. А в самом начале сороковых, когда в центральных губерниях России разразился голод, правительство, чтобы спасти людей, разрешило из наиболее неблагополучных уездов выезд казенных и удельных крестьян, а так же ремесленников в Среднее Поволжье, где хлеб продавался за бесценок.

Часть переселенцев облюбовала Сенгилей, где почти не было ремесленников, а спрос на такие изделия, как колеса, выездные сапки, оконные рамы, резные украшения, деревянные лопаты, валенки, кошмы, мебель, кружева многократно превышал предложение. В Сенгилее, в основном, остались жители г. Калязина Тверской губернии, а удельных крестьян из того же уезда поселили на Сенгилеевском выселке. Позднее выселок стал именоваться Новой Слободой.

Мена земель царским двором вызвала волнения крестьян и лашман на местах и «нежелательные сплетни» в столице. Чтобы доказать бескорыстие и прекратить злословие, 26 апреля 1849 года часть удельных крестьян, в том числе и Сенгилеевского уезда, была вновь переимено-

вана в государственных сельских обывателей, но так и осталась в удельном заведовании до 1863 года. Образцово-показательная ферма стала именоваться казенной, хотя в аренду сдавалась удельной конторой.

* * *

Несмотря на проведенную Александром I реформу государственной системы народного образования, в соответствии с которой все учебные заведения делились на четыре категории: приходские, уездные училища, гимназии, университеты, на местах в сельских глубинках практически ничего не изменилось. Реформа, в основном, коснулась крупных городов.

В селах и малых городках типа Сенгиля состоятельные люди нанимали для обучения своих детей церковнослужителей, отставных солдат и унтер-офицеров, уездных и волостных канцеляристов, с помощью которых ребята осваивали азы чтения, письма, счета.

Более расторопным в этом отношении оказалось удельное ведомство, уже давно испытывавшее дефицит грамотных людей при подборе волостных голов, писарей и так далее.

Первое за всю историю существования Сенгиля волостное начальное народное училище открылось осенью 1841 года.⁵³ Через 8 лет за счет средств городского общества в городке было открыто еще одно училище — мужское приходское.⁵⁴ Женское приходское училище начало свою работу только в 1860 году.⁵⁵ И, наконец, в 1861 году в Сенгилее, как и положено по штату уездному городу, появилось уездное земское училище».⁵⁶

Глава VI

ТРАНСПОРТ, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТОРГОВЛЯ

Значительную роль в развитии торговых связей играла главная артерия государства Российского — Волга. Бурлачество существовало на ней с давних времен, но наибольшее распространение оно получило с XVIII века. Тянуть бичеву шли, как правило, крепостные оброчные крестьяне. Нередко в бурлацкие ватаги попадали и люди других категорий: беглые крестьяне, беспаспортные бродяги и т. д.

С тех незапамятных времен и носят свои названия волжские берега у Сенгиля — Верхняя и Нижняя Бичева. Здесь когда-то проходил бичевник — береговая полоса шириною 10 сажен, которая по закону всегда должна была оставаться свободной для прохода бурлаков. Никакое строительство на ней не разрешалось.

При движении вверх судно шло бичевой от 20 до 25 верст в день. Примерно такая же скорость была и при движении на завозе. Более споро шло дело при попутном ветре под парусом. От Сызрани до Сенгиля судно обычно шло 9—12 дней, а от Сенгиля до Рыбной Слободы (г. Рыбинск) от 67 до 82 дней.⁵⁷

Бурлаки за рейс до Нижнего Новгорода обычно получали 6 рублей, до Рыбной Слободы 12—13, водоллив, соответственно, — 12 и 30 рублей.

Работа по погрузке и выгрузке барж оплачивалась почти всегда по сдельному тарифу — за каждый перенесенный куль весом от 7 до 10 пудов (примерно 112—160 кг) грузчик получал 4 копейки. Чтобы побольше заработать, погрузкой и выгрузкой занимались сами бурлаки.⁵⁸

В XVII—XVIII в.в. главным препятствием развития судостроительства являлись грабежи на Волге. Для борьбы с ними создавались специальные гартгаутные экипажи. На всю Волгу их было три роты. Экипаж из пяти человек сопровождал суда от Сенгилея до полпути в Симбирск, Но воевичье и обратно. Передвигались они на весельных лодках, вооруженных пушечками больше для страха, чем для дела.

Но и гартгаутная служба не всегда помогала. Разбойники группами по 5—7 человек нападали на судно, на котором порой находилось 30—40 человек. Бурлаки, как правило, за хозяина не вступались и даже с удовольствием смотрели, как за плохое угощение разбойничья шайка порола плетью хозяина судна и водолыва.⁵⁹

Первый пароход, построенный Евреиновым, прошел по Волге мимо Сенгилея в июле 1818 года. В последующие годы количество парового транспорта быстро увеличивалось, а к середине XIX века он становится господствующим. В связи с этим прекратились и разбойные нападения на суда, так как угнаться за ними на лодке стало непросто, да и команды изменились. За ненадобностью были упразднены и гартгаутные экипажи.

В 60-е годы на Волге уже успешно конкурировали несколько компаний. Лучшими из них считались «Волжская», затем «Самолет» (перевозка пассажиров). Первая, кстати, владела и Крюшинскими судоремонтными мастерскими, в которых, впрочем, строили и пароходы, оснащая их двигателями, выписанными из Англии. Следом за ними шли компании «Меркурий», «Дружина», «Вулкан» и другие.⁶⁰ Стали появляться суда купцов и даже капиталистических крестьян.

Каждая компания имела свои пристани. Все пароходы работали на древесном топливе. Около пристаней громоздились огромные поленницы дров, дороговизна которых, несмотря на обилие лесов, была чрезмерной. Газеты 70-х го-

дов писали, что закупать и доставлять из Англии каменный уголь обойдется дешевле, чем покупка дров на месте.

* * *

Как свидетельствуют документы первой половины XIX века, «сенгилеевское купечество не богато и обороты его весьма невелики», а сам Сенгилей «в торговом отношении важен только как хлебная пристань, с которой в половине отходит хлеба на сумму до 300000 рублей серебром (примерно 420 тысяч ассигнациями), в чем участвуют самарские и симбирские купцы». ⁶¹

И тем не менее в жесткой конкуренции с другими хлеботорговцами постепенно шло вытеснение иногородних. В 1835 году возникла хлебная фирма купца Ивана Сергеевича Пыrkова, продолженная его наследниками. К концу XIX века торговый оборот этой фирмы превышал 1,5 миллиона рублей. Первенство в Сенгилее она держала до 1917 года. С 1836 года и до революции существовала хлебная торговля купца Степана Васильевича Цыкова и его наследников. Кроме того, как сообщали «Симбирские губернские ведомости» (1868 год № 80), имел Степан Васильевич и лучший в Сенгилее сад, приносящий ему ежегодно до 1500 рублей серебром чистой прибыли, да оборот торговой фирмы превышал сто тысяч рублей.

С аренды городской мельницы началась деятельность фирмы «Хлебная торговля и просообдирочное производство», основанной в 1841 году потомственным почетным гражданином Михаилом Александровичем Климовым. Затем его дело унаследовали сыновья и внуки. Перед революцией торговый оборот фирмы составлял полмиллиона рублей. Первыми в Сенгилее освоили выпуск крупчатки братья Рас-торгуевы, было у них и просообдирочное производство, а годовой товарооборот составлял от 400 до 700 тысяч рублей. С шестидесятых годов занимался торговлей сенгилеевский купец Василий Алексеевич Носков.

Брались за хлеботорговое дело еще более двух десятков сенгилеевских предпринимателей, да оказались неспособными вести его — разорились. Коммерция, есть коммерция.

* * *

Сенгилеевский уезд не выделялся в губернии высоким

развитием сельского хозяйства. Выращивали здесь в основном, рожь, частью обыкновенную, частью кустистую, выписанную из Финляндии. Последняя давала из каждого зерна от 6 до 8 стеблей, а обыкновенная — лишь 3 — 4. Соответственно и урожайность финской ржи была в два раза выше. Пшеница хорошо родилась только в луках (в поймах рек), а гречиха (дикуша) — западнее почтовой дороги Симбирск—Саратов, на полях нынешних Тереньгульского и Кузатовского районов. Попытки выращивать ядрицу (яровую рожь) успехом не увенчались. Просо родилось неплохо даже в засушливые годы. Пшено из него по качеству не уступало сызранскому, считавшемуся лучшим в Поволжье. Более высокими урожаями славилось степное Заволжье. Поэтому Сенгилеевские купцы примерно половину хлеба закупали там. Закуп начинался, как правило, осенью и продолжался до Рождества (7 января нового стиля). В это время хлеб был особенно дешев. Зимой шла переработка зерна, а в половодье суда с мукой, крупой, отрубями шли по назначению. Ржаная мука, пеклеванная, сеяная и раструс шла, в основном, в низовые города от Саратова до Астрахани. Пшеничная пользовалась хорошим спросом от Казани до Рыбной Слободы.

Цены на Сенгилеевской пристани в 1851—60 г.г. были следующие: рожь — от 15,5 до 38 копеек за пуд, мука ржаная — от 16,5 до 42 копеек, крупа гречневая — от 21 до 76 копеек, пшено — от 25 до 85 копеек, овес — от 11 до 30 коп. за пуд. Колебания цен зависели от урожайности, сезона, спроса и предложения.⁶²

К началу 60-х годов отправка хлеба с Сенгилеевской пристани увеличилась до 800 тысяч пудов, в том числе муки ржаной — до 400 тысяч, зерна ржи — до 100 тысяч, пшеницы — 200 тысяч, пшена и крупы гречневой — более чем до 60 тысяч и до 44 тысяч пудов овса. Кроме того, на кожевенные заводы низовых городов отправлялось несколько десятков тысяч пудов толченой дубовой коры.

Местное население Сенгилея, Буерак и Новой Слободы, в том числе и мелкие скупщики, с Сенгилеевской пристани отправляли в Самару до 5 тысяч пудов огурцов и лука.⁶³ Во второй половине века количество отправляемых овощей

несколько сократилось, но вдвое увеличилась отправка яблок, вишни, смородины, малины. Немало отправлялось овощей и фруктов в другие города. В урожайные годы жители Сенгилея и близлежащих сел поставляли к столу жителей иных городов более десяти тысяч пудов ягод и яблок.

Кроме того в низовые города отправлялось много тележных колес, изделий уездных кустарей. Выручка от их продажи ежегодно превышала 3 тысячи рублей серебром.

* * *

К 1845 году в губернии было два наиболее промышленно развитых уезда — Карсунский (работающих в промышленности 4900 человек) и Сенгилеевский (3700). В самом Сенгилее кроме 13 мельниц, десяти крупорушек и 5 маслобоек, имелось 6 кожевенных заведений, на которых работало 20 человек. Лучший из них — купца Синцова, вырабатывавший на 1500 рублей юфтевого товара и подошвенных кож. Остальные 5 выпускали в общей сложности на 1600 рублей сыромятных кож в год. Имелся солодовенный заводик небольшой производительности.

Существовали заведения по изготовлению валяных сапог, были гончары, специалисты по дублению овчин, изготовлению поярковых шляп. Работало в таких заведениях от 2 до 7 человек.

Более крупные предприятия существовали в крепостных селах уезда. Так в Темрязани имелся стекольный завод, выпускавший продукции на 4010 рублей в год. Завод в Измайловке выпускал оконного стекла и посуды на 32 тыс. рублей, винокуренный завод в Муранке — на 25908 руб. В XVIII веке княгиней Голицыной была основана суконная фабрика в Тереньге. К 1845 году она имела 114 ткацких станов. С 1825 года работала суконная мануфактура помещика Кроткова в Шигонах.

Бурный рост вотчинных мануфактур в уезде в сороковые и пятидесятые годы был связан с увеличившимися заказами интендантства на серошинельное сукно. Это был настоящий золотой дождь для жаждущих дальнейшего обогащения дворян, имевших избыток даровой рабочей силы. Были построены фабрики помещика Полчанинова в сель-

це Васильевка на 33 ткацких стана, обзавелись фабриками помещики Ф. и Д. Москвитиновы в Тукшуме, у первого на 30, у второго на 43 стана. В с. Старое Тимошкино начала работать самая крупная в уезде и губернии суконная фабрика купца Сулеймана Акчурина на 387 ткацких станов. Интересно то, что крестьянин села Алексеевки Махмут Акчурин, занимавшийся мелким предпринимательством, в основном мойкой шерсти, чтобы освободиться от крепостной зависимости выплатил удельному ведомству за себя, троих сыновей и двух дочерей 8200 рублей серебром, получил купеческое звание и стал одним из крупнейших фабрикантов губернии.

Первое сукно в 1852 году выдали фабрики Тургеневой в сельце Семиключевке (Каранино) и помещиков Толбузиных в селе Трубетчина. В 1854 году начали работать мануфактуры князя Долгорукова в Игнатовке (75 станов) и помещицы Хвошинской в Старом Тукшуме (50 станов). На следующий год вступила в строй фабрика управляющего удельным имением Каблукова в селе Коромысловка, в 1856 году — суконная фабрика помещицы Кондрашиной в Екатериновке, в 1859 году — сенгилеевского купца Ильяса Акчурина в с. Старое Тимошкино.

Всего к началу 60-х годов, исключая Екатериновскую фабрику, т. к. она находилась на территории Симбирского уезда, и трех сгоревших, в Сенгилеевском уезде было 11 мануфактур с общим количеством 992 ткацких стана. Выработка сукна на них составляла 601105 аршин в год на сумму 477412 рублей серебром.⁶⁴

Первоначально на фабриках применялся барщинный принудительный труд крепостных, бесплатный для помещика. Наемными были лишь 15—20 высококвалифицированных специалистов — механики, машинисты локомотивов, часть ткачей, красильщики. Золотой дождь военных заказов, низкая производительность труда крепостных, жесточайшая конкуренция по качеству сукон заставляли ряд помещиков ввести небольшую плату и крепостным, работавшим на ответственных участках производства, хотя их квалификация была на порядок ниже наемных

рабочих. Те же, кто не сделал этого, теряли значительно больше, шли к разорению.

Простой пример. В Екатериновке все рабочие, кроме сторожей и грузчиков, были наемные. Каранинская фабрика продолжала работать старыми крепостническими методами — день одна половина села отбывала в ее цехах барщину, день — другая. Количество ткацких станков было соответственно 39 и 32. Разница небольшая. Но в 1860 году Екатериновская фабрика выпустила 35268 аршин сукна, а Каранинская только 8895 аршин.⁶⁵

Скарденность владельцев предприятий, стремление обмануть друг друга, обсчитать рабочих не раз приводили к конфликтам.

Так возникла первая в Сенгилеевском уезде стачка рабочих Коромысловской фабрики. Ее владелец — управляющий удельным имением Каблуков — сдал мануфактуру в аренду купцу Акчурина, но с условием, чтобы наем рабочих и расчеты остались за ним. Месяца через два между владельцем и арендатором возник конфликт. Обманув Акчурина, Каблуков не заплатил рабочим за два месяца их труда.

Завязавшаяся тяжба с арендатором не позволяла ему заключить выгодный контракт на поставку сукна. Тогда Каблуков, договорившись с помещицей Колюбакиной, заключает фиктивную сделку, якобы на продажу ей фабрики, после чего еще раз не уплатил рабочим за апрель 1856 года.

Весь май и начало июня наемные рабочие почти ежедневно напоминали хозяевам о долге, а 11 июня прекратили работу. Фабрика остановилась, т. к. крепостные Каблукова и Колюбакиной одни, без наемных специалистов, работать не могли. К хозяевам было предъявлено всего одно требование — уплатить долг за три месяца. Ни тот, ни другой платить не собирались.

Тогда вольнонаемные ткачи, чесари, механики, красильщики обратились с жалобой к исполняющему обязанности симбирского губернатора Бобылеву. Он их письмо расценил, как беспорядок, приказал сенгилеевскому исправнику выехать на фабрику и принять к бунтовщикам над-

лежащие меры. При проверке выяснилось, что в конфликте их вины нет. Дело пошло в Сенгилеевский уездный суд, где в недрах родимой бюрократии и застряло.

В своем пятом по счету обращении к губернатору 30 ноября рабочие жаловались, что Сенгилеевский суд проявляет бездействие, не выполняет предписание губернского правления (было и такое). Писали о том, что девять раз вынуждены были ходить пешком в Симбирск, потрепали одежду и обувь, «а теперь, живя в Сенгилее, задолжали хозяину квартиры более 30 рублей». Ответа не последовало.

1 апреля 1857 года рабочие подали прошение министру внутренних дел. В нем просили приказать, чтобы им выдали заработок уже не за три месяца, а с 1 апреля 1856 по 1 апреля 1857 года «ввиду задержки их увольнения».

На основании министерского предписания губернское правление предложило сенгилеевским властям принять незамедлительные меры. Была срочно продана партия сукна, на которую еще в начале конфликта по иску Акчурина был наложен арест. Вырученной суммы не хватило. В связи с этим сенгилеевские власти приняли решение: за каждый причитающийся рабочим рубль выплачивать по 85 копеек. Некоторые, как ткач Спиридон Анфимов, свои заработанные деньги получили уже после отмены крепостного права.⁶⁶

Глава VII

КРЕПОСТНОЕ ПРАВО

Особенность Сенгилеевского уезда состояла в том, что вдоль береговой линии Волги жили исключительно государственные крестьяне, находившиеся в удельном заведении. Это были хотя и не свободные люди, но надельные земельные имели приличные, плату за пользование ими вносили умеренную. Их не продавали, над ними не тяготела барщина, а если за что-то и наказывали, то только по приговору мирского схода. В отличие от крепостных они имели органы самоуправления, которые избирали сами на мирских сходах.

А дальше на запад и юго-запад земли, в основном, принадлежали помещикам. И этот крепостной край был самый бесправный и гибельный в уезде, где крестьяне в большинстве деревень были поставлены в положение рабочего скота.

Вот несколько документальных иллюстраций.

В августе 1821 года шесть крестьян деревни Доможировки направили прошение симбирскому гражданскому губернатору. В нем говорилось, что помещик Терехов распродал их «в разные руки», разъединил семьи, «о чем едва ли в Сенгилеевском уездном суде и купчие совершены». Крестьяне умоляли губернатора, чтобы он помещика Терехова «от продажи их порознь удержал... А буде его воля по несостоянию своему продавать нас, то не порознь».

После этого прошения сенгилеевскому предводителю дворянства Уварову было предписано произвести расследование. Уваров поручил это дворянскому заседателю уездного земского суда Авдееву, приятелю Терехова, купившему из этих шестерых мужиков двоих и с выгодой перепродавший их другим помещикам. Действия Терехова были признаны законными.

Доведенные до отчаяния крестьяне обратились в Петербург. Сенат переслал их прошение в Симбирскую палату гражданского суда. Последняя пришла к выводу, что Терехов распродав крестьян в разные руки, «удовлетворяя тем прибыль свой», что «делал он продажу не на ярмарках и торгах», поэтому «уничтожить крепости гражданского суда не имеет оснований». ⁶⁷

Жители села Озера Сенгилеевского уезда посчитали, что староста помещика Бабкина изнуряет их непосильной работой и жестоко относится к крепостным. Крестьяне пожаловались и попросили назначить другого старосту. Их поддержал Сенгилеевский уездный суд.

Но уже через три месяца девять крепостных майора Бабкина вынуждены были обратиться к председателю Симбирской палаты уголовного суда Андрееву. Расследование их прошения на месте показало, что нового старосту и семь крестьян помещик «за сию жалобу посадил в рабочий дом... троих отдал в рекруты, имущество же их взял себе, а одного из сих жену выгнал совсем из дому».

Барин, что называется, закусил удила. Крепостных заставил работать на барщине по 6 дней в неделю, а «в апреле даже на Святую Пасху... употреблены были они в господскую работу». У мужиков «отобрал лес, заготовленный прежде для домашней обстройки... и собрал с каждого двора по две четверти (четверть — 10 пудов, округленно 160 кг В. Р.) ржи, отчего вся вотчина пришла в совершенное разорение». ⁶⁸

Особенно дурную славу в уезде и губернии снискал владелец Старой и Новой Ерыклы Татаринов. Дворового человека он так избил, что тот на всю жизнь остался калекой. Крепостной Степанов, узнав, что готовится экзекуция над его матерью, отказался принести Татарину плетку, за

что был нещадно избит и у него «долго гнила спина». Еще штрих. Крепостной Самуил Егоров потерял собственный топор и имел неосторожность сказать об этом Татаринову, после чего барин порол его ременной плетью толщиной в полувершка для науки, чтобы он впредь берег инструмент. Это была не первая и не десятая порка. После нее Самуил Егоров «бросил свое семейство и бежал».

Все это, естественно, вызывало противодействие крестьян, пробуждало несбыточные надежды о возврате старых добрых времен свободного ухода от помещиков, побегов за черту. Поэтому любой, пусть даже самый нелепый слух о волюшке вольной, легко воспринимался народом. Разнослухами слухов о предстоящей свободе, в основном, являлись солдаты, идущие со службы, и всевозможные странники. Видимо, через них в 1825 году в уезд была занесена «секретная новость» о предстоящем переселении крестьян «на новую линию» и «на Дарью реку», где нет ни помещиков, ни полицейских. Местонахождение этого обещанного рая никто не знал, и тем не менее в этот год из Сенгилеевского уезда бежало «на новую линию» 212 крепостных, а в целом по губернии в четыре раза больше. Это всполошило губернские власти. В деревни были посланы войска, а в Оренбургскую губернию — специальные карательные отряды, с помощью которых большинство беглецов было переловлено и в кандалах под конвоем препровождено на прежние места жительства.

Побег от плохого барина — это лишь одна из наиболее распространенных форм протеста, но ведь были и другие, более серьезные. В августе 1837 года крестьяне сел Голодяевки и Осиповки, доведенные издевательствами и произволом до крайней степени, убили помещика Ховрина и двух его ближайших подхалимов из дворовой челяди. Следствие велось долго и пристрастно, но факты человеконенавистничества и издевательства над беззащитными крепостными были выявлены такие, что суд не решился вынести виновным в убийстве смертный приговор. Их клеймили, наказали 25 ударами плети и оставили работать в поместье.⁶⁹

Одним из богатейших и самых жестоких помещиков уезда являлся Павел Кротков. Не человек был — зверь. Ког-

да Кротков навещал деревни, «ребятишки ныряли в подворотни, бабы падали пичком, у мужиков озноб пробегал по телу». Летом 1839 года шигонские крестьяне убили своего мучителя вместе с камердинером. Трупы бросили в огонь, горевшей фабрики. 19 августа того же года Сенгилеевская временная военно-судебная комиссия сообщала, что по приговору, конфирмованному начальником второго округа корпуса жандармов генерал-майором Перфильевым, главными виновниками признаны 11 крестьян. Алексей Шагалин расстрелян, а прочие 10 человек прогнаны шпицрутенами со ссылкой в каторжную работу». Из них, говорится далее, Федор Шагалин, Григорий Кирсенов, Гаврила Шнырин и Спиридон Кирсенов «бывши во временной больнице, померли». 70

Каких только преступлений не совершали сильные мира сего над подвластными им крепостными и дворовыми, а власти делали вид, что ничего не произошло. Помещик села Васильевки Сенгилеевского уезда занимался растлением 13—14-летних дворовых девочек. Искалечил десятки судеб. Наконец, попал под суд. Дело рассматривала Симбирская палата уголовного суда и, несмотря на неопровержимые доказательства, решила «корнета Сергея Полочаннинова в растлении дворовой девки Натальи Афанасьевой оставить в сильнейшем подозрении». 71

Это лишь незначительная часть примеров. Их можно было бы привести несколько десятков. Закономерен вопрос: неужто все помещики были настолько безнравственны и жестоки? Конечно, нет. Действительный статский советник Николай Иванович Тургенев вопреки воли матери, ярой крепостницы и кнутабоицы, в принадлежащем ему сельце Семиключевке (Каранино) «ярмо он барщины старинной оброком легким заменил», разрешил крестьянам жениться на ком они пожелают, а девушкам выходить замуж за вольных. Запретил телесные наказания, оказывал вдовам и многодетным помощь деньгами.

Один из идеологов декабристов, основатель «Союза благоденствия» в Петербурге Н. И. Тургенев выступал за испровержение существующего строя, вплоть до насильственного устранения самодержавия и установления рес-

публиканской формы правления. После декабрьских событий на Сенатской площади был объявлен государственным преступником первого разряда, но так как в это время находился за границей, был заочно приговорен к смертной казни. В Россию Тургенев не вернулся.

Сельцо Каранино перешло к его родственникам, которые являлись прямой противоположностью Николаю Ивановичу. Они, как только стали владельцами поместья, тут же возродили барщину, в сельце построили суконную фабрику и заставили крепостных работать в ее цехах. Условия труда были нетерпимые и слово «фабрика» каранинские крестьяне произносили с таким же ужасом, как чума или холера.

Кстати, об оброке. Он был не такой уж легкий. Размеры его в помещичьих имениях ничем не регламентировались. В середине XIX века в среднем по Симбирской губернии он составлял около 19 рублей с души, в некоторых хозяйствах был выше, в некоторых ниже. Если учесть, что в 1860 году средняя цена пуда ржи составляла 35 копеек, то даже десятирублевый оброк выплатить мог далеко не каждый. А ведь помимо него существовало много различных налогов и сборов. И все-таки, крестьянин, находившийся на оброке, чувствовал себя лучше, чем на барщине.

Николай Иванович Тургенев, конечно, исключение, но было в уезде десятка два—три дворян, которые, хотя и не мыслили жизни без крепостного права, заботились в первую очередь о собственном благополучии, но с пониманием относились к крестьянскому труду. В своих имениях не допускали телесных наказаний, в тяжелых случаях помогали крестьянам лесом, скотом или деньгами. Что же касается остальных, то эти представители дворянского сословия так одичали в своих поместьях, что смотрели на крестьян только как на дешевую рабочую силу, а многие отличались еще и садистской жестокостью.

Кажется, еще император Николай I, которого трудно заподозрить в антипатиях к помещику дворянству, в минуту откровения сказал, что у нас весьма мало хороших и попечительных помещиков, много посредственных и

19 февраля 1861 года Александр II подписал Закон об освобождении крепостных крестьян и Манифест к народу, составленный митрополитом Филаретом. Устанавливались два периода освобождения. В первый крестьяне переводились во временнообязанное состояние и должны были работать на барщине не более трех дней в неделю — мужчины и двух дней — женщины. Во второй период они выкупали в собственность усадебные, полевые земли и другие угодья, отведенные в пользование сельской общины.

Манифест распространял на крестьян и дворовых «права о свободах». Теперь им разрешалось участвовать в сходах, избирать старосту, сборщиков податей и других должностных лиц сельской общины, без разрешения помещика вступать в брак, переходить в иные сословия, приобретать в собственность движимое и недвижимое имущество, торговать, направлять детей в учебные заведения и так далее.⁷²

Закон от 19 февраля устанавливал для Сенгилеевского уезда высший надел — 4 десятины на ревизскую душу, но не ниже 1,33 дес. в зависимости от наличия земель. Но, если крестьянский надел до реформы превышал 4 десятины, он мог быть уменьшен до установленной нормы. И еще. Если у помещика оставалось менее одной трети от имевшейся до реформы земли, он имел право уменьшить крестьянские наделы.

Проведение в жизнь реформы началось в марте с организации губернского по крестьянским делам присутствия. В уездах создавался низовой аппарат, состоявший из мировых посредников, проходили выборы сельских старост и волостных старшин. Они, как представители крестьянского самоуправления, теперь обязаны были выполнять все административные, полицейские и фискальные функции, ранее входившие в обязанности помещиков.

В июне мировые посредники приступили к работе. Первоначально по Сенгилеевскому уезду кандидатом в мировые посредники был назначен коллежский секретарь Ермолов, но в феврале 1862 года он указом Правительствующего сената был уволен с должности и вместо него «определен поручик Валериан Назарьев».⁷³

Коренная ломка крепостнических устоев, естественно, не

могла обойтись без столкновений прямо противоположных интересов крестьян и помещиков. Там, где помещики были либерального толка, конфликты решались относительно легко. Сложнее было в селах, где жадность и жестокость помещиков далеко выходила за рамки христианской морали и здравого смысла.

6 апреля 1861 года в губернском по крестьянским делам присутствии стало известно, что в с. Шигоны Сегинского уезда крестьяне отказались выполнять любые работы на помещика, заявляя, что «они теперь вольные и кроме бога и царя никаких властей не признают». Инициатором акции отказа явился крестьянин Трухлов, имевший большое влияние на односельчан.

Для наведения порядка губернатор послал две роты солдат. В Шигоны выехал и личный представитель императора по проведению реформы в Сибирской губернии флигель-адъютант Эссен. Был экстренно создан военно-полевой суд. По его приговору Трухлов получил 800 шпичрутен, после чего отправлен на 6 лет в каторжные работы. Порке были подвергнуты и другие крестьяне села.

Отказались получать наделы по уставной грамоте и требовали выделения им дарственной (бесплатной) десятины некоторые крестьяне А. В. Фатьянова в Кроткове, за что каждый из них получил на барском каретнике по 100 розг.

Серьезные волнения произошли в Тереньге, Елифановке, Гладчихе, принадлежавших А. И. Скребицкому, в селах Байдуллино, Федькино, Тумкино. Непокойно было в имениях Соколовых в селе Собакино (сейчас Красноборск), в Новой и Старой Ерыкле и некоторых других селах.

Причинами волнений являлись попытки многих помещиков поставить крестьян в крайне невыгодное положение отводом общине самых плохих земель, сокращением наделов. Будоражили и слухи о предстоящей через два года полной свободе, высокие выкупные цены. В уезде наблюдался массовый отказ от подписания уставных грамот.

Выкупная стоимость надела и приусадебного участка определялась капитализированным оброком из расчета 6 процентов. Как известно, капитализацией дохода, приносимого имуществом, всегда было принято считать определение

стоимости этого имущества на основе установленного в данный момент банковского процента (учетной ставки).

С этой точки зрения капитализацию оброка можно рассматривать и как косвенный способ определения стоимости земли. Но только как косвенный. В действительности же это было определением стоимости феодальной повинности, т. е. фактически крестьянин выкупал не землю, а свой труд, самого себя.

Суть капитализации состояла в следующем. Допустим, Кротковский крестьянин получал высший надел — 4 десятины. Оброк по уезду брался для всех хозяйств 9 рублей. Приняв его за 6 процентов, найдем капитализированный оброк, считавшийся стоимостью максимального надела ($9 : 0,06 = 150$). Разделив на 4, определим выкупную стоимость одной десятины — 37 руб. 50 коп.

Но если каранинский крестьянин получал низший надел 1,33 дес., то капитализированный оброк по тем же подсчетам увеличивался до 56 руб. 95 коп.⁷⁴ Здесь явно проявлялась забота о малоземельных помещиках. Дарственная же десятина (четвертной надел) давалась бесплатно, без каких-либо обязательств по отношению к помещику. Поэтому многие крестьяне рассчитывали получить десятину бесплатно, полностью развязаться с помещиком, а недостающую землю брать в аренду. Считали, что так выгоднее.

Еще одна немаловажная деталь. Среди сохранившихся в архивах 129 уставных грамот по уезду, в 79 случаях в той или иной степени затрагивались интересы 12377 крестьян. Из них 4614 душ должны были перенести на новые места свои жилые постройки, а остальные — только овины, саран и бани. Такой перенос тоже стоил немалых денег.⁷⁵

В ряде уставных грамот были оговорены иные, стесняющие крестьян требования. Например, помещица М. П. Дурасова запрещала крестьянам охоту и рыбную ловлю в местах расположения их наделов. Помещик Орлов из Чертановки оставлял в своем ведении «береговое право по Свияге». В селе Подъячевке Д. Ф. Московщин запрещал крестьянам ходить и ездить в выделенные им лесные

дачи без особого на то разрешений.

Всего по уезду до реформы крепостные крестьяне засеивали и снимали урожай с выделенных им 89898 десятин земли. Во время реформы по уставным грамотам им было отмежевано на 19291 душу 63749 десятин. По дарственным сделкам 1849 душ вместо имевшихся в их распоряжении 8710 дес. получили 1566. Около полутора тысяч крестьян вообще отказались от земли, а некоторые выкупали только приусадебные участки.

Общее уменьшение наделной крестьянской земли по уезду составило 24583 десятины. Это произошло в результате отрезков в пользу помещиков на 17439 десятин и в связи с добровольными отказами крестьян от земли на 7144 дес.⁷⁸

В чем причина такого массового отказа от земли? Ответ на этот вопрос в какой-то степени дают заметки мирового посредника Сенгилеевского уезда отставного поручика Валериана Назарьева, опубликованные в «Симбирских губернских ведомостях» за 1862 год.

«...Мало приятных впечатлений можно вынести, проезжая через Сенгилеевский уезд, — писал он. — Помещичьи деревни с их почерневшими и покачнувшимися избушками, удельные — с их тесовыми крышами, составляющими явную разладицу с пустыми гумнами».

«...Крестьяне, исключая мордвов и чуваш, примерных хлебопашцев, и весьма незначительной части русских, — плохие пахари, не хозяева и, наконец, питают совершенное равнодушие к своей земле».

Далее он ведет речь о массовом уходе крестьян Сенгилеевского уезда на заработки в Самарскую губернию, где «иногда за зиму зарабатывали по 20—25 рублей», из них в порядке оброка платили помещикам от 8 до 10 рублей. «По Бирючу (его родные места В. Р.) почти не встречаются искатели заманчивой работы на чужой стороне, как в Сенгилеевском уезде».

«...Лет 15 назад, земли Сенгилеевского уезда приносили отличный урожай, теперь же они редко удовлетворяют большим ожиданиям, вероятно потому, что выпалились и требуют удобрений. А удобрение требует скота,

который почти весь выпал в уезде». 77

26 июня 1863 года был опубликован закон «О поземельном устройстве удельных крестьян». По нему, в отличие от предыдущей реформы по освобождению крепостных, крестьяне, живущие на удельных землях, получали наделы в том размере, какой за ними числился «по табели», на основании которого взимался поземельный сбор.

Однако в некоторых селах за счет распашки пустошей и полей крестьяне пользовались большим количеством земли, чем за ними числилось. Эти излишки отрезались в пользу удельных имений, которые, кроме того, оставляли за собой все лесные дачи и оброчные статьи — участки для сдачи в аренду. Крестьяне очень нуждавшиеся в выпасах для скота, лесных участках, в ликвидации чересполосицы, желая себя застраховать от ответственности за потравы скотом оброчных участков, вынуждены были идти на уступки удельному имению, получать менее плодородные или меньшие участки.

Крестьяне, находившиеся в удельном заведовании, после подписания уставных грамот и определения новых наделов общине сразу же, без временно-обязанного состояния, переводились на выкуп. Плата за землю устанавливалась от 37 руб. 50 коп. до 42 рублей за десятину в зависимости от качества, с рассрочкой на 49 лет.

В среднем на каждую ревизскую душу бывшие удельные, а теперь крестьяне-собственники, получили по Сенгилеевскому уезду по 4,8 десятины. И тоже не обошлось без волнений. Причины — те же, что и у крепостных. Правда, к ним прибавилась еще одна. В некоторых селах сохранились грамоты царя Алексея Михайловича и Петра I, и люди никак не хотели мириться с тем, что ранее пожалованную им землю теперь надо выкупать.

Так было и в Сенгилее. 15 мая 1865 года мировой посредник и депутат от удельной конторы в присутствии трех «добросовестных» крестьян сельца Каранино собрали сход сенгилеевских крестьян. Пока посредник разъяснял закон, мужики, молча, слушали, но как только дошло до зачтения уставной грамоты, все покинули волостное правление и разбежались по домам.

Через несколько дней посредник явился уже вместе с исправником. Последний захватил с собой 20 казаков. Крестьян согнали в волостное правление, «однако запертые в помещении, они так шумели и кричали, что мировому посреднику, и на этот раз, не удалось прочитать уставную грамоту». ⁷⁸ В действие она была введена за подписями «добросовестных».

Волнения, окончившиеся поркой непокорных розгами, произошли в Буераках. ⁷⁹

В Артюшкине, попытка подать прошение в Главный комитет о перечислении крестьян на дарственную десятину окончилась неудачей, а ее инициаторы были арестованы и сосланы — один в Вологодскую, другой — в Вятскую губернии. ⁸⁰

В послереформенный период все земли стали делиться на крестьянские, государственные, удельные, церковные (монастырские), городские и частновладельческие. Все крестьянские земли уезда находились в общинном владении, а сбор податей гарантировался круговой порукой всей сельской общины, что с одной стороны препятствовало разорению слабых крестьянских хозяйств, а с другой — тормозило развитие сильных: заставляло равняться по худшему.

* * *

После реформ шестидесятых годов Россия вступила в новый, капиталистический период своей истории, хотя остатки крепостничества — временнообязанные отношения, круговая порука, отработки и т. д. — еще долго сказывались на жизни сел и деревень. В частности, при ограничении власти помещиков временнообязанные крестьяне барщинные работы выполняли кое-как, недоимки с них взysкивать становилось все труднее и труднее. Многие помещики очень быстро убедились, что для них предпочтительнее наемный труд, сделки с надежными арендаторами, и начали переводить временнообязанных крестьян на выкуп.

Дело в том, что крестьяне в значительном большинстве не могли сразу выплатить стоимость своих наделов и еще в период реформы соглашались только на уплату 20—

30 процентов выкупных платежей, а остальное — в рассрочку. Помещикам же нужны были деньги, так как многие жили не по средствам, имения некоторых были заложены и перезаложены в опекунских советах, нанимать людей было не на что. Правительство, стремясь поддержать их, организовало выкупную операцию. Заключалась она в том, что 20 процентов стоимости наделной земли крестьяне оплачивали сразу, а 80 процентов выкупной стоимости земли, помещик получал процентными бумагами. Это официально считалось выкупной ссудой — долгом крестьян, но уже не помещику, а правительству с его административным и карательным аппаратом. Вот эту ссуду крестьяне и были обязаны погасить в течение 49 лет с ежегодным платежом 6 процентов.

К 1865 году более половины помещиков Сенгилеевского уезда перевели крестьян на выкуп. Остальные сделали это позднее, а землю стали сдавать в аренду. Недостатка в арендаторах не ощущалось. Арендовали значительные участки, как правило, люди состоятельные — купцы, зажиточные крестьяне, тут же выкладывавшие деньги. Но значительная часть крестьян была не в состоянии рассчитаться сразу. Они договаривались с сельским обществом, а представители последнего уже вели переговоры с помещиком, сколько и в каком поле он сдаст в аренду, по какой цене, сколько может сдать за отработки и их примерный объем. Рассчитывались с получением нового урожая. Гарантировало уплату и своевременные отработки сельское общество с его круговой порукой. Отработки ценились довольно низко и приносили владельцу земли немалую прибыль. По сути это являлось завуалированной формой крепостнических отношений и продолжалось до XX века.

После реформ более быстро стал развиваться процесс расслоения крестьянства. Его зажиточная часть превращалась в купцов, торговцев, предпринимателей-капиталистов, кабатчиков и т. д. Уже в 1863 году Сенгилеевской управой было выдано торговых свидетельств купцов второй гильдии — 1, третьей гильдии—44, крестьян-торговцев—23. В восьмидесятые годы количество крестьян-торговцев увеличилось в три раза.

Основной тягловой силой в крестьянском хозяйстве продолжала оставаться лошадь. В 1863 году их в уезде было 34930. Имелось немалое количество крупного рогатого скота — 23418 (без молодняка), свиней держали, в основном, в бывших удельных селах. Их количество (без молодняка) составляло 4525, в некоторых селах, как Мордово, велся торг свиными тушами. Но особенно много держали в уезде овец. Их (без молодняка) было 99464, в том числе 2440 тонкорунных. Цены на мясо держались довольно низкие от 4 до 7 копеек за фунт при цене пуда ржи 40 копек.⁸¹

Из озимых главной культурой являлась рожь. Из яровых — овес, просо, гречиха, горох, чечевица. В некоторых селах сеяли ячмень и пшеницу. Но эти культуры требовали хорошей обработки земли, что при почти ежегодных переделах земельных участков далеко не всегда удавалось. Все большее распространение приобретал картофель, особенно когда его стали применять для винокурения и для изготовления крахмала. И, конечно, в каждом селе значительную площадь занимали конопляники. Посконь шла на традиционные холсты, куделя на веревки и канаты (Вырыстайкино, Шиловка, Мордово), а семя конопли — на масло, которое из-за значительного количества постных дней в году — более двухсот — потреблялось населением в огромных количествах. Почти в каждом селе имелась маслобойка.

Большие изменения происходили и в помещичьих хозяйствах. Первой перешла земля в руки предпринимателя в селе Каранино. Дворянка Тургенева, чтобы выбраться из долгов, сначала продала половину своей земли, а затем и оставшуюся часть. Продано было имение наследников дворянина Бекетова. Их земля стала переходить средн предпринимателей из рук в руки.

Начались серьезные изменения в промышленности уезда. Реформа парализовала деятельность вотчинных мануфактур. Временнообязанные крестьяне теперь уже отказывались работать на фабриках за мизерные расценки или работали кое-как. Помещики же, не привыкшие вести дела на коммерческой основе, вынуждены были или сда-

вать фабрики в аренду, или продавать их предпринимателям. Так сначала была остановлена, а затем и продана суконная мануфактура Тургеневой в с. Каранино. Перешла в собственность купца Акчурина Кормысловская фабрика, ранее сдававшаяся в аренду. Приобрел в собственность торгово-промышленный предприниматель Степанов Тереньгульскую текстильную фабрику. Новые владельцы обладали купеческой хваткой и, сочетая производство с продажей сукон, быстро обновляли ассортимент продукции, вкладывая деньги в расширение производства, стали получать значительную прибыль. Вместе с производством менялись и люди. Трудившийся на фабрике полурабочий-полукрестьянин получил возможность выбирать, чем ему выгоднее заниматься, и в большинстве случаев превращался в пролетария, имеющего хорошую промышленную специальность.

Реформа раскрепостила и мелких торговцев. Бывший буеракский крестьянин, ранее промышлявший лишь рыбной ловлей, Павел Семенович Зудин с сыном открыл в Сенгилее скобяную лавку, но это не удовлетворило его. Построил мельницу, стал вести торговлю хлебом. Торговый оборот его фирмы превысил вскоре 250 тысяч рублей. И это не удовлетворило. Начал строить вторую мельницу. Оборудование для нее выписал из-за границы.

С аренды городской мельницы начали свое дело братья Красильниковы. Отцы и деды их были русско-бекташские крестьяне, пекли хлеб для бурлаков, держали водяную мельницу. В Сенгилее они основали крупчатное производство и занимались хлебной торговлей. К концу века их оборот в торговле превышал 550 тысяч рублей.

В семидесятые годы стал купцом и буеракский крестьянин Флегонт Михайлович Баукин. В Сенгилее он основал сначала просообдирочное производство, затем стал вести хлебную торговлю. Был Флегонт Михайлович не скуп, при нужде выручал земляков всегда и без всяких процентов, но и своего не упускал. Годовой оборот его сначала составлял 400000 рублей, в конце века он уже имел четыре парохода и обширнейшие связи в торговых кругах.

Из сенгилеевских мещан в купцы третьей гильдии шаг-

нул Андрей Степанович Барсуков. У него тоже была хлебная торговля и просообдирочное производство. Торговый оборот его в 1899 году превышал двести тысяч. Таковы же были результаты деятельности и Федора Петровича Пономарева.⁸² Он тоже имел хлеботорговое производство. Перед войной 1914 г. занимал пост городского головы Сенгилея и вместе с Баукиным очень много сделал для открытия в Сенгилее высшего начального училища с ремесленными классами и прогимназии.

Список местных купцов можно бы и продолжить. Названные же здесь — лишь часть людей, ставших предпринимателями после реформ шестидесятых годов.

Глава IX

ГОРОД, ФИНАНСЫ, НРАВСТВЕННОСТЬ

В связи с ростом населения городка и в честь ожидавшихся реформ в Сенгилее в 1860 году началось строительство второй церкви. Возводилась она на пожертвования прихожан и при их непосредственной помощи строителям, чем сенгилеевцы очень гордились. В 1863 г. строительство было завершено, и престол освящен во имя Святого Николая Чудотворца.

На 1 января 1863 г. в городке имелось 716 домов, в том числе 4 каменных. Жителей было 5416 чел. — 7,5 в среднем на одну семью. Только валяльщиков сапог и кошм по официальным сведениям здесь имелось 128 человек, кроме них трудились 13 калачников, один булочник с двумя учениками, 5 человек занимались выпечкой простого хлеба для продажи. Пять портных имели 6 наемных рабочих и трех учеников. Сапожников было 8, они нанимали 12 рабочих и держали 5 учеников. Столяров имелось два. Столько же медников-лудильщиков. Маляров и кровельщиков было трое, плотников 9, колесников 8, мясников 6. Пять печников и три стекольщика имели 8 наемных рабочих и двух учеников. Был в Сенгилее один шляпник-картузник и один живописец.⁸³

Валяльщики и портные занимались промыслами только в свободное от сельхозработ время. Ломовых извозчи-

ков и грузчиков статистика не учитывала, но было их в Сенгилее немало.

В городе имелось 13 мельниц, около десятка просообдирок и крупорушек, часть их находилась в мельничных помещениях. Был широко развит наем в приказчики и сдача квартир приезжим купцам. Хорошая квартира с хозяйскими хлебами стоила от 15 до 20 рублей в месяц.

Жители города в 1863 году держали 523 лошади, 901 корову, 1583 овцы, 165 свиней и коз.

* * *

Сенгилей по «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» в начале управлялся Шестигласной думой и городским головой, подчиненным непосредственно симбирскому губернатору. Выборы проводились каждые три года. Участвовали в них все жители Сенгилея. Они разделялись на шесть сословных разрядов: дворяне и потомственные почетные дворяне, духовенство, купцы, мещане, ремесленники и крестьяне. Представители каждого сословия избирали Общую думу во главе с городским главой. Общая дума выбирала так называемую Шестигласную думу — по одному гласному от каждого из шести разрядов. Она и управляла всем городским хозяйством.

По городовому положению от 16 июня 1870 года сословный принцип был заменен имущественным. При выборах Думы участвовали все плательщики городских налогов, достигшие 25 лет и имевшие недвижимую собственность, обложенную оценочным сбором. Они разделялись на три собрания. В первом участвовали самые богатые, уплачивавшие одну треть всех городских налогов. Во втором — зажиточные, на долю которых также приходилась одна треть налогов. В третье собрание входили все остальные. Каждое собрание избирало по 12 гласных. Выборы проводились только вечером, как и заседания, чтобы не отвлекать людей от дела. Имевшие недоимки на выборы не допускались. Любопытная деталь: кто платил большие налоги, в избирательных бюллетенях шел в начале первым. Избирательного права не имели женщины, но если они обладали достаточным количеством имущества, то по письменному заявлению передоверяли свой голос ко-

му-либо из мужчин, обычно родственнику. В таком случае он имел два голоса.

На общем собрании Думы (распорядительный орган) избиралась городская управа (исполнительный орган). В городскую думу и управу теперь избирались люди, которые знали как приращивать городской капитал. На первом же собрании избранных гласных решался вопрос о количественном составе управы и окладе городскому голове, членам управы, исходя из доходов города. Жалованье выдавалось без всяких вычетов не только в управе, но и во всех подведомственных городу учреждениях — в приходской школе, в больнице, пожарной команде и т. д. Перекладывать из одного кармана в другой тогда не любили.

Бюджет город формировал сам, исходя из городских доходов. Например, в 1863 году доходы города складывались из следующих сумм: от сдачи в аренду 13 мельниц — 3013 рублей, сборы с промышленников и торговцев по четверти копейки с рубля объявленного капитала — 325 рублей, от сдачи в аренду городских земель — 469 рублей, от добавочных сборов с населения на устройство пожарного сарая, на содержание квартирующих войск, на содержание полиции и пожарной команды — 3761 рубль, поступления от заверки контрактов, договоров, векселей и т. д. — 1500 рублей. В среднем каждый житель Сенгиля на содержание своего родного городка ежегодно выкладывал по 1 рублю 85 копеек.

Общая доходная часть бюджета составляла в 1863 году 9065 рублей 45 копеек. Кроме того, город имел свой неприкосновенный капитал в сумме 11532 руб. 10 коп., банковский процент от которого или включался в доходную часть бюджета или присоединялся к сумме неприкосновенного капитала. Делалось это в зависимости от обстоятельств.

На содержание лиц городского управления, полиции и помещений, в которых они размещались, расходовалась почти одна треть бюджета, на пожарную команду 915 руб., на содержание городских имуществ и благоустройство — 1122 руб., на издержки по воинской повинности — 833, на содержание городской больницы и покупку лекарств 1413 рублей.⁸⁴

Головной болью городской думы была больница. Она находилась в настолько ветхом помещении, что в 1861 году больничный совет городской управы «во избежание несчастия» счел за лучшее продать это здание, а под больницу арендовал частный дом у мещанки Головановой. Находился он на Соборной площади.

В этом доме было размещено 14 кроватей. В нем же велся прием и выдавались лекарства. Городским лекарем работал И. И. Кучук. При нем находился лекарский ученик. За труд им городская управа платила на двоих 266 руб. 66 коп. в год. Кроме городского лекаря «для воспомоществования при родах» управа содержала повивальную бабку.⁸⁵ За 1861 год в этой больнице стационарно лечились 74 мужчины и 9 женщин. Плата за стационарное лечение составляла 5 рублей серебром в месяц.

Население города и окрестных сел не любило обращаться в больницу. Согласно записям медика резервного батальона Бородинского полка Раевича, жившего в Сенгилее с 1857 по 1863 годы, подавляющее большинство больных шло к знахарям. Большую роль в народной медицине играли заговоры. Их особенно уважали женщины. «При нервных заболеваниях, — пишет Раевич, — это иногда помогало». И еще из наблюдений: «Все детские болезни крестьяне считают «с глаза» и помочь тут, по их словам, может только заговор». У местных знахарей главными лекарствами являлись травы, «намазывание тела дегтем, маслом, спиртом. Самое радикальное — баня». В годы холерных эпидемий, продолжает Раевич, жители Сенгилея и уезда «...в качестве лекарств использовали вино с примесью перца, иногда нюхательного табаку и даже селитры».⁸⁶

Казенные государственные, губернские, уездные и городские сборы жители Сенгилея платили в следующих размерах: земледельцы 3 руб. 15 коп. в год, мещане и ремесленники 4 руб. 85 коп. Самым обременительным для населения являлся косвенный налог на потребление вина. В 1857—58 г.г. он составлял в среднем 4 руб. 70 коп. на одну душу мужского пола, независимо от возраста. Пью-

щих женщин в городе и уезде не было. Им даже на свадьбах разрешалось только пригубить — помочить губы в вино, а молодоженам настрого было запрещено и это. Как свидетельствует земская статистика, в Сенгилее среднегодовое потребление вина (полугара крепостью 38 градусов) составляло семь штофов на каждую мужскую душу.

Казенная цена вина, отпускаемого с заводов, составляла 3 рубля 76 копеек за ведро, из них 2 руб. 60 коп. акцизного сбора шло в пользу казны. Продажная цена в среднем составляла 5 руб. 25 коп., а при чарочной реализации выручка от ведра полугара достигала 7 руб. 50 коп. Часть этих денег шла в пользу городского и сельских обществ. По Елауру, например, она составляла более 800 рублей в год, по Р.-Бектяшке и Кроткову — около 300 рублей. Остальные деньги шли откупщикам.

С введением в 1863 г. вольной продажи вина в Сенгилее резко увеличилось число мест реализации. Здесь одно значное место приходилось на 154 жителя мужского пола, в уезде — на 647.

При изобилии в губернии картофеля спиртовые заводы росли, как грибы. Цены на полугар стали резко снижаться, но акцизный сбор правительство держало все тот же — 2 руб. 60 коп. с ведра. Владельцы питейных заведений сплошь и рядом переходили на более выгодную чарочную продажу. Цена чарки снизилась до 4 копеек⁸⁷).

Как сообщали «Симбирские губернские ведомости», потребление вина в губернии в шестидесятые годы на каждую душу мужского пола увеличилось до 12 штофов (14,76 литра). В городах потреблялось вина больше, чем в деревнях. Казенный винный доход увеличился на 35 процентов. Люди почти за те же деньги стали значительно больше пить и почти вдвое хуже работать. Потребление спиртного в таких огромных количествах в Сенгилее, уезде, да и по всей России продолжалось до введения в 1914 году «сухого» закона.

Такое неумеренное потребление спиртного, естественно, не замедлило сказаться на нравственности населения. Стала расти преступность или, как тогда говорили, «па-

дать нравственность». Одним из тягчайших преступлений того времени являлось святотатство. В 1861 году их по уезду было зарегистрировано 8, в 1863 году—6. Самоубийств, соответственно, 14 и 11, смертоубийств—13 и 20. Поджоги на конец взятого периода составили 21. Карательные органы направляли все усилия на борьбу с самым распространенным преступлением — конокрадством, и достигли кое-каких результатов. Кражи лошадей с 349 случаев снизились до 201. Зато выросли преступления иные. Грабежей и разбоев в 1851 году было 3, в 1863 они увеличились до 17, случаи воровства и мошенничества с 5 подскочили до 233, буйства и неповиновения с 17 увеличились по уезду до 64.

Статистика зафиксировала также, что в 1863 году было найдено подкидышей и появилось на свет 1654 «незаконнорожденных» — внебрачных детей⁸⁸. Таковы данные по уезду. Отдельно по Сенгилею сведений найти не удалось.

Глава X

ЗЕМСТВО

Сенгилеевская земская управа начала свою работу в начале января 1866 года. Выборы в земское собрание проводились тремя собраниями на трехлетний срок. Имущественный ценз в уезде был определен в 15 тысяч рублей. Например, на первых выборах гласных в уездное земское собрание были избраны: 17 дворян, три мещанина, один купец, городской голова, священник, управляющий Сенгилеевским удельным имением и 10 крестьян. Уездное земское собрание избирало председателя земской управы—своего исполнительного органа, а председатель подбирал себе команду исполнительных служащих. Кстати, платных работников, исключая врачей и учителей, в земской управе первоначально было 17 чел., затем их количество по решению земского собрания увеличилось до 23.

Земское собрание собиралось один раз в год на 2—3 дня, заслушивало отчеты земской управы, определяло задачи на предстоящий год. Деятельность земского собрания и управы доводилась до сведения всех желающих, так как ежегодно издавался сборник, называвшийся «Журналы и доклады Сенгилеевского уездного земского собрания за (такой то) год».

Деятельность уездного земского собрания и его управы носили чисто хозяйственный, но чрезвычайно разно-

сторонний характер: медицина, ветеринария, народное просвещение, охрана природных богатств, сбор и порядок расходования налогов, строительство, землеустройство, призрение безродных стариков и старух, деятельность земской почты, работа склада земледельческих машин и орудий, назначение пособий, страхование зданий; управа разрабатывала, а земское собрание утверждало организационный план общественных работ на случай неурожая и т. д.

Нам много лет с упорством, достойным лучшего применения внушали, что земство являлось инструментом обогащения, эксплуатации, унижения крестьян, что это бюрократический инструмент царизма и т. д. Да, были в земствах и бюрократы, но были и подвижники, как И. Н. Ульянов, В. И. Кашкадамов, В. Н. Назарьев, В. М. Ноинский и множество других. Поэтому, если отбросить мелкие частности, можно со всей определенностью сказать: земство многое сделало для народа, хотя начинать ему приходилось практически с нуля.

Земская управа начала свою деятельность со строительства в Сенгилее уездной больницы. Построили здание на 16 коек. На должность земского врача Сенгилеевского участка в 1869 году был определен прибывший из Сибири выпускник Московской медико-хирургической академии Василий Иванович Кашкадамов. Он же временно являлся и аптекарем.

Человек больших знаний и энергии, он многое сделал для защиты населения уезда во время холерной эпидемии 1871 года. При его настойчивости и постоянной поддержке земской управы в уезде были открыты еще два медицинских участка. В 1872 году Кашкадамов был приглашен на должность врача в Симбирск. После него в Сенгилеевской земской больнице работали врачи Ф. Ф. Милев, П. В. Сурин, А. И. Шестериков, а с начала XX века В. М. Ноинский.

О Сенгилеевском земстве — да и не только о нем — говорили, что оно бедно, как церковная мышь. Это недалеко от истины. Только к концу деятельности земства его

доходы составили 397427 руб., а в первые годы они едва дотягивали до двухсот тысяч. Складывались они за счет сборов с недвижимого имущества: земель и лесов удельного ведомства, частных владельцев и сельских обществ, сборов с торгово-промышленных заведений, с питейных помещений, с заведений трактирного промысла. Принцип работы был таков: можно содействовать появлению новых промышленных и торговых заведений, но сборы увеличивать нельзя. Приходилось по одежке протягивать ножки.

Если в Симбирском уезде плата за лечение была отменена в первые годы земства, то в Сенгилеевском до 1918 года сохранялась следующая такса: за амбулаторный прием 10 коп., за день пребывания в стационаре—40 коп., за вызов врача на дом—1 рубль серебром. Эти деньги земская управа обращала в дополнительный источник финансирования здравоохранения. Исключением являлись холерные больные. Средства на борьбу с эпидемиями холеры выделяла губернская управа, в помощь земскому медперсоналу прибывали отряды Красного Креста, иногда разрешалось привлекать к проведению противоэпидемических мероприятий ротных фельдшеров, квартировавших в Сенгилее воинских частей.

И все же, несмотря на крайний недостаток средств, количество медицинских участков росло. Правда, лечебные учреждения ютились в обыкновенных крестьянских избах, медицинская помощь оказывалась лишь амбулаторно, но к 1888 году в уезде уже работало 6 врачей, 9 фельдшеров, а в Тереньге, Новодевичье, Поповке, Ст. Ерыкле и в Дворянском (Верхний Свяжск) были открыты приемные покои на 2—7 коек.

В 1899 году земская управа на взятую под большие проценты ссуду начала строительство каменного корпуса больницы в Сенгилее.

Приводить по годам сравнительные данные о заболеваемости—заняло бы много места, да и заинтересовать это может только специалистов. Считаю необходимым в порядке информации к размышлению привести лишь некоторые данные за 1897 год, зарегистрированные медицинской статистикой уезда: дифтерии—1307 случаев, нату-

ральной оспы—225, брюшного тифа—407, коклюша—602, скарлатины—133, малярии около 10 тыс., сифилиса более 9 тыс.

Вторым шагом Сенгилеевской земской управы было формирование без единого платного работника уездного училищного совета, принявшего в свое заведование бывшие удельные и сельские училища.

О состоянии народного просвещения в уезде говорит такой факт. Если в бывших удельных селах один ученик приходился на 51 жителя, то в бывших помещичьих учились только один из 210. Вполне естественно, что земство в первую очередь занялось комплектованием, а затем и строительством школ в бывших помещичьих селах уезда.

В 1869 году в Симбирской губернии был учрежден институт инспекторов народных училищ. Первым инспектором на всю губернию назначен Илья Николаевич Ульянов. С первых же лет приезда он не оставил своим вниманием и Сенгилеевский уезд.

В отчете за 1871 год он писал: «Из всех 51 осмотренных училищ, лучшим по сравнению с другими оказалось Сенгилеевское мужское приходское училище, а из учителей и учительниц обращает на себя внимание своим усердием и знанием дела учитель мужского приходского училища Александр Михайлов⁸⁹.

В апреле 1874 года, инспектируя сенгилеевские училища, много внимания уделил волостному смешанному, учителем в котором с 1841 года работал Мина Кузьмич Кузьмин. Обучались в нем 5 девочек и 49 мальчиков, в том числе 5 ребят из чувашских сел.

Илья Николаевич отметил, что в младшем и среднем отделении учащиеся читают недурно, пишут хорошо, однако считают в уме не бойко, при решении арифметических задач не видно самостоятельности.

В мужском приходском училище занимались 53 ученика «Редким усердием и рвением к делу наставник обращает на себя особое внимание и заслуживает поощрения за свои труды», — писал И. Н. Ульянов, отмечая хорошие знания учеников. По его ходатайству учителю Михайлову на 90 рублей в год было увеличено жалованье.

В женском приходском училище знания всех 37 девочек были признаны удовлетворительными.

Илья Николаевич проверил расходование средств на содержание училищ, познакомился с жилищно-бытовыми условиями учителей, их духовными интересами.

В том же 1874 году, но уже вступив в должность директора народных училищ Симбирской губернии, И. Н. Ульянов провел с 1 по 15 сентября первый съезд учителей. Присутствовало 30 учителей из Сенгилеевского уезда и 35 из г. Симбирска и его уезда. В процессе съезда Илья Николаевич рассказывал о самых передовых в то время методах ведения уроков. Обменивались мнениями и учителя.

Одним из самых интересных было выступление учителя Сенгилеевского мужского приходского училища Александра Михайлова о звуковом методе изучения частей речи. Учителя Тушинского и Сенгилеевского училищ М. И. Извожиков и П. Ветров за хорошую работу получили денежные награды.

Очередное посещение И. Н. Ульяновым Сенгилея относится к 1876 году. В мужском приходском училище вместо Михайлова работал Травин. При проверке было отмечено, что ученики младшего отделения читают с трудом, числа могут писать только до 15. Хуже стали учиться и в других отделениях. «Успех детей нельзя назвать достаточным», — замечает И. Н. Ульянов.

В волостном училище к этому времени занимались 56 детей. «Учащиеся читают хорошо, знания по арифметике — порядочные». Учитель М. К. Кузьмин «занимается усердно, но желательно, чтобы ученики в состоянии были рассказывать (материал) своими словами, а не придерживаться книг». Отмечен еще один недостаток — подсказывания учеников друг другу⁹⁰.

В женском приходском знания воспитанниц были отмечены как вполне удовлетворительные.

Еще один факт. В 1881 году исполнилось 40 лет педагогической деятельности Кузьмина. Узнав, что Сенгилеевское земское собрание отказало Мине Кузьмичу в повышении жалованья, Илья Николаевич обратился с письмом

в губернскую земскую управу. Он писал, что сорокалетняя деятельность М. К. Кузьмина на поприще учителя начального народного училища «заслуживает особенного внимания со стороны общества, которому г. Кузьмин... отдал всю свою жизнь... В материальном отношении г. Кузьмин в продолжении своей сорокалетней службы был обеспечен весьма скудно⁹¹».

Губернское земское собрание в прибавке жалованья Кузьмину также отказало, но решило: «За многолетнюю беспорочную службу» выдать единовременное пособие 200 рублей, что равнялось его годовому заработку. Кстати, Мина Кузьмич и его сын Викентий Минович преемственно работали в одной и той же школе в общей сложности 90 лет—отец 46, сын—44 года.

Бывал И. Н. Ульянов и в других селах, ныне входящих в Сенгилеевский район. В марте 1871 года он инспектировал Тушинские, Шиловские мужские и женские, а также Елаурское и Кротковское училища. В 1872 году опять проверял работу Тушинских и Артюшкинских, в 1874 Шиловских мужских и женских училищ. При его настойчивости и активной помощи в Елауре, Мордово и Тушне были построены новые училищные здания.

По высочайшему утвержденному положению от 25 мая 1874 года функции уездных училищных советов изменились, они теперь обязаны были не только заботиться о материальной стороне школ, но и, как говорится в материалах уездного земского собрания сессии 1875 года, «... на членах училищного совета лежит обязанность ревизовать школу и производить экзамены».

Это оказалось делом нелегким. «В отчетном году (1876 г. В. Р.) все члены Сенгилеевского училищного совета,—писал Валериан Никанорович Назарьев,—отказались под разными предложениями проводить ревизии и экзамены в сельских школах, и, по всей вероятности, школы так бы и остались неосмотренными, если бы на выручку всего состава совета не явился... г-н Извозчиков, согласившийся принять на себя ревизию половины уездных школ⁹²».

О не всегда продуманных действиях уездного училищного совета говорит и такой факт. В октябре 1878 года в

Сенгилеевском уездном училище один из учеников украл у соседа книгу и учебник, за что был исключен.

Илья Николаевич, ознакомившись с протоколом училищного совета, написал, что при таком малом числе учеников поступок мог быть предупрежден в самом начале. ...«Вы же допустили до крайности и, не принимая никаких предупредительных мер по исправлению этого ученика, подвергли его высшей мере наказания — исключению из училища... Предлагаю Вам... вменить Варсонофьеву на первый раз в наказание **временное** исключение... из училища, приняв его вновь в число учеников; предупредить его родителей и затем иметь за ним особенное наблюдение всех членов училищного совета, на обязанности которых лежит не только обучение, но и воспитание вверенных им детей⁹³».

К концу XIX века в Сенгилес было 4 училища. Женское приходское, открытое в 1860 году, спустя четверть века было преобразовано в городское двухклассное Министерства народного просвещения женское училище.

Волостное начальное народное училище, в котором работали Кузьмины, в 1889 году было преобразовано во второе мужское приходское училище.

Мужское приходское училище вскоре после его открытия стало называться первым приходским, а в 1909 году к его названию добавилось «имени Н. В. Гоголя».

Уездное училище, открытое в 1861 году, в самом начале XX века было преобразовано в Сенгилеевское трехклассное училище⁹⁴.

Всего же к началу XX века в уезде имелось 69 училищ, из них 8 находились в ведении дирекции народных училищ (министерские), 60 в ведении Сенгилеевского уездного училищного совета и одно — частное женское графа Орлова-Давыдова в Новом Тукшуме. В них обучалось 3152 человека, в т. ч. 576 девочек.

В подведомственных уездному совету училищах состояли на службе 56 законоучителей (священников), 34 учителя и 28 учительниц. Из учителей специальное педагогическое образование имел один, 30 окончили курс городских училищ, 1 — второклассную школу, двое обуча-

лись в Порецкой семинарий, но курса не окончили, и один имел домашнее образование. Из 28 учительниц 3 окончили епархиальные училища, 16—Мариинскую гимназию, 1—чувакскую учительскую школу и 8 имели домашнее образование⁹⁵.

В Сенгилеевском уезде, как ни в каком другом, была очень велика текучесть учительских кадров, причем, самых опытных. Причина заключалась в том, что каждый уезд устанавливал жалованье, исходя из своих возможностей. В Сенгилеевском оно было самое низкое. Жалованье двух третей учительского персонала не превышало 15 рублей в месяц.

С первого января 1868 года в городе и уезде было введено добровольное земское страхование от огня, по которому стали «приниматься на страх церкви, дома, селения»⁹⁶. Досадно, что земство держало очень низкую оценку строений. Хороший дом оценивался не выше 50 рублей. Чтобы застраховать его на эту сумму, нужно было внести годовой страховой взнос 50 копеек.

В связи с введением страхования, управа с согласия земского собрания начала внедрять в селах уезда строительство огнестойких саманных построек и даже выдавала нуждающимся беспроцентные ссуды не более 50 рублей.

К 1880 году почти на все селение уезда земская управа составила строительные планы. Так была упорядочена сельская застройка. С 1872 года земство организовало продажу сельским обществам на льготных условиях пожарных заливных труб, прообраз пожарных машин на конном ходу⁹⁷.

Земской управой также был организован в Сенгилее склад сельскохозяйственных машин и инвентаря. Под залог имущества или поручительство общества здесь даже стало возможно купить локомобиль, молотилку, веялку, плуг в рассрочку с уплатой незначительных процентов.

Земской управе Сенгилей и уезд обязаны и таким новшеством, как ветеринарная служба.

Засухи, суховеи и их следствие—недороды в Поволжье не были редкостью. В прошлом веке они повторялись че-

рез 8—10 лет. Пыльные бури, когда «мгла тяготила небо», свирепствовали в 1876, 1885 и 1886, в 1890—93 годах. Гигантский пыльный смерч 1896 года прошел от Сибири до Украины, уничтожая на своем пути посевы и не только их. Столичные газеты писали об истощении полей. Что в этих условиях могло сделать уездное земство? Не раз поднимало вопрос о том, чтобы иметь на уезд хотя бы одного агронома. Но земское собрание отвергало это предложение, как несвоевременное и слишком дорогое. Некоторую надежду вселяла деятельность Русского экономического общества, разрабатывавшего программу зональной агрономии, вело исследование причин истощения почв. Оно же занималось внедрением засухоустойчивых сортов зерновых.

В связи с осуществлением этой программы в 1878 году в Сенгилее побывал Василий Васильевич Докучаев. Прибыв из Симбирска на пароходе, он выезжал в район Буерак, Елаура, Мордово, брал образцы почв на полях в устье Черемшана, около Хрящевки, снова возвращался в Сенгилей. Затем пароходом выехал в Самару. Результаты исследований вошли и в его монографию «Русский чернозем».

Народ же и правительство, не в силах изобрести что-либо более радикальное для борьбы с голодом, остановились на самых простых средствах.

Первое — общественные запасы зерна. Практиковать создание их в России начали с конца XVIII, у нас в уезде — с начала XIX века. Сельские общества строили хлебные магазины в просторечии «магазиен», «гамазен», точнее говоря, большие амбары. С каждого урожая крестьянская семья делала свой взнос, установленный сельской общиной или волостным сходом, и так ежегодно до полного накопления запаса хлеба.

В Сенгилеевском уезде таких магазинов было 197. По расчетам земской управы на 50118 ревизских душ необходимо было иметь полный запас хлеба озимого 50118 четвертей, хлеба ярового 25059 четвертей. Всего по 15 пудов на ревизскую душу, чтобы в неурожайный год худобно прокормить семью, лошадь и кое-что сберечь на семена.

По данным земства на 1 октября 1885 года в Сенгилевском уезде имелось в наличии зерна в магазинах 27923 четверти, в долгу за крестьянами 53270 четвертей. С первого октября 1885 года выдано ссуд 996 четвертей, за тот же период возвращено долга крестьянами 2211 четвертей. Налицо в магазинах имелось на 1 октября 1886 года 29138 четвертей и в долгу за крестьянами—52211. Мера не ахти какая, хитрая, но в трудные годы выручала⁹⁸.

Наряду с общественными запасами продовольствия в деревне и неприкосновенными капиталами в городах, практиковались и другие меры.

Так в неурожайном 1891 году с 1 сентября начало работу Симбирское главное попечительство Красного Креста по оказанию помощи населению губернии, пострадавшему от неурожая. Собирали пожертвования состоятельных людей, на них закупали хлеб⁹⁹.

Со 2 февраля 1892 года в уезде по случаю недорода открылись общественные работы (были и такая форма помощи). Земство за счет неприкосновенных капиталов, накапливаемых из года в год, в случае неурожая в каждом селе предоставляло крестьянам возможность дополнительных заработков на заготовке леса, камня, строительстве дорог, мостов и т. д. Конечно, заработки эти были небольшие, но все-таки поддержка. А купить хлеб, даже в самые неурожайные годы, в уезде труда не составляло.

В том же 1892 году в порядке благотворительности с 15 февраля удельное ведомство в селах открыло 93 столовые, «где нуждающиеся, преимущественно дети, престарелые и больные получали хлеб и горячую пищу»¹⁰⁰).

Все это вместе взятое не спасало от бедствия, но значительно смягчало его удары. Да, население уезда трудно пережило зиму с 1891 по 1892 год, весну, первую половину лета, но смертей от голода, от истощения уездная статистика не зарегистрировала.

Глава XI

УПРАВЛЕНИЕ УЕЗДОМ

В 1863 году в состав Сенгилеевского уезда входило 126 населенных пунктов. Территория, занимаемая уездом, к этому времени составляла 5596 квадратных верст, в среднем по 44,4 квадратных версты на населенный пункт. Жителей тогда в уезде насчитывалось 115758 человек¹⁰¹, в том числе дворян потомственных и личных 448. Общее количество дворов было 13600.

Номинально возглавлял уездные власти предводитель дворянства, избиравшийся уездным дворянским собранием на 3 года. Решал он, в основном, сословные (дворянские) дела, но от него во многом зависело назначение человека на тот или иной пост в уезде. Дворяне имели в обществе самое независимое положение, были освобождены от всех личных повинностей и сборов. Представители этого сословия из Сенгилеевского уезда в 1863 году имели 31 голос (15 процентов) в губернском дворянском собрании.

Предводитель дворянства постоянно являлся гласным уездного земского собрания, участвовал в выработке хозяйственной программы действий земства на предстоящий год.

Что же касается административно-полицейской власти, то она полностью сосредоточивалась в уездном поли-

цейском управлении. Возглавлял его исправник. В штат также входили помощник исправника и писарь. На регулярно проводившиеся заседания приглашались несколько заседателей от всех сословий, в том числе 2 от крестьян. Исправник и непременные члены земских судов до реформ избирались дворянством, с 1862 года, как и все чины полиции, стали назначаться губернатором.

Подведомственные полицейскому управлению становые приставы резиденцию имели в уезде и заведовали одним из станов. Сенгилеевский уезд делился на два стана. Центр первого находился в Старом Тукшуме (в него входил и Сенгилей), второго—в селе Дворянском. К 1905 году станов в уезде стало пять.

Для наблюдения за порядком в селениях и для исполнения приказаний становых назначались полицейские сотские (сотники). В их заведовании находились определенные участки стана (сотни) и подчиненные им десятские в селах. При каждом становом приставе имелся писарь и рассыльные—крестьяне по очереди.

Непосредственным исполнителем всех распоряжений полицейского управления являлась штатная полицейская команда. В Сенгилее она состояла из 7 человек¹⁰².

Уездная полиция по всем вопросам своей деятельности подчинялась губернскому правлению и министерству внутренних дел.

Был в Сенгилее и попечительный о тюрьмах комитет, занимавшийся нравственным воспитанием узников. Возглавлял его (бесплатно, разумеется) один из сенгилеевских священников. Комитет также заботился о сборе пожертвований. Примерно одну треть тюремного бюджета составляли благотворительные пожертвования купцов, дворян и других состоятельных людей, а также деньги, опущенные прихожанами в специальные жертвенные кружки.

Статистический комитет и народного здоровья, комиссии народного продовольствия и дорожания работали при земской управе, но все они находились в подчинении министерства внутренних дел.

Имелся в Сенгилее и уездный суд, на котором председательствовал уездный судья. На заседаниях присутство-

вали 4 заседателя: два от дворянства, два от крестьян. Для правильного ведения уголовных дел имелся один следователь, а для наблюдения за порядком судебного производства был уездный стряпчий (прокурор). При суде существовала дворянская опека, на заседаниях которой приходилось председательствовать уездному предводителю дворянства. Судебные органы официально контролировались министерством юстиции.

Министерство финансов в Сенгилее распространяло свое влияние только на уездное казначейство, на котором лежала ответственность за прием и хранение всех доходов, принадлежавших государственному казначейству. Управлял им уездный казначей, в штате которого имелся журналист (человек, заполняющий учетный журнал), бухгалтер и несколько канцелярских служащих для оформления документов.

Наш городок являлся и центром одноименной волости. Поэтому здесь имелось волостное правление. Возглавлял его волостной старшина, два его помощники и писарь. Все вместе они составляли волостное правление.

Все перечисленные структуры с годами претерпевали некоторые изменения, но до 1917 года оставались в ведении своих министерств и ведомств.

Глава XII

ГОРОДОК И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Сенгилей продолжал жить, не спеша, своей провинциальной жизнью. За счет двух приделов значительно расширился храм Покрова Пресвятой Богородицы. Приделы его были освещены во имя Вознесения Господня и Святого Пророка Илии. Теперь он стал собором (главным) в городе. При нем с 1815 года существовала богадельня, в которой нашли себе приют 20 безродных старушек. К концу века количество призреваемых увеличилось до 35. На содержание каждой из них город ежегодно расходовал по 5 руб. 65 коп. К этим деньгам добавлялись пожертвования прихожан из богадельной жертвенной кружки.

О том, что наш уездный городок неожиданно прославился, жители его узнали примерно через сто лет. 28 августа 1874 года на пароходе из Самары в Нижний Новгород ехал известный латышский художник Карл Федорович Гун. Очарованный Волгой, он написал этюд. На нем — волжский берег, баркас, баржи, чуть дальше — поленницы дров, амбары, из-за садов выглядывают купола церквей и меловые холмы. «Сенгилей на Волге, близ Симбирска» — так назвал он эту работу. Хранится она в Государственном Русском музее в Ленинграде. Фото ее помещено в монографии о К. Ф. Гуне. Появилась эта книга у нас в городе в 60-х годах XX столетия.

Большое торжество состоялось в Сенгилее 1 февраля

1875 года по случаю открытия городского общественного банка. Учрежден он был на средства городской управы с первоначальным капиталом 10 тыс. рублей. Капитал не велик, но предприниматели в любой день могли получить под залог недвижимости 200—300 рублей для торгового оборота¹⁰³).

А в следующем 1876 году Сенгилей стал ярмарочным городом. До этого, с момента основания города, здесь существовал торжок (рынок), летом по воскресеньям (в субботу—подторжье), зимой по понедельникам (подторжье—в воскресенье).

Учреждения симбирским губернатором ежегодная пятидневная ярмарка была очень важна для экономического развития города. Открывалась она на второй день Рождества. Съезжались на нее до 7—8 тысяч человек не только из окрестных сел, но из Симбирского и Ставропольского уездов.

Самыми ценными, поэтому и ходовыми товарами, являлись хлопчатобумажные и шерстяные ткани, изделия из металла, сахар, чай. Шел торг лошадьми, продавали колеса, телеги, полозья, и, конечно же, хлеб, подчас выступавший в качестве разменной монеты. Появились на ярмарке и «колонияльные товары» — шелка, перец, лимоны, апельсины—для очень состоятельных покупателей¹⁰⁴.

В связи с Турецкой войной в мае 1877 года был образован местный комитет Общества попечения о раненых и больных воинах. Он занимался сбором пожертвований на приобретение продовольствия, белья и лекарств для солдат и офицеров, хотя частичный призыв резервистов в уезде начался только в июле.

Все эти пореформенные годы в Сенгилей продолжали прибывать родственники и знакомые первых переселенцев из Калязинского уезда Тверской губернии. Почти в полном составе в наши края переселились жители села Анненково Карсунского уезда.

Большинство прибывших приписывались в мещане, но некоторые желали приписаться в сельскую общину Новой Слободы. Выгоду от этого они видели в том, что рядом находилась ферма, при ней очень плодородные земли, сдававшиеся в аренду.

«Нельзя не удивляться нашей пассивности, — писал секретарь губернского статистического комитета М. Арнольдов. — Ферма эта, говорят, может дать до 3000 дохода, а сдается за 1000 рублей в год, и то едва нашлись охотники снять ее ¹⁰³».

Но дело заключалось вовсе не в пассивности, мало у кого находились такие деньги. Снявший ее (взявший в аренду) обычно находил субарендаторов, которые снимали у него по 3—5 десятин и лишь некоторые по 10, но уже за более высокую плату. Только в конце века там прочно основались Климовы.

Местность, где расположена ферма — на редкость красивая, сенгилеевцы «любят ездить гулять туда», — писал Арнольдов. Там, по его словам, ловится самая крупная форель во всей Симбирской губернии.

Сенгилей считался одним из самых благополучных городов губернии, только вода подводила его. С появлением на речках большого количества мельниц горожанам пришлось употреблять плохую воду. Портилась она от навозных плотин, во множестве перегородивших Тушонку и Сенгилейку. Санитарные врачи, прибывшие из Симбирска, доказывали, что заболевания возникают от загрязненной воды. Кстати, видимо, в связи с этим население и стало называть Тушнинку Тушонкой — речкой с тушеной (тухлой) водой.

Выхода из создавшегося положения городские власти долго не находили. Подсказал его опыт Новодевичья. В 1878 году там был построен первый в уезде самотечный водопровод. Когда слухи об этом дошли до городского головы В. А. Носкова, он побывал там и пригласил мастера, строившего водопровод, в Сенгилей.

Специалист тщательно обследовал окрестности города, и место для каптажного колодца выбрал в трех с половиной верстах от Сенгилея, где из толщи трещиноватых саптовских мергелей выбивает родник Коротенький.

Деревянные трубы изготавливались на месте из трех саженных бревен. Отверстия в них высверливались специальным буром. Их смолили и укладывали на глубину

до двух с половиной аршин, соединяя между собой металлических втулками. В городе они разветвлялись и уходили к пяти чанам.

Всю работу по организации строительства взяли на себя Петр Сергеевич Пырков и Василий Алексеевич Носков. Распоряжения приглашенного мастера выполнялись пунктуально. Прокладка водопровода, протяженностью 2850 погонных сажен, началась в июне 1879 года и закончилась в конце сентября того же года.

Городской водопровод безупречно работал более 20 лет, затем корни деревьев начали проникать в деревянные трубы и разрывать их стенки.

В 1902 году городской управе пришлось приглашать мастера-подрядчика из Общества механических заводов «Братья Бромлей». Ремонтировать старый водовод подрядчик отказался, предложил уложить новый из чугунных труб. Работы продолжались два сезона. Осенью 1904 года новый водовод вступил в строй. Обошелся он в 46 тыс. рублей, старый сделали за неполных пять тысяч.

С момента присвоения Сенгилею титула города здесь существовал почтовый двор (станция). В 1863 году в уездной почтовой конторе был почтмейстер и два почтальона. По данным за 1865 год почтовая контора получила 3968 частных писем, 129 посылок, 12567 казенных конвертов и 160 тюков. Газеты и журналы по отдельности не учитывались, контора относила их в число частных писем и посылок.

«С целью облегчения забот купечества» 1 сентября 1881 года в городе была открыта телеграфная контора, «связавшая линией Сенгилей с Симбирском»¹⁰⁶, а с 1-го марта 1889 года уездная почтовая контора была соединена с конторой телеграфной в одно учреждение. В том же году «для удобства жителей города» с 1 сентября при почтово-телеграфном учреждении открылась сберегательная касса.

И последнее о почтовой службе. Как видно из отчета, с 1 июля 1902 года по 1 июля 1903 года земской почтой доставлено в разные места уезда и из уезда в Сенгилей 3978 денежных переводов на сумму 208317 руб. 01 коп.,

49555 пакетов казенной простой корреспонденции и 1997 заказной. Частных простых писем, газет, журналов, рекламных проспектов и объявлений—45922 шт.¹⁰⁷.

Город, как уже говорилось, не раз подвергался опустошительным пожарам, но ни один из них нельзя сравнить с бедствием 1890 года. В страшнейшую сушь, 30 июня, в середине дня вспыхнул пожар. Сильный ветер перебрасывал огонь через улицу и даже две, огненные «галки» перелетали через речки. Огонь бушевал до вечера.

Как сообщал сенгилеевский исправник губернатору, в городе сгорело 527 домов с имуществом, три мельницы, 33 амбара с хлебом и все пекарни. Сгорели также почтово-телеграфная контора, дом городского управления и помещение уездного съезда¹⁰⁸.

В 1889 году в Сенгилее жил Евгений Николаевич Чириков. Имя это мало что говорит современному читателю. Выходец из безземельной дворянской семьи, он, будучи студентом Казанского университета, как и многие из его однокашников мечтал о справедливом переустройстве России, был одним из организаторов студенческой сходки 4 декабря 1887 года. Через два дня, как «зачинщик беспорядков», выслан в Нижний Новгород, где за крамольные стихи («Ода Александру III» подвергся аресту, но через два с половиной месяца был освобожден и отдан под надзор полиции с запрещением проживать во всех университетских городах и крупных центрах.

В это время отец Чирикова бросил семью. Мать поступила в Сенгилеевский клуб тапершей, «а я начал бегать по урокам»—писал он о себе. Сенгилеевские впечатления, мерзости уездной жизни, затхлый мирок обитателей городка нашли отражение в ряде его произведений. Его публикации обожал А. М. Горький, его рассказом на сенгилеевском материале «В лощине меж гор» за пробивающийся «настоящий гоголевский юмор» восторгался Л. Н. Толстой.

После отъезда из Сенгилея в начале 1891 года Чириков работал в провинциальных газетах, публиковался в столичных, затем был приглашен в издательство «Зна-

ние». В 1907 году перешел в беспартийный альманах «Шиповник». К февральской революции Евгений Николаевич отнесся благожелательно, октябрьскую не принял. В 1920 году эмигрировал, жил в Софии, в Праге. Умер 18 января 1932 года, похоронен на русской площадке Ольшанского кладбища.

Когда-то это был один из самых читаемых авторов. После эмиграции запрещен. Правда, в 60-е годы кое-что из его произведений стало издаваться. Лет двадцать назад в букинистическом магазине Кисловодска мне посчастливилось приобрести один из томов дореволюционного издания его произведений. В томе 450 страниц, порядковый номер его десятый, но не последний.

В начале девяностых годов столичная газета «Голос» решила дать серию портретов уездных городов «Российской провинции». 22 октября 1891 года была опубликована строк на 300 статья и о нашем городе. Приведу из нее несколько извлечений. «...Во всех географиях Сенгилей очень скромно обходят. Про него сказано, что он—уездный город Симбирской губернии, никакими серьезными промыслами не занимающийся, никакими достопримечательностями не отличающийся—и баста!

...Попасть в Сенгилей—дело не легкое: ежегодный нанос песку образует в межень Волги прямо против города огромную с каждым годом увеличивающуюся косу, так что пароходы пристают не к самому городу, а версты за три от него, в месте совершенно безлюдном... и ты должен тащиться по вязкому, изрытому колеями илу пешком.

...Городская жизнь сосредоточена на одной только улице. Там.. каменное строение, вмещающее в себе уездный суд, магистрат... Там на вас выглянет какой-нибудь жалчайший «штрумент», предназначенный в проекте к спасению города во время пожара... Там увидите местного сердцееда и необъятный кринолин уездной аристократки».

Далее описываются, как достопримечательность, торговые ряды, державшиеся благодаря многочисленным подпоркам, в которых заняты только две лавки — одна с «панским», другая с «колониальным» товаром, к числу

которого весьма простосердечно отнесены вобла, деготь, кофты и прочие местные произведения.

Из числа других достопримечательностей, сохранившихся после пожара 1890 года, автор описывает речку Тушонку и мельницы на ней, «окруженные ветлами. Все это замкнуто со всех сторон перекосившимися на бок крытыми почерневшей соломой избами»¹⁰⁹.

Оставим на совести столичного корреспондента его впечатления: каждый видит жизнь по-своему. Да и то правда, что уездный город — не столица.

И все же эта статья, видимо, задела самолюбие городских властей: на следующий год на месте деревянных торговых рядов, о которых так же лестно отзывался «Голос», были построены «каменные торговые ряды на 20 лавок торговли мануфактурными товарами», а на следующий — построены такие же «ряды на 12 лавок для торговли хлебным товаром, да на пристани построено 29 деревянных амбаров», общей вместимостью 1,5 млн. пудов хлеба¹¹⁰.

В 1894 году Сенгилей получил прекрасный каменный дом городского общества.

5 марта 1895 года в здании городской управы открылась публичная городская библиотека. Было в ней 200 томов. К 1910 году количество книг увеличилось до 3300, «читающая публика» возросла за эти годы с 40 до 237 чел.

12 января 1902 года Сенгилеевское волостное правление по решению схода представителей сел волости тоже открыло свою библиотеку. Для нее было приобретено 250 книг. К 1917 году их стало около 4000. Была эта библиотека, как и городская, бесплатной, пользоваться ее фондами мог любой житель волости, но под денежный трехрублевый залог. Размещалась она в здании волостного управления.

В 1895 году в Сенгилее по решению губернского земства была установлена метеорологическая станция. Проявлялась она до 1918 года.

Что еще можно сказать о Сенгилее конца XIX века? Здесь было открыто отделение епархиального училищного совета. С 1896 года существовало отделение Симбирского

трехсвятителей братства, занимавшееся открытием церковно-приходских школ (открыты в Алешкине, Вырыстайкине, Н-Слободе), воспитанием населения в духе религиозной нравственности. В его заботы входила и благотворительная деятельность.

Кстати, все эти организации и большинство других существовали без копейки дотаций и без единого платного работника. Вторая половина девяностых годов для Сengiлея характерна резкой активизацией интеллигенции. Участие в любом просветительском и благотворительном обществе считалось за честь.

С 1896 года существовало попечительство о Домах трудолюбия, с 1898 года сengiлеевские учителя и медицинские работники стали организовывать в окрестных селах бесплатные ясли. Принимались в них на 45—60 дней в период сенокоса и уборки урожая дети вдов, вдовцов, крестьян, не имеющих в семье человека для присмотра за детьми.

25 апреля 1899 года в связи с недородом в городе был открыт лечебно-продовольственный пункт для рабочих. Существовал он на средства губернского земства и Российского общества Красного креста.

С 1 июля 1901 года по инициативе духовенства и интеллигенции города и уезда был образован попечительный комитет о народной трезвости. Кстати, в его работе было много поучительного и эффективного, чего, к сожалению, так не хватало в последующие годы районному обществу борьбы за трезвость.

Очень большой популярностью в городе пользовалось Общество любителей драматического искусства. Постоянного помещения для спектаклей не было, они ставились где придется, но с неизменным успехом шли пьесы Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, А. Н. Островского, А. М. Горького. А. П. Чехова, водевили Горбунова. Появились спектакли по произведениям Шиллера и Матерлинка. Вся выручка от спектаклей шла на благотворительные цели.

В остальном город был как и большинство уездных городов Российской империи, возможно даже чуть лучше некоторых. Жило в нем по данным всеобщей переписи

1897 года 5161 человек (в уезде 149714). На двух улицах имелись деревянные тротуары, по ночам в центральной части города с 1881 года зажигались керосиновые фонари. Заканчивалось строительство каменных зданий земской больницы и тюремного замка.

Было в городе два кирпичных завода, два кожевенных и два горшечных заведения «с небольшой производительностью». День и ночь работали 15 мельниц, около десятка обдирок, крупорушек и маслобоек. От пристани отваливали пароходы и баржи с сенгилеевской крупчаткой в холщовых мешках. Была она двух видов—голубая и розовая, каждая первого, второго и третьего сорта. Ржаная пеклеванная, сеяная и мука раструс для оптовых покупателей поставлялась в двойных девятипудовых кулях, для мелких покупателей фасовалась по иному: пятерик (5 пудов), пуд, 20 фунтов. Все это богатство отправлялось в Симбирск, Казань, Нижний Новгород, Рыбинск, Саратов, Астрахань и другие города. Каждая хлебная фирма имела свой товарный знак. В местном краеведческом музее можно увидеть один из их образцов—«Хлебная торговля Расторгуевых». Такие клейма на мешках любой расфасовки гарантировали качество, а стало быть и сбыт. Сенгилеевское купечество очень дорожило репутацией.

Пусть читатель не подумает, что купцы в Сенгилее были какие-то особые. Нет, самые обычные, почти как все, может чуточку победнее. Случались у них и загулы с непременной ездой на тройках, с цыганскими певицами и бросанием медных монет босоногой детворе, была и развратливость, порой граничавшая с аферой.

Всем жителям города была известна скандальная история, связанная с заказом интендантства на 100 тыс. пудов ржи для армии. Поступил он в уездную земскую управу, а тут—праздники. Пока служащие управы гуляли да опохмелялись, купцы Баукин, Дурасов и Суханов, прослышав про выгодный заказ, связались с интендантством и за четыре дня через своих приказчиков не только скупили у крестьян окрестных сел все 100 тыс. пудов, но перевезли на пристань, погрузили на пароход и отправи-

ли по назначению, положив в карман 15000 руб. чистой прибыли.

Зависти это ни у кого не вызывало, как не завидовал сосед соседу по поводу хорошего урожая в саду или в поле. Каждый делал то, на что был способен и что умел хорошо делать. Поэтому был в жизни сенгилеевцев и труд до седьмого пота, и скромные радости, и светлые праздники, и горе горькое не обходило стороной многих, но не покидала надежда и на лучшее будущее. На пороге стоял беспокойный XX век—век величайших социальных бурь, экономических и психологических потрясений.

Глава XIII.

ДЕВЯТЬСОТ ПЯТЫЙ И ДРУГИЕ ГОДЫ

Россия не собиралась воевать с Японией и не была готова к такой войне, но отношения между странами обострялись. В ночь с 26 на 27 января 1904 года японский флот на рейде Порт-Артура обстрелял русскую эскадру. Российская империя начала мобилизацию чинов запа-са.

В Симбирской губернии она проводилась как частичная. Из Сенгилеевского уезда на далекие сопки Манчжурии с первой волной мобилизации были отправлены кротковский крестьянин Леонтий Куприянович Пряхин, ветеринарный врач Василий Павлович Никифоров, земские фельдшера Дементьев, Сахаров, Софронов, Чирковский, мещанин Галанин и другие—всего 137 человек. Позднее прошли еще две волны мобилизаций.

9 февраля 1904 года чрезвычайное губернское земское собрание согласно ст. 35 военного устава для подъема патриотизма населения решило: каждому члену семьи, кормилец которой призван на войну, ежемесячно за счет губернских средств выдавать по 1 пуду 28 фунтов муки, по 10 фунтов пшена и по 4 фунта соли—всего на 1 руб. 50 коп.¹¹¹.

Газеты и журналы—столичные и провинциальные — перестали ура-патриотическими статьями. Их авторы гро-

зились шапками закидать японцев. В храмах служили молебны о даровании победы. Желание победить во что бы то ни стало было настолько сильно, что вдогонку за мобилизованными Сенгилеевское уездное земское собрание отправило генерал-адъютанту А. Н. Куропаткину телеграмму с просьбой «передать армии, что население уезда с терпением и надеждой живет душой и сердцем с вами и своими сынами тчк Молит Бога даровать силы и помочь до конца исполнить подвиг тчк Шлет посильную помощь одеждою тчк».

А вести с фронтов шли самые неутешительные. Шесть отчаянных штурмов противника выдержали защитники Порт-Артура и 20 декабря получили приказ сдать крепость. Армия бездарного Куропаткина, не выиграв ни одного сражения, откатывалась все дальше и дальше.

События Кровавого воскресенья 9 января 1905 года вызвали растерянность жителей уезда. Миф о справедливом и мудром самодержце Всероссийском начал рушиться, а вести о революционных событиях в столице и других городах во многом облегчили работу агитаторов даже в глухой провинции.

Сенгилей, хотя и являлся уездным центром, но революционные события 1905 года его как бы обходили стороной, не находя питательной почвы. И это не удивительно. Основное население городка составляли мещане, предпочитавшие ни во что не вмешиваться. Незначительная группа крестьян занималась не столько земледелием, сколько сдачей своих наделных участков в аренду, имела неплохой доход от садов и огородов, промышляла мелкой торговлей.

Кустарей, мастеровых и рабочих насчитывалось чуть более двух сотен. Из них 54 грузчика работали на купеческих пристанях и мельницах. 72 рогожника трудились каждый в своем сарае. Слесари, кузнецы, валяльщики, пекари тоже работали в одиночку или группками по 2—3 редко по 5 человек. Так что, говорить о каком-то единении жителей города просто не приходится.

Среди местной интеллигенции преобладали специалисты и служащие земской управы. Особенно среди них выделялись врачи Ноинский и Шестериков, ветеринарные врачи Алексеев и Федоров, служащие управы Разланов и Поляков, землемер Жуков. Некоторые причисляли их к революционерам. Действительно, не все в российской действительности им нравилось, но далее эволюционного перехода к парламентской республике их политические интересы не простирались. В городке их уважали, но общались они больше с крестьянами сел уезда.

Имелось в Сенгилее десятка два либералов или стремившихся казаться либералами. Большинство из них в конце 1905 года примкнули к Крестьянскому союзу, а некоторые уже позже — к социалистам-революционерам. Социал-демократической группы в городе не было.

С началом навигации 1905 года в Сенгилее и прибрежных селах стали появляться разного толка листовки, воззвания, манифесты. Их привозили пароходные команды, бывавшие в других городах. Постоянным поставщиком литературы был также местный либеральничавший юрист Индустриев. По службе он часто бывал в Симбирске, имел там в кругах интеллигенции обширные связи и вез оттуда все, что попадало под руку: прокламации эсеров и социал-демократов, монархистов и кадетов. У сенгилеевцев до сих пор сохранился ряд брошюр тех лет, выпущенных издательством «Обновление». В них статьи Л. Н. Толстого «Не убий», «Николай Палкин», «Две войны» и т. д. Некоторые из них экспонируются в местном краеведческом музее.

На удивление всем либеральным силам города первое революционное выступление пролетариата поддержали почтовые работники. В начале октября 1905 года симбирские, сызранские, инзенские железнодорожники и телеграфисты, прекратив работу, приняли участие в Общероссийской стачке. Сенгилеевские связисты также сочли необходимым прекратить работу. Но единства среди них не было. Жилинский, Пухов, Кишенин стояли за участие в стачке, четверо их товарищей высказались против. Разногласия были решены непарламентским методом: инициаторы акции в рукопашной основательно потрепали несо-

гласных и заставили присоединиться к ним. Стачка на почте продолжалась с 9 по 11 октября. Ее участники были строго наказаны¹¹².

Наказаны, «но не успокоились». Как видно из рапорта сенгилеевского исправника Лентовского, «...в 8 часов вечера 17 ноября Жилинский ворвался в квартиру начальника почтовой конторы г-на Михайлова, нанес ему оскорбления на словах, разбил лампу и др. принадлежащие господину Михайлову вещи. Буйство было прекращено исправником, городовым и собравшимся народом¹¹³».

20 октября в Сенгилеевском соборе состоялось торжественное богослужение по случаю объявления высочайшего манифеста от 17 октября, в котором обещались всем гражданские свободы, неприкосновенность личности, созыв законодательной Государственной Думы и т. д. Гофмейстер двора его Императорского Величества он же предводитель сенгилеевского дворянства Д. Ф. Ермолов на состоявшемся на соборной площади митинге объявил революцию законченной. Однако, как выяснилось, несколько поспешил с прогнозом.

Весной 1906 года симбирская группа РСДРП наладила контакты с некоторой частью населения Сенгилея, главным образом с грузчиками. Митинги, шествия, собрания к этому времени были строжайше запрещены. И все-таки Петр Винокуров и «Лука» (партийный псевдоним рабочего-металлиста Гвоздева) сумели здесь провести два митинга. Проходили они в пожарном депо.

Успех вдохновил группу РСДРП на новую, третью, поездку, которая, как отмечал в своих воспоминаниях Валентин Владимирович Рябиков («Младенец-старший»), чуть не закончилась печально.

В воскресный день, 20 августа 1906 года, «с кипой разного рода литературы, в том числе и нелегальной» Петр Винокуров, «Лука» и присоединившиеся к ним члены симбирского комитета В. Орлов («Младенец-младший»), Юр. Кролюницкий («Кондуктор»), Е. Парфенов, А. Георгиевский и Кузьмин на пароходе выехали из Симбирска в Сенгилей.

Здесь они зашли в чайную, чтобы встретиться со знакомыми сенгилеевцами, но в зале оказалась группа подозрительных обывателей. Это были переодетые полицейские. Уйти не удалось; «со всех сторон бежали стражники, пристав и полицейские, — писал в своих воспоминаниях Рябиков. — Не ожидавшие такого афронта и невооруженные, наши ораторы были окружены и торжественно ввергнуты в геену огненную — в местный клоповник». Пачки литературы, как явное вещественное доказательство, оказались в руках полиции.

Поимка пропагандистов в маленьком городке не могла пройти незамеченной. Кто-то из жителей забрался на колокольню и ударил в набат. Сбежалось около пятисот горожан. В России симпатии населения всегда на стороне пострадавших. «Доморощенные ораторы призывали толпу добиться освобождения арестованных; возбуждение росло. Полиция выставила заслон вокруг каталажки, угрожая расстрелом, но, видимо, сама не верила в свои силы. Наконец, толпа прорвала цепь, ворвалась в участок и освободила арестованных».

О случившемся исправник Варламов сообщил губернатору. Тот распорядился направить из Симбирска в Сенгилей полуэскадрон кавалерии. Получил указание откомандировать сюда роту солдат и начальник сызранского гарнизона.

А тем временем сенгилеевцы слушали речи приезжих ораторов. «Митинг вышел действительно импозантный, — писал В. В. Рябиков, — да это и понятно, раз все социал-демократические силы губернского города были сконцентрированы у трибуны такого маленького городка».

После окончания митинга собравшиеся благодарили ораторов, приглашали чаще приезжать, присылать литературу. Тут и возникла идея попытаться выручить отобранные у агитаторов листовки и брошюры.

Под вторичный набат церковного колокола еще более увеличившаяся толпа снова подступила к полицейскому участку. В ответ на требования отдать пачки с литературой стражники дали два залпа вверх. Собравшиеся не расходились. Грохнули еще два залпа. Люди начали было

разбредаться, а затем организованно направлялись к тюрьме. Около нее состоялся еще один митинг.

Уже наступили сумерки. Опасаясь коварства полиции, сенгилеевцы отговорили симбирских агитаторов ехать пароходом. Под покровом ночи их на лодке переправили на левый берег Волги, откуда они пешком добрались до дома¹¹⁴.

В последующие дни в Сенгилее были проведены аресты.

Вся эта уездная история неожиданно получила большую огласку. 26 августа газета «Симбирские вести» опубликовала едкий сатирический материал. Заголовок его был взят из известного рассказа о Сенгилее Евг. Чирикова «В ложине меж гор», подзаголовок гласил: «Рассказ о том, как сенгилеевский исправник беспорядки устраивал». Губерния хохотала.

Более активно революционные события проходили в уезде. Так кротковские крестьяне не без влияния К. Т. Почекуева и В. И. Мельникова в январе 1905 года на сельском сходе осудили политику царского окружения и направили министру внутренних дел телеграмму с требованием возвратить войска с Дальнего Востока, начать судебное расследование по событиям 8—10 января, запретить смертную казнь, а при аграрных беспорядках не применять войска.

По донесению исправника Лентовского в ночь на 23 мая в Ст. Тукшуме был избит крестьянами стражник и брошен в речку¹¹⁵. 22 ноября новый уездный исправник Варламов доносил: «...по уезду разъезжают на земских лошадях... служащие управы Разланов и Поляков; были в Новодевичье, Мазе, Кротково и др., собирают крестьян, слушают и читают какие-то бумаги и отбирают от них приговоры, вследствие чего между крестьянами идет брожение умов и, по слухам, они собираются громить помещичьи усадьбы... Крестьяне отказываются подчиниться распоряжениям... и никаких увещаний и распоряжений слышать не хотят¹¹⁶».

Осенью жители Кроткова стали самовольно рубить лес в экономии Фатьянова, развезли по домам часть хлеба из его амбаров, пригрозили сжечь усадьбу.

Симбирский губернатор 23 декабря 1905 года направил в имение неперменного члена губернского по крестьянским делам присутствия А. А. Толстого. С помощью воинского подразделения часть леса, хлеба, сена, увезенных у помещика, была возвращена владельцу. Зачинщики арестованы.

Крестьянскими волнениями были охвачены Ст. Тукшум, Подъячевка, Кузькино. Стали появляться листовки в Бекетовке. В Новом Тукшуме начались массовые порубки леса.

Многое в крестьянских выступлениях возникало стихийно: кто-то вспомнил старые обиды помещика или управляющего имением, кто-то раздувал конфликт из-за загнанного скота, зашедшего в барский сад, из-за ребячьей шалости. Села были неоднородные и обычно одна половина принимала сторону пострадавшего, вторая держала нейтралитет. Но ряд сходов стал принимать все более организованный характер. Об этом можно судить по приговору сельского схода старотукшумских крестьян.

В нем говорилось: «... познакоившись с положением от 6 августа о Государственной Думе и Манифестом от 17 октября 1905 года, видим, что будущей Государственной Думе не будет истинных народных представителей, не будет защитников крестьянских интересов и по составу она будет дворянско-помещичьей, а не народной. Поэтому мы не признаем ее защитницей народа и будем добиваться народного представительства...¹¹⁷».

Требования крестьян на этом сходе были следующие: освобождение политзаключенных, свобода слова, печати, собраний, неприкосновенности, отмена налогов, передача без выкупа земли крестьянам. Если судить по стилю, то вырабатывалась эта резолюция не мужиками, а кем-то из агитаторов.

В целом же следует отметить, что в Сенгилеевском уезде обстановка была значительно спокойнее, чем, скажем в Ардатовском, Буинском или Симбирском. Видимо,

сказывалось большое количество бывших удельных сел, где крестьянских волнений не было. По официальным данным губернской земской управы за 1905 год в Сенгилеевском уезде крестьянскими выступлениями был нанесен убыток только восьми землевладельцам. Он составил 20091 рубль 89 копеек — меньше, чем в любом другом уезде губернии.

Так, помещику Борисову (с. Кузькино) ущерб был нанесен в сумме 12 тыс. руб., Немкову (с. Подъячевка) — на 2222 руб., графу Орлову-Давыдову, не считая его «Жигулевского графства», находившегося в Самарской губернии, — на 1836 руб. 10 коп., Фатьянову (с. Кротково) — на 1600 руб., Дурасову (с. Ст. Тукшум) на 1403 руб. 79 коп., Лазареву — на 630 руб., Москвитину (с. Подъячевка) — на 350 руб. С. А. Аверинцев вообще отделился легким испугом: убыток, нанесенный ему, составил 50 рублей¹¹⁸.

В центре спад революционных выступлений начался после подавления декабрьского вооруженного восстания в Москве. В Сенгилеевском уезде на суконных фабриках и в помещичьих селах, наоборот, в 1906 году выступления крестьян и фабричных рабочих активизировались.

2 февраля 1906 года из Петербурга получено сообщение, что Крестьянский Союз приговорил к смерти управляющего имением Москвитиновых (с. Подъячевка)¹¹⁹.

18 февраля у помещика Мих. Ем. Дуравина подожгли караулки сенницы с сеном. Подозрение пало на крестьянина Андрея Петровича Казакова¹²⁰.

Причинами новых выступлений были не столько революционные настроения, сколько сами помещики, их жадность, мстительность, а порой зоологическая ненависть к мужикам.

Симбирский губернатор, которого очень трудно заподозрить в симпатиях к деревенским мужикам, 9 января 1906 года в письме министру внутренних дел о причинах крестьянских волнений писал следующее: «... арендные цены в следствие недостатка земли вздуты, казенная де-

сятина—до 10 рублей. 30 рублей за три десятины одного года, притом, что сеют рожь и овес, то есть дешевые хлеба. Выкупная цена была около 35 руб. за десятину, сравнительно с ней такая арендная плата для крестьян является чрезмерной, тем более, что деньги эти в большинстве случаев они отрабатывают на помещичьих полях за очень низкую плату¹²¹».

К этому следует добавить, что не только арендные цены, но и нежелание некоторых владельцев поместий уступить за плату прогон для крестьянского скота на пастбище, упорное стремление привлечь арендаторов со стороны, пусть даже меньше получить с них, но только ущемить чем-нибудь мужиков своей деревни. Так было в Никольске, Кроткове, Старом Тукшуме и ряде других сел. Это рождало ответное, многократно увеличенное зло.

Не исключено, что на поведение крестьян в какой-то степени влияли акции неповиновения властям, «народные бунты» горожан. Они всячески подогревались и использовались в своих целях социалистами-революционерами. В 1906 году Россию захлестнула бессмысленная волна террора против высших должностных лиц. Не миновал террор и наши края. Был убит самарский губернатор Блок. 21 сентября эсер Зефилов на глазах у ошеломленной толпы бросил бомбу в симбирского губернатора Константина Сократовича Старынкевича. Гибель этого уважаемого в Симбирске человека потрясла всю губернию, но отрезвила далеко не всех обывателей.

У нас в уезде террористов не было, но учащались попытки крестьян увести с полей барских экономий снопы, с токов—обмолоченный хлеб, самовольно выкашивать луга. Особенно массовым явлением это стало в имениях Дурасова, Подгорного, Мачевариановой, Фатьянова, Орлова-Давыдова¹²² и некоторых других. Правда, в какой-то степени подталкивала крестьян к акциям хищений и разразившаяся засуха.

С середины 1905 года и особенно в 1906 году деревня за деревней стали отказываться от уплаты казенных и местных платежей. По данным Сенгилеевской земской управы к началу 1907 года недоимка за крестьянами толь-

ко по земским платежам, исключая списанные до 1904 года долги, достигла 116084 руб. 43 коп. После подавления революции и настойчивого сбора податей задолженность в 1908 году снизилась до 28306 рублей.

В 1906 году бурные события происходили на суконных фабриках. Только один пример. Симбирская группа РСДРП установила связь с рабочими Екатеринбургской фабрики, выпустила листовки об условиях труда ткачей и красильщиков, помогла выработать требования к фабриканту Хусаинову. Рабочие остановили производство. Забастовка прошла успешно. Большинство требований фабрикант вынужден был удовлетворить.

Участились революционные реквизиции. На дороге близ Тушны «неизвестные совершили нападение на почтовый экипаж и отобрали денежные суммы». В Шиловке ограблено почтово-телеграфное отделение и т. д.

В уезд ввели дополнительные войска казаков. Увеличилось количество арестованных лиц, подлежащих высылке в отдаленные губернии. За что высылали? Новодевиченского учителя Кузина И. А., например, за то, что по просьбе схода обратился с письмом к министру внутренних дел Дурново, в котором писал, что его односельчане требуют отмены репрессивных мер против честных борцов за свободу, освобождения всех политических заключенных, в том числе и их земляков, прощения матросов кронштадских и с «Потемкина». Шифротелеграммой министр распорядился: «...арестовать Кузина и представить его к высылке в отдаленные губернии¹²³».

Кстати, коротко о матросах броненосца «Князь Потемкин-Таврический», прощения которых новодевиченский сход через своего сельского учителя требовал у министра. Их восстание началось 14 июня 1905 года. Видимо уж так мир устроен, что на любом историческом повороте переплетаются судьбы человеческие. Не мог флот Российский обойтись без волгарей. Кроме новодевиченских служили на «Потемкине» Григорий Степанович Логинов из Сенгилея, Семен Налиткин из Новой Слободы, М. В. Хохлов и Я. А. Герасимов из Тушны.

Две недели бороздил воды Черного моря мятежный

броненосец, затем был вынужден сдаться румынским властям. Вернулись наши земляки на родину только в мае 1917 года, а Г. С. Логинов с женой австрийской и двумя детьми — в 1918.

Чтобы «прекратить народные бунты» пресечь окончательно революционное движение новый глава российского правительства П. А. Столыпин ввел в действие закон о военно-полевых судах, разработанный еще при его предшественнике С. Ю. Витте, которому последний не решился дать ход. И все-таки, несмотря на чрезвычайные меры, аграрные беспорядки в стране продолжались. Не прекратились они и в наших краях.

Свидетельство тому — сообщение симбирского губернатора директору департамента полиции от 13 апреля 1907 года. В нем говорится, что в дополнение к прежним донесениям о беспорядках сообщаются новые, произошедшие после 1 марта 1907 года. В том числе по Сенгилеевскому уезду:

«26 марта крестьяне селца Никольское составили приговор, заключающий в себе угрозу, в случае несогласия землевладельца Н. А. Подгорного сдать им землю по низкой цене — запахать ее самовольно, не допуская других арендаторов».

«29 марта крестьяне села Чертановки предъявили требование земледельцу Рингс о сдаче в аренду земли по низкой цене. В случае несогласия угрожали запахать самовольно».

«29 марта крестьяне с. Чирикова требовали предоставить в их пользование землю, перешедшую в собственность крестьянского банка, а в случае отказа землю эту решили делить самоуправно¹²⁴».

Указом Правительственного Сената от 22 апреля 1907 года Симбирская губерния была объявлена на положении усиленной военной охраны.

И опять казачьи отряды, аресты, переполненные тюрьмы. Не являлась исключением и Сенгилеевская. Как докладывал председатель уездной земской управы Ф. П. Мачеварианов, «ввиду крайнего переполнения Сенгилеев-

ской тюрьмы, а равно значительного скопления арестантов и в др. тюрьмах губернии по распоряжению губернатора и указаниям главного тюремного управления от 18 мая 1907 года № 4457 предложено перевести из сенгилеевской тюрьмы до 40 арестантов в сенгилеевский арестный дом для временного содержания¹²⁵».

В значительных масштабах шло административное выселение. Увозили ночами на пароходах. В заметке «О высылке», помещенной в газете «Волжские вести», И. Павлов писал: «Нами получено сообщение от высылаемых девяти крестьян с. Новодевичье Сенгилеевского у. А. Чернейкина, П. Стрелкова, братьев Н. и П. Демидовых, И. Вырыпаева, В. Палагина, В. Демидова, Н. Кузнецова и Г. Колесникова. С 15 марта они находились в сенгилеевской тюрьме, а 30 мая 1907 года через Казань на казенном пароходе административным порядком отправлены в Вятскую губернию на два года¹²⁵».

В той же газете опубликовано письмо этих крестьян. Заканчивается оно так: «...мы обращаемся к нашим братьям крестьянам и ко всем людям, в ком есть чувство сострадания, не забыть наших малых детей, спасти их хотя бы от голодной смерти. Мы едем с твердой верой, что настанет для трудового народа лучшая, свободная жизнь».

Данных по Сенгилеевскому уезду мне найти не удалось, воспользуюсь более общими цифрами. За 1907—09 гг. за антиправительственную агитацию в Симбирской губернии было казнено 20 человек; 556 высланы в отдаленные губернии, сотни брошены в тюрьмы.

Крестьянские волнения затухали. Люди брались за привычное крестьянское дело. А на самом излете, под занавес революционных событий, в сентябре 1907 года, Сенгилеевский уезд посетила одна из организаторов партии эсеров «бабушка русской революции» Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская. К этому моменту за ее спиной уже было 40 лет революционной деятельности от хождения в народ до террористических актов, была эмиграция, аресты, ссылки и две каторги.

По сведениям Симбирского губернского жандармского управления была прислана она в Симбирск ЦК партии

социалистов-революционеров под именем ардаатовской мещанки Е. В. Кочетковой для проверки активизации среди эсеров крестьянского движения. Здесь к ней присоединился член симбирской группы социалистов-революционеров Василий Павлович Горбунов, и они поехали в Кротково и Старый Тукшум. Там собрали крестьян, вели речь о приобретении оружия, бойкоте выборов в Государственную Думу и необходимости проведения съезда крестьян губернии¹²⁷. Ожидаемой поддержки среди крестьян делегация не встретила. Жителей сел уже интересовало другое — земельная реформа Столыпина. В Симбирске 26 сентября Брешко-Брешковская и Горбунов были арестованы.

Коротко об аграрной реформе. Петр Аркадьевич Столыпин, в прошлом Саратовский губернатор, находился во главе правительства России с 1906 по 1911 год. Он прекрасно знал, какая страшная сила — мужики, когда они всей деревней берутся за топоры и вилы, поэтому считал, что наряду с традиционными карательными мерами необходимо найти нетрадиционные. Исходя из соображений государственной безопасности, по мысли Столыпина, крестьянский мир — общину — необходимо во что бы то ни стало разрушить.

Способ для этого был избран — чересполосное укрепление земельных наделов. Это единственное средство, по словам Петра Аркадьевича, способное «вбить клин в общину». Разбивка деревень на отруба — лиши́т их земельных функций, а дальнейшее расселение деревни на хутора — окончательно ликвидирует крестьянскую общину¹²⁸.

Для достижения целей и был издан Указ от 9 ноября 1906 года. По нему всякий домохозяин мог выйти из сельской общины и укрепить свой надел в личную собственность. Указ запрещал сельской общине (миру) уменьшать площадь укрепленных наделов и передвигать полосы (загоны) в др. места, но по прошествии определенного времени крестьянин мог свести разбросанные в разных местах полосы в один участок — отруб. К нему

разрешалось прирезать площадь для усадьбы, переносить на нее постройки. Оруб превращался в хутор.

Новая реформа большинством крестьян была встречена с недоверием. Реализация ее, в частности, в Сенгилевском уезде шла медленнее, чем предполагалось. За 1907—1913 годы здесь укрепили в собственность 7672 крестьянских хозяйства общей площадью 43587 десятин¹²⁹.

Бытовавшая много лет пропагандистская легенда о том, что из общины в первую очередь выходили многоземельные мироеды, не совсем точна. Были, конечно, и такие, однако в крестьянском мире многоземельными считались не только те, у кого были большие наделы, но и те у кого имелось слишком мало рабочих рук по отношению к площади надела. Это люди, потерявшие после последнего передела отцов, мужей, сыновей и т. д. При очередном переделе земли они должны были потерять часть надела. Они и выходили из общины в первую очередь, а затем продавали излишки укрепленной за ними земли.

Только за 1912—14 гг. 425 хозяйств в уезде продали 1946 десятин земли. Из них 139 из-за недостатка рабочей силы, 152 имевшие постоянный заработок за пределами родной деревни, 57 хозяйств из-за стесненных финансовых обстоятельств¹³⁰ и т. д. Продавали землю переселившиеся в Забайкалье, в Енисейскую и Томскую губернии, особенно после неурожая 1911 года. Всего из уезда в Сибирь выехало более двухсот семей, почти каждая четвертая вернулась обратно.

Кто покупал землю? Иногда — та же сельская община, и земля возвращалась в общий мирской котел, но чаще — зажиточные крестьяне, не решившиеся рушить налаженное в деревне хозяйство, поэтому и не выселившиеся на хутора. Среди них было много хороших хозяев, знавших зависимость урожая от местных почв, погодных условий и т. д. От градобитий, например, они страховали себя, засевая загоны в разных местах.

Перераспределение земли происходило не только в сельской общине. За годы столыпинской реформы дво-

рянское землевладение в уезде сократилось почти на 50 тыс. десятин. Большинство ее перешло в руки предпринимателей, купцов, землесобирателей таких как Е. И. Чернявский, И. Г. Расторгуев с сыновьями и даже верхушке зажиточного крестьянства.

В связи с аграрной реформой в Сенгилее появился крестьянский поземельный банк, а затем его отделения во многих волостных центрах. Вопрос об агрономической службе вновь был поставлен уездной земской управой в 1901 году, однако гласными земского собрания предложение было отвергнуто как «несвоевременное». Довод большинства: «приглашение агронома пользы не принесет». И только в 1909 году в уезде появился первый агроном — Максимилиан Робертович Липгарт, находившийся под надзором полиции. Работа его оплачивалась очень высоко — 1200 рублей в год, тогда как учитель получал 200, врач 1000 рублей. В 1911 году в уезде было уже 4 агрономических участка. Первый, сенгилеевский агроучасток, включал в себя Сенгилеевскую, Новодевиченскую, Ст. Тукшумско-Кротковскую и Шигонскую волости. Главной задачей агронома была организация показательных хуторов, консультации землевладельцев и крестьян по агротехнике возделывания той или иной культуры, внедрение новых высокоурожайных сортов семян.

Десятинный сбор зерна в 1913 году в среднем по уезду составлял: рожь — 72,3 пуда, пшеница — 63, просо — 73,8, греча — 29,6, чечевица — 38, картофель — 425, лен — 18,5, конопля — 34,5 пуда¹³¹).

По земской статистике в селах, ныне входящих в состав Сенгилеевского района, в 1911 году имелось без учета молодняка 5177 лошадей, 4938 коров, 18021 овца. В эти данные не входит скот, имевшийся в помещичьих и землевладельческих экономиях.

Что же касается Сенгилея, то в нем было 97 крестьянских хозяйств, имевших наделенную землю. Они, а также другие жители города, в 1911 году держали без учета молодняка 196 лошадей, 160 коров, 587 овец и 19 свиней¹³².

Глава XIV

ЗЕМСКИЕ ЗАБОТЫ

I

Предвоенные годы начала XX века за исключением 1905—1906 были удивительным периодом в истории России. Бурно развивалась культура, промышленность, сельское хозяйство. На 1907—1914 годы приходится расцвет кооперативного движения в уезде. Кредитные товарищества существовали почти во всех селах. С 1901 по 1917 годы более чем в четыре раза увеличилось число крестьянских садов.

В конце 1902 года Сенгилеевское уездное земское собрание поручило управе «войти в соглашение с Московским русским обществом всеобщей компании электричества... об устройстве электрического освещения в земских зданиях управы со съездом, в арестном помещении, в земской больнице, аптеке, в помещениях врача и низшего медперсонала». По рекламному каталогу расходы должны были составить 17—20 тыс. рублей.

Во исполнение этого решения, как сообщалось на экстренном уездном земском собрании 22 июня 1903 года, управа купила у Общества «паровой локомобиль на колесах в 26 действительных лошадиных сил с динамо-машиной за 8570 руб. и батарею аккумуляторов за 1430 руб». Более того, доверенное лицо Общества «инженер В. В. Виличкер обязался без дополнительного вознаграждения со стороны управы взять на себя наблюдение за устройством электростанции, установкой локомобиля, динамо-

машины, батареи аккумуляторов, постановкой столбов и арматуры¹³³».

Здание станции проектировал и строил местный подрядчик Яков Васильевич Павлов. По требованию Виличекера ему пришлось его «для будущего расширения электростанции» увеличить на сажень в длину и на аршин в высоту. На должность начальника станции подобран специалист, «хорошо проэкзаменован г-ном Виличекером, а так же и его помощник». Оба они участвовали в монтаже оборудования, а в дальнейшем обслуживали электростанцию и все сетевое хозяйство. Начальнику станции управа положила жалованье 360 рублей в год, его помощнику — наполовину меньше.

Мощность станции была рассчитана на 400 шестнадцатисвечевых лампочек. Земству же требовалось только 214, остальные устанавливались «по заявкам частных лиц» с оплатой за каждую по 7 руб. в год.

Все работы по электрификации и монтажу закончили в конце сентября. Электростанция была опробована и сдана с двухгодичной гарантией. 1 октября 1903 года окна многих зданий Сенгилея озарились электрическим светом. Перед ними собирались толпы любопытных.

Общие затраты на электрификацию составили 17351 рубль, плюс к тому управа в знак признательности за помощь преподнесла инженеру Виличекеру портсигар за 40 руб. Свободных денег на электрификацию управа имела только 2000 рублей и, чтобы рассчитаться с Обществом, вынуждена была взять ссуду из страхового капитала с рассрочкой на 10 лет из расчета 4-х процентов годовых¹³⁴.

Как отмечалось на земском собрании 1908 года, станция работает хорошо. Затраты на ее содержание и обслуживание в 1907 году составили 1159 руб. 15 коп. Получено с абонентов платы за эл. энергию по счетчикам 1386 руб. 80 коп., кроме того затрачено электроэнергии на освещение земских зданий почти на тысячу рублей.

20 августа 1905 года в Сенгилее начала работать типография. Открыл ее Федор Иванович Сысоев (Сысуев). С 1915 года все полиграфические заказы исполняла уже ти-

пография уездной земской управы. Была ли она открыта вновь или куплена управой у Сысоева — автору не известно. В 1916 году она официально называлась Сенгилевская земская электротипография.

На очередном земском съезде осенью 1910 года был впервые поднят вопрос о проведении телефонной линии от Сенгилея до Тушны. Дебаты развернулись бурные. Денег управа почти не имела, а гласный Дубровин настаивал устанавливать не один телефон, как это было задумано, а 25—35 аппаратов и соединяться не с Тушной, а с Солдатской Ташлой, являвшейся центральным пунктом, через который линии связи шли на Б-Ключищи-Симбирск и на Тагай-Симбирск.

По его расчетам выходило, что такая телефонная цепь обойдется в 1400 рублей, оборудование станции при земской управе будет стоить 850. С учетом оплаты обслуживающего персонала, инструментов, запасных частей — все это обойдется в 3—3,5 тысячи рублей. При годовой оплате за один телефон 50 руб. управа выручит 1250 руб. Линия и станция окупятся максимум за три года¹³⁵.

Предложение Дубровина не прошло, смету составили на 950 рублей.

В июле 1911 года в уезде появились два телефона — в земской управе и больнице. В 1914 году линию пришлось реконструировать, соединяя с Солдатской Ташлой. К ней было подключено 17 аппаратов.

В начале XX века в Симбирске на строительстве зданий стали применяться огнестойкие бетонные блоки. Инициатором их внедрения явился гражданский инженер Федор Осипович Ливчак. Однако цемент в губернию завозился издалека. Ливчак провел разведку местного сырья и подготовил проект на строительство первого земского цементного завода.

Место для него было выбрано неподалеку от Сенгилея, в садах Пыrkова и Стриженовых. Утверждая проект и смету, губернское земство удовлетворило просьбу Ливчака и в помощь ему пригласило выпускника Киевского института, молодого инженера технологии минеральных ве-

ществ и строительных материалов Константина Григорьевича Дементьева, зятя Б. Н. Пыrkова, впоследствии профессора. Они вдвоем с весны 1913 года и организовывали все строительные и монтажные работы. В октябре 1914 года завод выдал первые бочки цемента.

В том же 1914 на цементном заводе была построена больница. Завод и лечебное учреждение соединены с Сенгилеем телефонной линией.

Земство и его училищный совет в 1901—1914 гг. занимались, в основном, строительством школьных зданий в тех селах, где занятия шли в наемных помещениях. Использовались для этих целей не только средства земства, но и благотворительные пожертвования.

Так, 6 августа 1908 года в с. Белое Озеро была открыта Исаковская четырехклассная школа со слесарно-кузнечным и столярно-токарным отделениями.

Предыстория ее такова. После смерти дворянина Михаила Авксентьевича Исакова осталось немалое наследство, часть которого—200 десятин земли и 30 тыс. рублей—Ольга Авксентьевна, выполняя волю брата, пожертвовала на ремесленную школу. Каменное здание по проекту архитектора Щодэ было построено в 1908 году. Уже в первый год здесь начали заниматься 39 человек¹³⁶.

Более скромным явилось пожертвование французской подданной Екатерины Максимилиановны Перси-Френч, однако и его хватило, чтобы в 1909 году при Тереньгульском двухклассном училище открыть ремесленное отделение для изучения столярного дела¹³⁷.

В 1910 году сенигилеевская дворянка Е. И. Винер в порядке благотворительности пожертвовала земской управе принадлежащий ей в Кроткове земельный участок и два здания, в одном из которых помещалась лечебница на 4 кровати, а в другом—вторая земская школа¹³⁸.

В 1911—13 годах уездный предводитель дворянства Дмитрий Федорович Ермолов вел переговоры с директором департамента земледелия графом Игнатьевым об открытии на подаренной Винер усадьбе сельскохозяйст-

венного училища. Переговоры затянулись, а с началом войны вообще потеряли всякий смысл. Своих же денег земская управа не имела.

Ремесленные классы были открыты в Тушне, соседнего Симбирского уезда.

В самом Сенгилее в начале XX века имелись 4 училища, одно из них было преобразовано в трехклассное. Всего в городе по данным за 1907 год было 412 учащихся, в том числе в женском — 172.

16 июня 1909 года городская дума вошла с ходатайством в земское собрание об открытии в доме городского общества женской прогимназии и направила письмо в Министерство народного просвещения с просьбой отпустить средства на строительство здания прогимназии «на бесплатно отведенном городом месте». Стоимость здания определялась в 20 тысяч, а затраты на содержание 4500 рублей, «из коих город обязуется ежегодно возмещать тысячу рублей¹³⁹».

Прогимназией в то время называлось учебное заведение соответствующее четырем младшим классам классической гимназии. Прогимназиям предоставлялось право принимать экзамены на звание учителя и на первый классный чин канцелярского служащего.

Многое для развития народного просвещения в Сенгилее сделал ссыльно-поселенец Павел Семенович Колесников. Блестящий педагог с тридцатилетним стажем, он был принят в городское училище инспектором-учителем и при активной поддержке городского головы Ф. П. Пономарева добился превращения его в высшее начальное училище.

В октябре 1910 года 46-я сессия уездного земского собрания рассматривала ходатайство инспектора-учителя теперь уже четырехклассного училища Колесникова об ассигновании этому училищу 260 рублей на обучение иностранным языкам и 375 рублей на открытие класса искусств (рисование и черчение)¹⁴⁰.

Гласный Халкиопов, ссылаясь на недостаток средств, ходатайство отклонил. Городской голова Ф. П. Пономарев все три дня заседаний упорно отстаивал ходатайство и об

открытии прогимназии и о высшем начальном училище. Трижды вопрос ставился на голосование. В конце концов 260 рублей на содержание учительницы немецкого и французского языков все же были выделены, в остальном отказано категорически.

Как дальше решался вопрос — автор за неимением материалов рассказать не может. Известно лишь, что на 1915 год уездное земское собрание ассигновало Сенгилеевскому высшему начальному училищу (шестиклассному) на содержание преподавателя иностранных языков 130 рублей (столько же доплачивал купец Ф. М. Баукин), на жалование учителю графических искусств и материалы для обучения—375 рублей и на содержание ремесленного отделения—600 рублей.

Первый выпуск училища состоялся в 1916 году, а в 1917 в Сенгилее кроме того была открыта смешанная прогимназия. Просуществовала она недолго.

Всего же к осени 1917 года в ведении Сенгилеевского уездного училищного совета имелось 74 училища, в том числе одно высшее начальное, шесть двухклассных, семь одноклассных и 62 начальных народных училища. В них занималось 3713 мальчиков и 1107 девочек. Собственными зданиями располагали 73.

Училища уезда составляли шестой инспекторский район Симбирской губернии и «находились под надзором» инспектора Н. Н. Пальмова, «который в течение года обследовал их все без исключения»¹⁴¹. В составе уездного училищного совета ни одного штатного работника не было, все трудились, как недавно было принято говорить, на общественных началах.

В среднем на каждого учителя приходилось по 54 ученика. 70 процентов учителей получали за работу 15 рублей в месяц.

Говоря о школах, следует отметить, что с начала XX века шло формирование училищных библиотек. Из-за недостатка денег у земства библиотеки создавались, в основном, на добровольные пожертвования. К началу первой мировой войны в библиотеках сенгилеевских учи-

лиц было 2056 томов лучших произведений русской и зарубежной классики.

В городе также работали две библиотеки для взрослых — городская и волостная. Имелся городской музей. Основание его по некоторым данным относится к середине 1906 года (возможно к концу 1905). Назывался он Сенгилеевский естественно-археологический музей. Основателем его был заведующий Ольгинским приютом Николай Николаевич Захарьин, за несколько лет проживания в Сенгилее сумевший собрать неплохую коллекцию старинного оружия: секиры, мечи, копья, кольчуги, ружья, с которыми отстаивали Москву от французов и т. д. Все это было найдено в уезде. Собирал он также старинные монеты, доисторические украшения, в том числе и золотые, что находили крестьяне села Буераки в одном из городков «Шпиль». Затем увлекся сбором древних окаменелостей, домашней утвари. Частная коллекция вскоре переросла в городской музей. Было выделено помещение. После официального открытия естественно-археологическому музею жителями города было подарено несколько картин известных художников, люстра и другие экспонаты, представляющие историческую ценность. Пополнилась коллекция и оружием, старинными фолиантами.

Незадолго до империалистической войны в Сенгилее побывал будущий чемпион мира по шахматам А. А. Алехин. Случилось это так. Еще будучи гимназистом, он в 1909 году на Петербургском шахматном турнире занял первое место и получил звание мастера, а в 1910 году на международном турнире в Гамбурге разделил с соперником 7 и 8 места. Выкроив из своего сверхдефицитного бюджета времени несколько недель, будущий чемпионат мира (в 1927 г. он победит Х. Р. Капабланку) предпринял поездку по городам Поволжья.

В Симбирске Алехин пробыл 5 дней, из них два потратил на встречу с шахматистами Сенгилея и Карсуна. В нашем городке Алехин в земской управе провел сеанс одновременной игры, разгромив всех сенгилеевских соперников, и прочитал лекцию, такую же прекрасную, как и его игра. Это способствовало популяризации шахмат в городе.

Может некоторым покажется странным, но центром культурной жизни города в первое десятилетие XX века являлось пожарное депо. Построила его городская управа в 1900 году, использовалось оно не только по прямому назначению. В нем до 1914 года проходили все спектакли местного общества любителей драматического искусства, народные чтения, литературные вечера, концерты. Уездная управа ради таких случаев даже разрешала бесплатно включать три восьмисвечевые электрические лампочки. «Симбирские губернские ведомости» писали, что в Сенгилее это — «единственное место, где население и учащиеся могут найти культурное развлечение и провести разумно время». В годы войны для этих целей стали выделяться более приличные залы.

* * *

В 1902 году уезд имел 6 медицинских участков и 9 фельдшерских пунктов. В них работало 7 земских врачей, шесть акушерок, 28 фельдшеров. В каждом имелся небольшой стационар. Кроме того, на территории уезда работали 6 эпидемических фельдшеров. Имелась одна аптека, в штате которой были провизор и аптекарский помощник. В остальных пяти участковых больницах и 9 фельдшерских пунктах приготовлением и отпускаем лекарств занимались фельдшера¹⁴².

Население уезда в то время, по данным церковного причта, составляло более 161 тыс. человек. В 1902 году родилось 8160 человек, умерло 3454¹⁴³.

В мае 1902 года в Сенгилее вступил в строй действующих «каменный больничный корпус на 25 кроватей, могущий в случае надобности вместить 50 человек». Построены здания для заразного и арестантского отделений. Старая больница переоборудована под квартиры смотрителя и низшего медперсонала. На старом больничном дворе бывшее арестантское помещение переоборудовано под квартиру фельдшера».

Аптека размещена в каменном флигеле, купленном у мещанки Чернейкиной. В нем же оборудована квартира

для провизора, а большой деревянный дом, где было городское училище, отремонтирован под квартиру земского врача Сенгилеевского медучастка¹⁴⁴.

Аптечное дело, по мнению врача Ноинского, в уезде поставлено удовлетворительно. В достатке имеются основные лекарства: хинные соли, йодистый калий, гваяколь углекислый, дерматол, антипирин, фенацетин, протаргол, аспирин, ихтиол, йод, йодоформ и др.

В 1902 году больных перемежающейся лихорадкой в уезде было 10222, скарлатиной болели 1117, сифилисных больных 9091 (стационарно лечились 493, плата за сутки лечения 45 копеек)¹⁴⁵.

Кроме земской больницы в Сенгилее существовала еще и городская амбулатория. В ней работали врач, фельдшер и акушерка. Прием был бесплатный, отпуск лекарств — тоже за счет городского бюджета.

В 1901 году была предпринята попытка объединить городскую и земскую больницы, но два параллельно действующих медучреждения вместе не ужились. В 1905 году городская управа предприняла вторую. Земство усмотрело в этом «стремление переложить городские расходы по медицинской части на чужие плечи». Уездное земское собрание предъявило ультиматум: или город платит земской управе ежегодно 3500 рублей и объединение станет осуществимо, или городская управа занимается здравоохранением в Сенгилее самостоятельно.

В итоге предложение было отклонено, и городская амбулатория, как самостоятельное учреждение, в Сенгилее сохранялась до 1918 года.

Чтобы составить представление, как и в каких условиях приходилось работать земским врачам, приведу несколько примеров.

В. М. Ноинский, как старший из врачей уезда, после 10 лет службы в Сенгилеевском земстве в январе 1910 года получил право на трехмесячную научную командировку в Петербург. Он побывал в Елинском институте, прослушал курс лекций медицинских светил столицы. За свои деньги там купил микроскоп. По возвращении в Сенгилей организовал маленькую лабораторию, где сам

и занимался анализами. У себя в больнице ввел в практику лечение алкоголиков. В 1910 году у него лечилось 30 человек и, по отзывам, «Достиг поразительно хороших результатов». Но с началом холерной эпидемии все это пришлось оставить до лучших времен.

Такие эпидемии повторялись часто. Для их ликвидации Российский Красный Крест присылал свои отряды в распоряжение земской управы, а она переадресовывала их в тот или иной медицинский участок в зависимости от обстановки на местах.

В холерную эпидемию 1910 года губернская земская управа все руководство решила взять в свои руки. Непосредственным распорядителем противоэпидемических работ был назначен барон Штемпель.

Первый отряд Красного креста с приказом «ни в коем случае не разъединяться» из Симбирска был послан в села нашего уезда, где о холере еще и не слышали. Там же, где она свирепствовала, — людей не хватало. Ноинский пригласил из Белого Яра дачницу врача Мостовенко, но губернская управа, узнав об этом, запретила принимать ее на работу на время эпидемии и назначила на это место городского врача М. А. Клячкина. Городская управа категорически запретила Клячкину оставлять больницу и переходить эпидемическим врачом по борьбе с холерой.

Через неделю поступает телеграмма: «Сенгилеевском участке радиусе 15 верст обязан бороться холерой доктор Клячкин... Медперсонала нет тчк Справляйтесь сами тчк Барон Штемпель». Вести прием, заведовать холерным баракком и обслуживать села в радиусе 15 верст пришлось Ноинскому, но без дополнительной оплаты.

А холера уже охватила половину сел уезда. Люди по-прежнему стирали одежду, в том числе и холерных, в речках, в них же купались, из них же и пили.

11 августа уездная управа поставила в известность управу губернскую, что ею назначены для противоэпидемической работы в с. Вырыстайкино фельдшер Афанасьев, а в Тереньге — фельдшерица Андреева. 14 августа барон Штемпель отбил в Сенгилей следующую телеграмму:

«Прошу не назначать фельдшеров без согласия губернской управы тчк Назначением Афанасьева и Андреевой не согласен».

Об этом образце амбициозности в решении жизненно важных вопросов, к тому же без знаний обстановки на местах, человеком, имеющим смутное представление о предмете им решаемом, можно было бы и не писать, если бы в последующие годы подобное не стало нормой в любом деле.

Больных холерой в уезде было более 500, из них около трехсот умерло.

Рождаемость в уезде в 1914 году составляла 55,5 на каждую тысячу жителей, но катастрофически снижалась высокой смертностью—до 40 человек на тысячу. Из ста умерших на долю детей до двухлетнего возраста приходилось 53 случая.

«Для устранения такой поражающей детской смертности, — писал Ноинский, — необходимо поставить крестьянина в сносные условия существования, дать возможность есть досыта, а уже после удовлетворения этой насущной потребности, уделить деревне побольше света, которого до сих пор так мало давали ей¹⁴⁷».

От хронического недоедания и употребления в пищу различных суррогатов 17 процентов населения обращалось к врачам с желудочными заболеваниями в тяжелой форме.

К началу 1916 года в уезде имелось 8 медицинских участков со своими стационарами и аптеками, две меж-уездные больницы, приемные покои в Кроткове и Горюшке и 9 фельдшерских пунктов. Работала городская амбулатория.

Глава XV

ВОЙНА

В году девятьсот четырнадцатом лето стояло жаркое, дожди перепадали обильные, с грозами. По ночам где-то далеко полыхали зарницы, а как только ветер разносил облака—повисла на небе хвостатая звезда.

— Не к добру, — говорили мужики.

— Быть беде, — крестясь, вторили им бабы.

И впрямь, вскоре огласили манифест: «Государь император... высочайше повелеть соизволил перевести армию и флот на военное положение... Первым днем мобилизации назначено 18 июля 1914 года». Огласили манифест по всем городам и весям, и в Сengилее—тоже.

Как принято было, отслужили молебен. И заполнились улицы городка тележным скрипом, хмельными песнями запасных из уезда, воем и причитаниями провожавших их баб и ребятишек. Мобилизация началась в самый разгар жнитва. Урожай вызрел хороший, да вот как убрать его теперь, если царь на войну позвал.

В отличие от частичной мобилизации в период русско-японской войны, когда семьи нижних чинов обеспечивались хлебным и иным довольствием, в новом манифесте об этом ничего не было сказано. А вопрос такой интересовал всех.

На третий день мобилизации, 20 июля, на сборном пункте в Сengилее собралось около трех сотен. Проходили комиссию.

— Быстро! Быстро! — подгоняли одни.

— Годен! Годен! — слышалось из дверей.

Вот в такой обстановке у группы запасных и появилась идея спросить о довольствии семьям у его благородия господина главного воинского начальника.

Дождались у выхода из канцелярии. Спросили. Ответ получили самый хамский, в непечатных выражениях. Сначала опешили. Затем из толпы, изрядно подогретой спиртным, вырвались А. И. Кайков, Я. С. Ганин и еще несколько человек, схватили воинского начальника за грудки. Врезали! Но он—тренированный—вырвался, заскочил в канцелярию и закрылся там с солдатами. Дверь оказалась прочной. Возбужденные запасные окружили контору, начались выкрики, угрозы, в окна полетели кирпичи и камни. Посыпались стекла. По разбушевавшейся толпе был открыт огонь из винтовок.

Прибывшему исправнику с отрядом конных стражников пресечь беспорядки оказалось не под силу. Удалось лишь отгнать толпу, захватить несколько человек и отправить их в тюрьму. Но и уездная тюрьма вскоре оказалась в осаде. Волнения охватили весь городок.

С сенгилеевского телеграфа в 17 часов 34 минуты 20 июля в адрес симбирского губернатора пошла телеграмма: «...беспорядки ввиду крупных размеров прекращаются силой зпт на сборном пункте распоряжением воинского начальника открыт огонь зпт убито двое зпт ранено трое тчк Лично во главе конных стражников прекращаю беспорядки зпт трех главарей доставил тюрьму тчк Толпа пыталась освободить...¹⁴⁸».

Из Симбирска по распоряжению губернатора к месту происшествия пароходом срочно была направлена рота солдат. Из уезда по тревоге стягивали стражников. К вечеру 21 июля беспорядки в Сенгилее были пресечены. Запасных казенным пароходом отправили в Симбирск.

Австро-Венгрия обстреливала Сербию. Франция и Англия торопили Россию. Между Царским Селом и Потсдамом пока шла телеграфная дуэль. Ни Николай II, ни его лучший друг кайзер Вильгельм еще не решили: начинать мировую войну или повременить, хотя обязательствами были связаны оба. А в Сенгилее, как явствует из второй, уточняющей, телеграммы исправника от 21 июля

уже было «убито пять и ранено четверо» верноподданных граждан России¹⁴⁹.

Из столичных газет. «Утро России» сообщало: «В полночь 31 июля посол Германии Пурталес вручил императору... ультиматум: «...Если к 12 часам дня 1 августа Россия не демобилизуется, то Германия...».

И кайзер и посол отлично знали, что за 12 часов демобилизовать армию такой страны, как Россия, при всем желании невозможно.

«Биржевые ведомости» сообщали: «В Петербурге в первый день войны без всякого сговора и оповещения народ выходил из домов и двигался к Зимнему, дожидаясь там царя, и студенты даже. Бастовавшие петербургские рабочие окончили в один день все забастовки...».

Еще одно сообщение из «Биржевых ведомостей» с заседания Государственной Думы: «Представителей разных национальностей и партий... волновала одна мысль... одно чувство: «Руки прочь от Святой Руси! Мы готовы на все жертвы для сохранения чести и достоинства нераздельного государства Российского... Вся Родина сплотилась вокруг своего царя... Бог, Царь, Народ— и победа обеспечена».

В Сенгилее в первый день объявления войны состоялось торжественное богослужение. Люди стояли на коленях и вместе с церковным хором пели: «Спаси, Господи, люди твоя». У большинства собравшихся на глазах стояли слезы.

Было и что-то подобное митингу, где говорились патриотические речи о святом долге защиты единой и неделимой России, что русский народ во Второй Отечественной войне (она так первоначально называлась) не пожалет ни сил, ни живота своего, но разобьет немецких колбасников и поработителей славянских народов—австрийцев и турок.

Производились солидные пожертвования на войну от купцов и предпринимателей—Андрея Степановича Барсукова, Павла Семеновича Зудина, Семена Васильевича и Ивана Яковлевича Красильниковых, Ивана Гавриловича Расторгуева, Ивана Ивановича Стихарева и других.

В 1915 Германия всю мощь своей армии направила против России. Произошла одна из чрезвычайных трагедий—отступление из Галиции. Случилась она по той причине, что немецкая и австрийская артиллерия методично день и ночь перепахивала наши окопы вместе с солдатами и офицерами, пушками и обозами. Артиллеристы же с тоской поглядывали на пустые ящики. На фронте не было снарядов, не хватало патронов к винтовкам. Держались в основном, за счет штыков. И не выдержали... «Снарядный кризис» охватил и другие фронты.

Осенью 1915 года император Николай II вынужден был созвать Государственную Думу, а верховное главнокомандование возложил на свои полковничьи плечи.

Думское обсуждение выявило бестолковщину военной и гражданской бюрократии, полнейшую неразбериху в организации снабжения армии, что привело к огромным потерям на фронте, росту недовольства в тылу и 345 голосами из 375 высказалось за отдачу под суд военного министра Сухомлинова с его министерской командой, «виновных в нерадении или измене». Но таких Сухомлиновых в России на разных должностях были тысячи.

В связи с отступлением армии поволжские города захлестнул поток беженцев. Численность населения Сengiля вместе с военными и беженцами увеличилась до 30 тысяч. Жили тесно, скученно. Почти в каждом доме имелись постояльцы. Появились и первые пленные—немцы и австрийцы. На время пребывания в плену их передавали помещикам и крупным землевладельцам в качестве сельскохозяйственных рабочих, некоторых определили машинистами локомотивов на мельницы, слесарями, кузнецами. Те, кто брал их, вносили определенную плату в казну.

Война много изменила в структуре промышленного производства уезда. Из-за сократившегося рынка сбыта закрылись кирпичные, известковые, меловые заводы, практически прекратили работу столярные, горшечные, гончарные, рогожные, кулеткацкие мастерские. В то же время до отказа были завалены заказами интендантства фабрики, выпускавшие серошинельное сукно, крупные

и мелкие кожевенные предприятия, выпускавшие юфтевый и подошвенный товар для солдатских сапог. Неподалеку от цементного в 1915 году был построен химический завод, полностью работавший на нужды фронта.

Аналогичное происходило по всей России, в связи с чем резко снизился выпуск ситца, мыла, сахара, спичек, соли, сельскохозяйственного инвентаря, керосина и других гражданских товаров. Правда, в купеческих лавках почти все имелось, но так как спрос многократно превышал предложение, цены выросли в 3—5 раз, а на некоторые товары и выше.

Поднялись цены и на хлеб. В Сенгилее за пуд муки уже стали просить по рублю и даже по 1 руб. 15 коп. Урожай был не ахти какой: сказались неблагоприятные условия, сокращение посевов. Но больше всего отразилось то, что из уезда было взято в действующую армию около 12 тысяч человек, в большинстве своем хлеборобов, самый цвет крестьянства. Из Сенгилея ушли по мобилизации в армию более 800 человек. В связи с военными реквизициями сократилось количество рабочего скота. Число безлошадных крестьянских хозяйств в уезде дошло до 45 процентов, но возросло поголовье коров, овец.

В храмах все чаще и чаще служили панихиды по убиенным воинам. Один за другим появились на сенгилевских улицах калеки из числа контуженых, раненых, отравленных газами.

Они, в основном, и являлись носителями различных слухов и «возбуждающих народ настроений». Нет, это были не революционеры, а просто люди, познавшие тяготы окопной жизни. На фронте и в лазаретах им не раз приходилось слышать разговоры о предательстве и казнокрадстве царского окружения, о царице-немке, якобы передающей кайзеру наши военные планы, о варнакельсте Гришке Распутине (царь-батюшка — с Георгием, царица-матушка — с Григорием), о забастовках в Петрограде и Москве, о возможности революции, которая положит конец войне.

Видимо, не без влияния разговоров о продажности правительства и чиновников на местах в 1915 году на

сборном пункте Сенгилея возникли беспорядки призывной молодежи. Дело в том, что некоторые состоятельные жители городка и окрестных сел за взятки сумели пристроить своих сыновей призывного возраста на казенные пароходы, с которых на фронт не брали. Другие за более крупные суммы сумели получить для своих сыновей «белые билеты» или значительные отсрочки от призыва.

Их сверстники на сборном пункте, удрученные несправедливостями жизни, отказались идти служить в армию. Это, в основном, и послужило причиной беспорядков. Десять зачинщиков были арестованы и по приговору военно-полевого суда отправлены в Сибирь в каторжные работы на различные сроки¹⁵².

Не легче оказался и год 1916. Страны Антанты договорились, что летом Россия перейдет в наступление, а французы нанесут немцам удар на реке Сомме. В газетах замелькало новое название—Верден. Это была гигантская мясорубка, перекрошившая почти миллион солдат. По данным автора, из Сенгилеевского уезда в русском экспедиционном корпусе во Франции служило, как минимум, 18 человек, а вернулся только один.

В разгар боев французское правительство обратилось к России с просьбой ускорить наступление. В весеннюю распутицу, без какой-либо подготовки, русские солдаты, утопая в крови и болотах, ринулись на немецкие войска у озера Нарочь и на других участках фронта.

Да, война по своим целям была империалистической. На страданиях народа наживались капиталисты, фабриканты, коррумпированные чиновники, политиканы. Но мало кому из россиян тогда были известны эти истины, они сражались с врагом во имя России с величайшей доблестью, не щадя собственной жизни.

Но вернемся к родным пенатам. Все больше в упадок приходило городское и уездное хозяйство. Расходы на уездные нужды были урезаны до минимума. Из 397427 рублей земского сбора в 1916 году 105045 рублей израсходовано на закупку хлеба для армии, 74999 рублей ушло на полунисненское содержание беженцев, 33764 рубля — на строительство в городе заразных бараков, 8125—на

строительство лазарета, 4890 на содержание в местной больнице раненых. На все остальное, если исключить жалование врачей, учителей и других земских работников, почти ничего не оставалось¹⁵⁴.

Что еще было характерно для Сенгилея в 1916 году? Урожай собрали ниже чем средний. Свирепствовал сыпной тиф. Увеличилось число калек, вернувшихся с фронта, продолжало расти число погибших на полях сражений. Несмотря на введение сухого закона, массовое распространение получило изобретение военных лет — изготовление самогона. Игрались и свадьбы, нередко солдатские, тихие, скромные. Рождались и дети.

В городке было относительно спокойно, и в то же время не как в 1914. Иссяк быллой патриотизм людей, чувствовалась усталость населения от затянувшейся войны. Недовольство высшими эшелонами власти уже высказывали не только либералы, рабочие и земледельцы, но и многие купцы, предприниматели.

В больницах не хватало медработников. Многие врачи и фельдшера были на фронте. На станции Кузоватово Сенгилеевская земская управа в срочном порядке строила госпиталь. В Сенгилее возводились дополнительные различные бараки. Врачом Сенгилеевского медучастка стал «революционер» А. А. Георгиевский (впоследствии профессор). В штат был введен эпидемический врач. Эту должность занимал доктор Жадовский.

Многое изменилось в городке. Неизменными остались, пожалуй, только церковная служба, да плац запасного полка, где с утра раздавалось: «Ать-два! Ать-два!». Время от времени звучали бравурные марши полкового оркестра, провожавшего на фронт очередную маршевую роту. А по праздникам тот же оркестр на Соборной площади наяривал мелодии из оперетт, искристые мазурки и задумчиво-грустные вальсы.

Страну потрясали забастовки. Население промышленных центров остро ощущало недостаток продовольствия. Зима стояла снежная, с частыми метелями и трескучими

морозами. В «Биржевых ведомостях» сообщалось: «60 тысяч вагонов с топливом, продовольствием и фуражом для фронта и тыловых городов застряли под снегом, не способные пробиться к столицам».

Шел январь девятьсот семнадцатого...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Новоструев К. И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств. М., 1909 г., стр. 558.
2. Масляницкий Т. Г. Топографическое описание Симбирского наместничества вообще и порознь городов и уездов и обитающих в нем инородцев по запросным пунктам Ея Императорского Величества. СПб, 1784 г.
3. Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете т. II, Казань, 1879 г., стр. 143—146.
4. Извожиков М. И. Каранинский, Сенгилеевский городок. Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. том V, Казань, 1884 г., стр. 3—4.
5. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества под редакцией В. П. Семенова, СПб, том VI, 1901 г., стр. 410.
6. Ушаков. Кудеяров городок, «Ульяновская правда» за 20 июля 1993 год.
7. Письма П. Т. Петрова. Архив автора.
8. Кузьминский Н. А. Край наш родной, Ульяновское отделение Приволжского книжного издательства, 1975 г., стр. 18.
9. Там же, стр. 19.
10. Там же, стр. 23.
11. Красовский В. Э. Столетие города Сенгилея, Симбирск, 1902 г., стр. 5.
12. Журнал «Ульяновский общественник», Ульяновск, 1927 г., № 2.
13. Архив автора.
14. Ульяновский краевед В. А. Сукайло считает, что Симбирск основан не в 1648 году, а раньше. «Народная газета» за 11 июня 1993 года.
15. Зерцалов А. Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходно-расходная книга Симбирской приказной избы); 1665—67 гг. Симбирск, 1896 г., стр. 142—143.
16. Там же, стр. 126—127.
17. Там же, стр. 127.
18. Там же, стр. 145.
19. Липинский А. Материалы для географии и статистики России. Симбирская губерния, часть II, 1868 г., раздел Сенгилей, стр. 735—738. Красовский В. Э. Столетие города Сенгилея, Симбирск, 1902 г., стр. 4.
20. Там же, стр. 5.
21. Мартынов П. Селение Симбирского уезда, Симбирск, 1903 г., Приложение, стр. 30—31.
22. Липинский А. Материалы для географии и статистики России, часть II, СПб, 1868 г., стр. 736.
23. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина под редакцией А. Попова, М., 1857 г., стр. 86—90.
24. Каржавин. Степан Разин в Симбирске, Ульяновск, 1944 г., стр. 60—63.

25. Кузьминский Н. А. Край наш родной, стр. 47.
26. Мартынов П. Селения Симбирского уезда, стр. 12—13, 47, 299.
27. Липинский А. Материалы для географии и статистики России, стр. 25—27.
28. Холмогоров В. Материалы для истории Симбирского края, стр. 39.
29. Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. Москва, «Наука», 1969 г., стр. 347. Липинский А. Материалы для географии и статистики России, ч. 1, стр. 27.
30. Липинский А. Материалы для географии и статистики России, ч. II, 1868 г. (выписка из спорного дела сенгилеевских солдат с помещиком Окоемовым), стр. 30—35.
31. Там же, стр. 35—36.
32. Край Симбирский, Ульяновское отделение Приволжского книжного издательства, 1989 г., стр. 75.
33. Матыкина Л. Г. Слово о пасынках России, газета «Ульяновская правда» за 7 декабря 1991 года.
34. Липинский А. Материалы для географии и статистики России, часть II, СПб 1868 г., стр. 735—736.
35. Масляницкий Т. Г. Топографическое описание Симбирского наместничества.
36. Липинский. Материалы для географии и статистики России часть 1, стр. 156—177.
37. Масляницкий. Топографическое описание Симбирского наместничества, стр. 340—365.
38. Фон-Винклер. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, СПб, 1899 г., стр. 169.
39. Красовский В. Э. Столетие города Сенгилея, Симбирск, 1902 г., стр. 8.
40. Евдокимов П. А. Здравсохранение в уезде, газета «Путь Ленина» за 26 июня 1966 года.
41. Словарь географический Российского государства, часть V Р-С, СПб, 1807 г., стр. 974—975.
42. Красовский В. Э. Столетие города Сенгилея, Симбирск, 1902 г., стр. 9.
43. Фотокопия хранится в Сенгилеевском краеведческом музее.
44. Красовский В. Э. Хронологический перечень событий Симбирской губернии, Симбирск, 1901 г., стр. 64.
45. Кузьминский Н. А. Край родной, стр. 70.
46. Прошлое нашего края (сборник архивных материалов) Ульяновское книжное издательство, 1968 г., стр. 70.
47. Там же, стр. 68—70.
48. Кузьминский Н. А. Край родной, стр. 65.
49. Бейсов П. П. Новые материалы для биографии Н. А. Гончарова, Ульяновск, 1956 г., стр. 159—160.
50. Пушкин А. С. ПСС, изд. «Наука» т. 10, М., 1965 г., стр. 447
51. Симбирские губернские ведомости, 1838 г. № 5.
52. Липинский А. Материалы для географии и статистики России, часть II, стр. 486—496.

53. Обзорение начальных народных училищ в Симбирской губернии за 1874 г., Симбирск, 1875 г., стр. 50.
54. Календарь Симбирской губернии на 1877 год, стр. 113.
55. Обзорение начальных народных училищ Симбирской губернии за 1874 год, стр. 50.
56. Симбирская земская газета, 1876 год, № 4.
57. Липинский А. Материалы для географии и статистики России, часть I, СПб, стр. 177—206.
58. Липинский А. Материалы для географии и статистики России, часть II, стр. 535.
59. Там же, стр. 537.
60. Там же, стр. 169.
61. Красовский В. Э. Столетие города Сенгилея, стр. 10.
62. Липинский А. Материалы для географии и статистики России, часть II, стр. 163—167.
63. Там же, стр. 89.
64. Там же, стр. 80.
65. Там же, стр. 81.
66. Ромашин И. С. Первая стачка вольнонаемных рабочих в Симбирской губернии. Краеведческие записи, № 15, стр. 220- -226.
67. Прошлое нашего края, Ульяновск, 1968 г., стр. 100-102.
68. Там же, стр. 95-96.
69. Край Симбирский, стр. 96.
70. Прошлое нашего края, стр. 105-106.
71. Гриценко Н. П. Очерки по истории г.Симбирска-Ульяновска и Ульяновской области, изд. «Ульяновская правда», 1948 год, стр. 110-111.
72. Шипунов Ф. Великая замятня, ж. «Наш современник», 1989 год, Москва, № 10, стр. 124-125.
73. «Симбирские губернские ведомости» за 10 февраля 1862 г.
74. Зазоев А. Г. Заметки о реформе 1861 года (рукопись) Сенгилеевский краеведческий музей.
75. Там же.
76. Там же.
77. «Симбирские губернские ведомости» 1862 г. № 7 и 9.
78. Левашов В. Реформа 1861 года в Самарской и Симбирской губерниях, Куйбышев, 1940 г. стр. 53-54.
79. Там же, стр. 65.
80. Там же, стр. 66-67.
81. Липинский А. Материалы для географии и статистики России, ч. I, стр. 482-483.
82. Красовский В. Э. Столетие города Сенгилея, стр 11-12.
83. Липинский А. Материалы для географии и статистики России, ч. II, стр. 656-659, 694-695.
84. Там же, стр. 676—678.
85. Евдокимов П. А. Здравсохранение в уезде, газета «Путь Ленина» за 26 июня 1966 г.
86. Липинский А. Материалы для географии и статистики России, ч. II., стр. 576—604.
87. Там же, стр. 464—483.

88. Там же, стр. 443.
89. Цитируется по очерку А. Д. Китранова: Илья Николаевич Ульянов в Сенгилее, газета «Путь Ленина» за 16 апреля 1965 года.
90. То же.
91. Журналы и доклады Симбирской губернской земской управы очередному земскому собранию. Симбирск, 1881 г., стр. 175.
92. Назарьев В. Н. Очерк 33 школ Симбирского уезда за 1876—77 учебный год, Симбирск, 1877 г., стр. 4—5.
93. Педагог и просветитель И. Н. Ульянов, Приволжское книжное издательство, Саратов, 1965 г., стр. 152—153.
94. Красовский В. Э. Столетие города Сенгилея, стр. 12—13.
95. Журналы и доклады Сенгилеевского 39 очередного уездного земского собрания за 1903 год, Симбирск, 1904 г., стр. 243—249.
96. Календарь Симбирской губернии на 1879 год, Симбирск, 1878 г. стр. 171.
97. Природа, хозяйство, культура Ульяновской губернии. изд. Ульяновского губплана, 1927 г., стр. 252—264.
98. Вестник Симбирского земства, 1886 г., № 5, стр. 106—107.
99. «Симбирские губернские ведомости», 1891 г., № 50.
100. «Симбирские губернские ведомости», 1892 г. № 16.
101. Липинский А. Материалы для географии и статистики России ч. II. стр. 605.
102. Там же стр. 509—515.
103. Календарь Симбирской губернии 1877 г., стр. 156.
104. Красовский В. Э. Столетие города Сенгилея, стр. 11.
105. «Симбирские губернские ведомости», 1868 г., № 80.
106. Красовский В. Э. Хронологический перечень событий Симбирской губернии. Симбирск, 1901 г.
107. Журнал Сенгилеевского 39-го очередного земского собрания за 1903 г. Симбирск, 1904 г., стр. 127—128.
108. «Симбирские губернские ведомости», 1891 г., № 50.
109. Газета «Голос», СПб, за 22 октября 1891 г.
110. Красовский В. Э. Столетие города Сенгилея, стр. 15.
111. Журналы Симбирского уездного земского собрания за 1904 год, Симбирск, 1905 г. стр. 104—105.
112. ГАУО ф. 320|855, оп. 1, д. 337, лист. 6.
113. Там же, л. 8.
114. 1905 год в Симбирске, изд. истпартотдела губкома РКП|б. Симбирск, 1925 год, стр. 47—48. Федоров Г. Н. Памятники и памятные места революции 1905—07 гг. в Ульяновской области (рукопись), Краеведческий отдел Дворца книги, январь 1975 г., стр. 15.
115. ПАУО ф. 102, оп. 1, д. 2550, л. 170.
116. ГАУО ф. 320|855, оп. 1, д. 337, л. 6.
117. ГАУО ф. 108, оп. 37, д. 192, лл. 23—24.
118. 1905 год в Симбирске, приложение VI.
119. ГАУО ф. 76, оп. 9, д. 36, л. 15.
120. ГАУО ф. 76, оп. 9, д. 36, л. 13.
121. Крестьянское движение в Симбирской губернии в 1905—07 годам (сборник документов). Ульяновск, 1955 г., стр. 83.
122. 1905 год в Симбирске, стр. 82.

123. Крестьянское движение в Симбирской губернии, стр. 170—171.
124. ГАУО ф. 84. оп. 1, д. 691, л. 15.
125. Крестьянское движение в Симбирской губернии в 1905—07 г. стр. 179—180.
126. Там же, стр. 180.
127. Газета «Слово молодежи» за 17 августа 1991 года.
128. Зырянов П. О Столыпине и не только о нем. «Неделя», 1989 г. № 38, стр. 10.
129. Статистический ежегодник Симбирской губернии за 1913 год. Симбирск, 1914 г., стр. 266—267.
130. Там же, стр. 105.
131. Природа, хозяйство, культура Ульяновской губернии Ульяновск, 1927 г., стр. 64—66.
132. Подворная перепись Симбирской губернии. Сенгилеевский и Симбирский уезды, изд. Симбирского губернского земства, стр. 34—42.
133. Журналы Сенгилеевского 39 очередного уездного земского собрания за 1903 год. Симбирск, 1904 год, стр. 156—157.
134. Там же, стр. 158—160.
135. Журналы Сенгилеевского очередного 46-го уездного земского собрания, 1910 г., Симбирск, 1911 г., стр. 306—309.
136. Журналы и доклады очередной 45-й сессии Сенгилеевской уездной земской управы 1909 года, Симбирск, 1909 г., стр. 14—38.
137. Там же, стр. 50.
138. Журналы и доклады Сенгилеевской уездной земской управы очередной 46-й сессии 1910 года, Сызрань, тип. Балакирщикова, 1910 г., стр. 38, 68—73.
139. Журналы и доклады Сенгилеевской земской управы очередной 45-й сессии 1909 года, Симбирск, 1910 г., стр. 98—99.
140. Журналы и доклады Сенгилеевской уездной земской управы очередной 46-й сессии, стр. 41, 150.
141. Журналы и доклады Сенгилеевской уездной земской управы очередной 39-й сессии земского собрания за 1903 год, стр. 41.
142. Там же, стр. 42.
143. Там же, стр. 43.
144. Там же, стр. 45.
145. Там же, стр. 44.
146. Журналы и доклады Сенгилеевской уездной земской управы очередной сессии 1910 года, стр. 73—92.
147. Там же, стр. 87.

148. ГАУО, ф. 76, оп. 7, д. 952, л. 10.

149. ГАУО, ф. 76, оп. 7, д. 1405, л. 15.

150. ГАУО, ф. 76, оп. 7, д. 1405, л. 37—38.

151. ГАУО, ф. 76, оп. 7, д. 1405, л. 43.

152. Гнутов М. А. За власть Советов. Приволжское книжное издательство, Ульяновское отделение, 1966 г., стр. 36.

153. Там же, стр. 30.

154. Денежные отчеты Сенгилеевской земской управы за 1916 год, Сенгилей, 1917 г., стр. 48—49.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	3
Наша предыстория	5
Сенгилеевские слободы	21
Уездный городок	32
Отечественная война 1812 г.	40
Жизнь без прикрас	43
Транспорт, промышленность, торговля	49
Крепостное право	57
Реформы шестидесятых	63
Город, финансы, нравственность	74
Земство	80
Управление уездом	90
Город и его обитатели	93
Девятьсот пятый и другие годы	103
Земские заботы	118
Война	129
Примечания	139

РЯБОВ ВАЛЕНТИН АЛЕКСЕЕВИЧ

СЕНГИЛЕЙ

(заметки о прошлом уездного города)

Редактор С. А. Осипов.
Художник Н. М. Уваров
Технический редактор Г. Маслова.
Корректор Н. Гаврилова.

~~~~~

Сдано в набор 8. 02. 94 г. Подписано в печать 12. 04. 94 г.
Формат 60х84 1/16. Бумага типографская.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,25.
Тираж 1000 экз. Заказ 280.

Областное книжное издательство «Симбирская книга».
432021 г. Ульяновск, ул. Гончарова, 52.
Государственное предприятие «Квант».
433380 г. Сенгилей Ульяновской обл., ул. Володарского, 7.

